

18+

ЕСЛИ ПРОТКНУТЬ ГЛОБУС

—
ТОМ

Ольга Фронская

ЕСЛИ ПРОТКНУТЬ ГЛОБУС

Ольга Гронская

Если проткнуть глобус. Том 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69306301

ISBN 9785006014725

Аннотация

Удивительная история кругосветного путешествия, которое, вопреки здравому смыслу, совершили две, танцующие танго, безбашенные подруги не самой первой молодости. Здесь все как есть – правда. И возможно нет такого вопроса или сомнения, которое живет в душе каждого потенциального путешественника, которое мы бы не разрешили на собственной шкуре. Но как же это классно набить шишек и пустить приключения в свою жизнь.– А какая главная мысль, что ты хотела донести до читателей?– Что «потом» не бывает. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Начало	9
Как складываются пазлы	13
На свободу с чистой совестью	24
Глава 1	38
На низком старте	38
Тараканчики	42
День предпоследний	65
Глава 2 КУБА – ЭТО КУБА	67
Куки	91
Нам надо в Варадеро	99
Глава 3	127
Глава 4	158
Нехорошая квартирка №5	189
Первый выход в город	206
Глава 5 С САНЕЙ ПО НАСТОЯЩЕЙ ЖИЗНИ	234
Я не такая	249
Глава 6	269
Конец ознакомительного фрагмента.	277

Если проткнуть глобус

Том 1

Ольга Гронская

© Ольга Гронская, 2023

ISBN 978-5-0060-1472-5 (т. 1)

ISBN 978-5-0060-1287-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается моим родителям

Благодарность – это то, что мы почти всегда оставляем на потом, стесняясь выразить тепло и признательность сразу.

Со временем, мы оправдываем свою забывчивость занятостью, ценность вклада других людей в собственные «великие» свершения постепенно нивелируется, да и сами достижения уже не кажутся такими весомыми: «Чего ворошить, все уже прошло, неловко, конечно, что не успела сказать спасибо, но я же помню и в душе очень благодарна».

Я счастлива, что сейчас могу выразить свою признательность и любовь всем тем замечательным людям, без помощи и поддержки которых это путешествие и рождение книги просто не состоялось бы.

Пусть кому-то и запоздало.

В первую очередь, я хотела бы выразить безмерную благодарность Петину Тимофею Евгеньевичу, учредителю ООО «Центр теплоэнергосбережений», издателю этой книги, меценату и просто Человеку слова, который, безоговорочно поверив в меня, отправил в Путь и является на протяжении всего этого времени теми «тремя китами» в едином лице, на которых держится все это захватывающее приключение.

Огромная благодарность Гарафутдиновой Наталье Вильямовне за редактуру, критику, исчерпывающие комментарии, поддержку в моменты сомнений и заключительную рецен-

зию на книгу, которая просто вдохнула в меня жизнь.

Я говорю огромное спасибо Алексеевой Ольге, моему первому читателю, за то, что была со мной в самый неблагодарный период написания, за драгоценную обратную связь, за то, что выдержала, за терпение и любовь, Зайцевой Юлии за искреннюю помощь в оформлении, Стоумовой Наталье за квалифицированную поддержку в нелегкие времена начала.

Я благодарю всех причастных за поддержку и понимание, это придало мне сил для завершения книги.

Я хочу выразить свою признательность и любовь Башлачеву Николаю Алексеевичу, гениальному теплоэнергетику и человеку, моему учителю и другу, который, собственно, и был тем изначальным источником профессиональных знаний и высоты человеческих отношений, которые позволили впоследствии многое реализовать в жизни.

Моя осознанная благодарность Юшманову Андрею за то, что почти тридцать лет назад вытащил с полки у знакомых первый том произведений Кастанеды о Пути воина, Минину Сергею за энергетическую поддержку и добрые компетентные советы, Кругловой Наталье за благословление и любовь, Бариновой Татьяне за то, что есть в моей жизни.

Я бесконечно благодарна своей дочери Ольге. Ты заботилась о доме, была рядом со мной каждую минуту, давала спокойствие, уверенность, квалифицированную помощь. Я чувствовала «каменную стену» за спиной. Спасибо за трезвость,

вовлеченность и беззаветную любовь.

Огромное спасибо Касаткиной Наталии – администратору и душе нашей группы в ВК.

Я сердечно благодарю мою двоюродную сестру Польшину Галину и Медведеву Ларису за взятие на себя заботы о моих животных.

Кланяюсь до земли всем родственникам, друзьям и читателям блога, что лег в основу этой книги, за соучастие, тепло, комментарии и своевременную материальную поддержку.

Это было крайне важно и значимо для меня.

Вы шли вместе с нами, давали энергию и уверенность. Я никогда не предполагала, что это так сильно чувствуется на расстоянии, что это так нужно и так здорово.

Спасибо!

Дорогие мои Маракулина Л. А. и Емельянова Н. Ю., мои товарищи, Друзи, поделившие этот путь... спасибо за то, что вы есть.

Тут я не знаю, что сказать. Наверно, просто – теперь вы герои литературного произведения. Простите, если что не так...

С любовью, Ваша Гроня

Начало

Эта история началась в...

А какая история? И началась ли? И закончилась ли? Чушь какая-то. Все гораздо проще, если без высокопарных подъездов, которые я, чего уж там, как натура восторженная, обожаю.

Путешествовать многие любят, кто-то вроде меня очень-очень, прямо по жизненным показаниям, кто-то повдумчивее. И планируют, и дни считают, и совершают, и наслаждаются, и фотографиями делятся.

Реально, отпуск – это отпуск. Счастье. Но все знают, что представлять «как будешь там» и как «на самом деле», разные вещи. Не бывает никаких сногшибательных событий в предвкушаемых волшебных *пу-те-шест-ви-ях*. Вернее, они есть, но не сногшибательные. То есть в момент, когда происходят, они такими не воспринимаются. Внутри любого события заключена просто текущая жизнь. Ты себя самого берешь с собой. Он самый тебе и обеспечит все как регламентировано.

Вначале, если ты не великий просветленный, все происходящее с тобой будет трактоваться на бытовом уровне, в терминах благословения или проклятия. А объективный взгляд со стороны, понимание чуда и захватывающее описание событий, как в «Детях капитана Гранта», придут потом. Сами

собой. Или не придут.

Вообще, я думаю, что в дорогу тянет именно потому, что осознание жизни, как непредвзятого события, легче всего достигается при перемещении в пространстве, когда куча нестандартных ситуаций и новизны автоматом вытесняют из извилин въевшуюся грязь от заношенных мыслей. В себя приходим. Вышли по нужде, а теперь возвращаемся.

Так прям и задумаешься бывало, глядя на колоссящиеся золотые нивы: «А жизнь, брат, это и есть одно большое сногсшибательное приключение, из равноценных мгновений собранное».

И те моменты, которые «до» были – шикарные, и те, которые «после», и даже те, которые «вместо». В этом и фишка. Можно не париться в ожиданиях лучшего. Оно и так уже лучшее. Хотя хочется по привычке.

Понятно, что проблески осознания и радость бытия в текущем моменте, если и настигли ненароком на дивной прогретой скале пред синим-синим, то по мере погружения в родное болото после отпуска скоропостижно испаряются. У меня так точно. Рутине противостоять не так легко, хотя можно. Но некогда. Дел вообще реально много.

А точка отсчета для идентификации желанного состояния полета, это когда уже вернулся из отпусков, чтоб совсем не затянуло, все равно у каждого где-то внутри шает. Можно вспомнить, как летал. Если хочешь.

– Пользуйтесь!

– Так пользуемся...

Почему решила написать?

Был кусок жизни, который ты прожил так, как хотел. В периодической сонстройке с чем-то большим, чем повседневная обеспокоенность, будущим.

И это, не смотря на бурление поверхностных эмоций и оценок, с будь здоров, какими помехами восприятию. В глубине существа эта сонстройка все равно ощущается, как цельность и благополучие. Как счастье, что ли. А что еще надо-то?

Может, сумею передать кому-нибудь, что невозможного мало. Может, кто-то манатки соберет и пойдет на край света. За звездой кочевой. Забив на ограничения. Может, не зря тащилась в такую даль.

Почему потащилась?

Так за звездой кочевой.

Однажды некая энергетическая нить, которая на удивление не сдохла, как целая куча ей подобных в горшке с чахлой рассадой утрачиваемых возможностей, неожиданно напиталась силой, возможно, от хорошего удобрения и в понятный ей момент ожила, зазвенела, натянулась и, не особо дожидаясь моего внятного согласия, просто взяла, да и, чувствительно щелкнув, забросила на другой конец земного шара.

– *Заказывали? Получите, распишитесь.*

– Ага, понятно. Где, говорите, расписаться? – немного взволновано блею я, разговаривая со Вселенной, и чуть дрожащей рукой ставлю виртуальную подпись, – Вот.

– *Тогда – вперед,* – подмигивает Вселенная.

– Вперед? Уже? Куда, зачем, какой перёд?

– *Тот самый.*

Впрочем, голову лучше не включать, может переключить. Потому что, о! я точно знаю, не откажусь от этой затеи даже под угрозой смерти.

Как складываются пазлы

«Кай складывал из льдин и целые слова, но никак не мог сложить того, что ему особенно хотелось, – слово «вечность». А Снежная королева сказала ему: «Если ты сложишь это слово, ты будешь сам себе господин, и я подарю тебе весь свет и пару новых коньков впридачу».

Г. Х. Андерсен «Снежная королева»

Моя подруга – товарищ Людмила – полиглот, знает несколько языков, включая немного испанский. Мы познакомились с ней в нашей череповецкой Школе танго и постепенно, слово за слово, стали приятельствовать.

Людочка – обладательница белокурых волос и золотого характера, повидала на своем веку много стран, но главное, как оказалось, она имеет способность передавать это ощущение легкости открытия безграничности мира другому человеку.

Мне, например, передала.

С чего-то взяла и брякнула пару лет назад: «Нам надо в Аргентину съездить, танго у местных мастеров поучиться танцевать». Это потом я узнала, что она никогда ничего просто так не брякает, а в тот момент я внутренне усмехаюсь и даже чуток раздражаюсь на «совершенную нереальностью» такого мероприятия.

«Я и Южная Америка! – и я в первый раз думаю, что она баба хорошая, но не от мира сего, – Да вы что?!» И забиваю на эту чушь.

Потом случается странный прецедент. Как-то зимой при разговоре на выходе из дверей ресторана «Прованс» после милонги Людмила роняет: «Люблю Прованс. И ты поедешь».

Тут я решаю быть немного поаккуратнее с этим «кремлевским мечтателем», все-таки меру надо знать. Городит всякую... Естественно, отмахнувшись, значения не придаю.

Тем не менее, по весне поехав в Испанию, я благополучно тащусь именно в Прованс на двухдневную экскурсию, где обалдеваю от красоты Ниццы, Канн и буйства красок родины Ван Гога в Арли. И только потом осознаю, что я реально легко побывала там, где велено. По приезду я, как в том анекдоте, пытаю ее: «Люда! Ты знала, ты знала! Откуда?».

И по всей Европе эта сказочница, элементарно сказочным образом, отправляет меня прокатиться галопом в две тысячи семнадцатом, так, между делом. Чем дарит мне кучу живительного солнца в то жутко дождливое лето.

А дело было так. Жил когда-то в Череповце, будучи в полуторagodичной командировке на «Северстали» в середине двухтысячных, один француз по имени Винсент. Люда тогда в свою Школу по обучению иностранным многим носителей языка, обитающих в нашем городе, приглашала.

Вот и этот для обоюдной пользы похаживал – со студентами общался, в качестве наглядного примера, и помощь при

адаптации к местным условиям от Людмилы получал. Не хилую, кстати.

Задружились, по-человечески.

Вот с этим другом-французом, приехавшим поностаальгировать в Череповец, я и уехала по Европе на обратном пути. На его шикарном служебном автомобиле, без оплаты за проезд. И не потому, что халява, хотя я ее люблю, а потому, что транспортные расходы товарищу честно оплачивала его люксембургская фирма, а ему приятнее ехать в компании, и он не жлоб.

Поэтому к высказываниям череповецкой сказительницы Маракулиной Л. А. к середине две тысячи семнадцатого я начинаю относиться с пристальным вниманием и уважением.

И когда уже осенью, после очередного танго-забега, она без тени улыбки и с полной убежденностью снова заводит пластинку с песней: «Оля, тебе ведь надо в Аргентину. Вместе со мной», мое нутро вдруг замирает. Потом спокойно укладывает внутри эту мысль, будто она всегда там и жила.

А почему, собственно, нет? Я смотрю на Александровну, она на меня – я знаю, что капитуляцию моего вредного ума она отлично чувствует. Принятие растекается по телу, сопровождаясь глубоким вдохом-выдохом. Я глупо хихикаю, услышав, как в моей голове раздается отчетливый щелчок, когда мозги переключаются на «Вкл».

В общем, это правду говорят, что в одну секунду ты точно

знаешь, что там будешь.

На всякий случай с клоунской улыбкой я ставлю оберег и подтверждаю:

– Тьфу-тьфу- тьфу! Таки, да.

– Именно. Чтоб не сглазить, – серьезно поддерживает Людмила, и тоже плюет через левое плечо.

– Ну, теперь все в порядке, – улыбаюсь я.

Хотя мне почему-то уже не смешно.

– Оля, ты как к танго пришла? – вдруг спрашивает Люда, обдумывая что-то, наверно, очередное важное.

– Я? Так вроде с детства приучили, – прикидываю я.

Потом тоже торможу и задумываюсь более конкретно, откуда ноги растут, и поправляюсь:

– К музыке в смысле. Танцевать-то здесь никто его не умел по- настоящему.

– Расскажешь?

– Если интересно, то конечно.

Память услужливо размывает очертания танцевального зала и переносит в нашу небольшую двухкомнатную квартиру на первом этаже. Мне девять лет. Начало осени. В доме праздник, опять взрослые, веселясь, без конца заводят пластинки, я знаю, что вот эта называется танго. Аргентинское.

Мне нравится мелодия, но не нравится, что в доме очередное шумное застолье, где на меня не обращают внимания. Я чувствую все больший дискомфорт по мере увеличения размаха разгула. Звук мелодии танго ассоциируется с безвек-

торным шумом подвыпившей компании.

Я его ненавижу, я хочу тишины и, не выдержав, нервно требую, чтобы выключили проигрыватель. Я уверена, что никогда в жизни не буду слушать это действующее на нервы «танго».

Потеряв терпение, я повторяю это слишком взвинчено, на что папа, неожиданно всплыв, вдруг хватает проигрыватель и разбивает его вместе с пластинкой об пол. Мы огоршено смотрим на осколки.

Тем не менее, через несколько лет после последовавших извинений, пояснений и прощений, уже имея в доме полный комплект всего, что только было выпущено в стране по теме танго на виниле, собранный, понятно, папой, я обнаруживаю себя сидящей у проигрывателя и переписывающей слова танго Оскара Строка «Лунная рапсодия».

Я захвачена мелодией. Чтобы успеть записать текст, я останавливаю проигрывание после каждой строфы и записываю что запомнила и затем снова бухаю звукосниматель на нежные черные бороздки.

Худшие увечья получают пластинки с танго на иностранных языках, потому что поди-ка разбери сразу эту заморскую речь. Вот мне и приходится по десять раз прослушивать одно и то же, чтоб идентифицировать абракадабру хоть в какое-то подобие слов.

Что делать, песни без слов не бывает. И я очень стараюсь. Хуже всего мне дается прононсный французский, а лучше –

четкий итальянский. Бедные певцы в испорченных бороздках заикаются и шепелявят, но я ничего с собой поделывать не могу, потому что хочется влиться в коллектив иностранных исполнителей осознанно. Через пару часов самоотверженного труда, закатывая глаза, я уже могу, как они, кантиленно тянуть: «Ун танго итальяно, ун дольче танго! Осенси-то унноте сонар, сото ун селонтано».

Меня не очень волнует, что я не понимаю смысл списанного, но я уверена, что как великий исполнитель здорово воспринимаю это через музыку. И передаю зрителю. В виде кошки и соседей.

Особой моей любовью пользуется «Парижское танго» Мирей Матье. Шедевр моего распознавания на слух немецкого звучит примерно так: «Дас ис да париже танго, месье! Ганс Парис тандисен танго, месье! Ун ич зеге ичен дерт диде шрит, ден ич вайсе махамит». Беллисимо! Горжусь собой и пою раз пятнадцать подряд.

Душа просит совершенства, и тут я даже пытаюсь привлечь учительницу немецкого из соседнего класса для помощи в переводе и изучении, сама-то я изучаю английский. Но что-то там не срастается, всем некогда, и моя горячая попытка вникнуть в иностранный язык глубже тает, как мороженое на солнцепеке.

Еще через какое-то время папа, застукав меня за «работой» по изучению языков, почему-то не сердится, хотя я вижу, что он сожалеет о моей неаккуратности. Интересно, по-

чему?

Папа принес новую большую пластинку. Говорит, что тут есть одно старинное танго 1935 года, и что оно в каком-то нашем фильме про войну звучало, может, я помню. Я не помню. Тогда поясняет, немного стесняясь, что оно очень красивое, он знал его раньше в детстве, теперь вот нашел. И что эта музыка точно отражает в кинокартине военную обстановку в последний вечер перед разлукой двух людей в комнатке с дырявым потолком, через который просачивался дождь, а смерть может быть совсем рядом. Но это ничего не меняет, потому что там любовь.

Я вижу, что ему не терпится послушать, причем вместе со мной. Танго называется «Дождь идет». Это необычное название мне очень нравится.

Игла опускается на блестящую поверхность, и в комнату неудержимо втекает решительный и чистый звук аккордеона, подкрепляемый наивным глуховато-басовитым тюканьем струнных, ровно, как и положено для старинного исполнения. А потом берет верх проникновенное соло на трубе, и затем бархатный довоенный тенор просто сообщает, что он все знает о любви и разлуке. В его голосе нет ничего лишнего или слащавого. Он все понимает и принимает. Даже если больше они не увидятся никогда. И потом соло надежды на гавайской гитаре. И тьма позднего вечера, когда сердце полно вопреки всему.

Маленький шедевр захватывает меня полностью. Папа ис-

коса поглядывает на меня: «Ну как тебе?» А я, еще не понимая, что произошло на самом деле, просто мотаю головой, что: «Очень». По-моему, он счастлив, что кто-то разделил с ним этот момент. Я тоже. Это вообще счастье, когда можно разделить ощущение. Вообще, думаю, у меня замечательный папа.

Я уже искренне не понимаю, как могла думать, что ненавижу танго. И почему это все вопреки бурному началу трансформировалось в такую любовь. Возможно, тот удар проигрывателя об пол и был тем якорем, что зацепил мое внимание, не знаю. Только танго захватывает меня мертвой хваткой и больше никогда не дает никакой возможности слинуться.

Мне хочется научиться это танцевать так, как я пару раз видела в фильмах. На удивление, когда спрашиваю маму, умеет ли она танцевать танго, она отвечает: «Да! Конечно», и я прям опешиваю от неожиданности. Мама уверенно берет меня за талию и за десять минут выучивает меня адаптированному варианту танца под мелодию танго, больше похожему на фокстрот.

Танго такой сложности в нашем городе тоже мало кто танцевал, но это было не совсем то, что я хотела. Я хочу по-настоящему, с экспансией, элементами, шагами и опрокидываниями. Танец страсти. Как в кино. Мама смеется и говорит, что такого она не знает. И никто здесь не знает.

Я смиряюсь, увлекшись другими затеями на много лет.

Ко мне заветный танец приходит лет почти через сорок

*после того дня. В нашем уездном городе наконец открыва-
ется школа аргентинского танца. Собственно, и в Россию
массово танго начали внедрять энтузиасты только в са-
мом конце девяностых, когда появилась возможность сво-
бодного передвижения этих энтузиастов по шаррику, а, сле-
довательно, выучиться у аргентинских маэстро и, вернув-
шись, начать преподавать страждущим. А пока до провин-
ции дошла очередь, ой-ей, сколько воды утекло.*

— Вот так, – выныриваю я из прошлого, – Ничего себе
мы засиделись, прости, что увлеклась.

– У меня мурашки идут, это верный признак, что все
правда, – даже не думает торопиться проникшаяся, как уме-
ют очень немногие, Людмила, – спасибо.

– Тебе спасибо! Знаешь, отсекала, что меня гложет недю-
жинная досада, почему возможность учиться танго ко мне
не пришла раньше! Ведь, оказывается, самая первая студия
в Череповце функционировала еще два года назад. Но до ме-
ня эта информация сказочным образом просто не достуча-
лась.

– Есть как есть, всему свое время, – Людочка, будто зная
что-то важное, подмигивает, – как говорят мудрые люди,
лучше поздно, чем очень поздно.

– Это точно, – облегченно соглашаюсь я, забив на хмурые
облачка сослагательного наклонения.

Проходит еще несколько месяцев, мы периодически все

более детально возвращаемся к нашим планам, и они начинают приобретать зримые очертания. Но чего-то не хватает. Толчка, что ли, какого-то.

Однажды мартовским утром, по пробуждению, после очередного вечернего обсуждения в квартире Людмилы наших великих планов, когда к щекочущим душу мечтаниям под рабочим названием «как мы поедем в Аргентину и обязательно заедем в Чили», вдруг из моего жаждущего масштабов нутра нагло добавляется: «Надо бы нам захватить еще Мексику. И Перу!», пазл в моей голове складывается.

В одну секунду набрав ее номер, выдыхаю в трубку: «Люда, а почему не кругосветка?! Не замахнуться ли нам на Вильяма нашего Шекспира?».

На мою подсознательную уверенность я слышу выдох: «Ох!! Я мечтала об этом всю свою сознательную жизнь, но ... это долго. И деньги. Может, все-таки по центральной и южной? Думаешь, потянем?»

Но я уже завелась и с пришедшим во время еды аппетитом торжественно заявляю: «Понятия не имею. Но знаю, что так правильно! Мечтать, так о великом! Ты согласна?». И мой товарищ отвечает: «Да».

Через пару дней, когда несколько переварились восторг от ощущения причастности к великому и распирающая гордость от собственной крутизны, мы принимаемся реально планировать путешествие, потихоньку врубаемся, что наши знания в некоторых областях крайне скудны. Просто как пи-

петкины. Чего уж там... И пахать сейчас для подготовки придется не по-детски, а основную работу, дающую такие необходимые и такие любимые «денюжки», никто не отменял. Но раз взялись.

– Да, кстати, Люда. Про работу, это интересный и волнующий момент. Как-то еще отнесутся мои любимые работодатели к академическому отпуску на девять месяцев, – я мысленно уже готовлюсь к разговору, – А как ты со школой будешь?

– Я как раз решила закрыться и перейти на онлайн обучение. Период расцвета прошел.

– Да? Хорошо. Все в этом мире проходит, – не особо вникая в грустные нотки моего друга, соглашаюсь я.

На свободу с чистой совестью

Вот что хотите, но наличие в голове убеждения, что ты должен доработать до пенсии, а уж потом можешь гулять смело, так цепко держит в своих когтистых ручонках, дескать, «не имеешь права», «недополучишь», и даже, самое страшное, «с протянутой рукой милостыню просить пойдешь», что лично я, как стандартный продукт советской эпохи, избавиться раньше положенного срока от этого наваждения и ограничения не смогла. Хотя и пыталась.

Стать человеком с заветным статусом «отбывшего срок трудовой повинности» я успела, запрыгнув в последний вагон перед омолаживающей реформой, потому что повезло вовремя родиться. Мама-папа, спасибо!

По новой шкале я – человек среднего возраста, который иногда именуют зрелой молодостью. Раз написано, значит так и есть. Ура.

Да и жизнь показывает, что ничего вообще не происходит при выходе на пенсию. Никаких изменений. Как работал, так и работаешь дальше. Все довольны, ты тоже еще не привык к новому статусу. Даже стараешься не думать об этом происшествии, потому что все равно немного жутко от того, что ты раз, и уже пенсионного возраста. И тебе должны место уступать в трамвае. Место, впрочем, никто не уступает, по причине наличия пока еще товарного вида, но замечаю, что ста-

ла сама занимать свободное сиденье без зазрения совести, типа имею право, могу документ показать. Вот они первые плюсы.

Так потихоньку и привыкаешь к новому званию, правда аккуратно обходя в разговорах тему статуса. От ярлыков по-дальше.

И вроде бы все как всегда, ан нет.

Замечаю, что периодически начинают посещать какие-то новые щекочущие флюиды, неизвестной этимологии, донося отдаленные обрывки мыслей: «Рабы не мы... свобода... нас встретит радостно у входа... имею право...» и ш-ш- ш-ш-ш, как шорох сухих листьев.

Первый и второй уровни свободы

Может, сама бы и не сообразила, да позвонила в День рождения институтская подруга Ленусик Румянцева и поздравила ...с первым уровнем свободы!

– Это как? Чего в виду имеешь? Можно пуститься во все тяжкие? — на ходу пытаюсь врубиться я, позвоночником ощущая крутизну формулировочки.

– Так да, до пенсии доработала. Первый уровень достигнут. Теперь свободна, – подтверждает, уже прошедший посвящение в «свободные люди», товарищ.

– Да уж, просто, как все гениальное, – не скрывая изумления, констатирую я, – Задари фразочку!

– Пользуйся, – великодушно разрешает дружище.

Вот добрый человек. И какой умный!

Мне страшно любопытно, как пользуется свободой сам автор бессмертных слов, о чем я тут же интересуюсь. Поскольку лично для меня верх мечтания – это ездить, то есть перемещаться в пространстве на любом виде транспорта, включая свои «неказенные», я уверена, что так у всех, поэтому демонстрируя свою догадливость, спрашиваю:

– И куда ты поедешь?

Однако подруга Лена смеется упреждающим смехом и со свойственной только ей растяжкой фраз, придающей весомость произносимому, поясняет:

– Нет, Оля, никуда я не поеду.

– Как так? Не любишь путешествовать? Любишь, не ври, – я еще пытаюсь убедить себя, что не ошиблась, – Нет, реально – какие планы?

– Путешествовать люблю, сама знаешь. Но, дела перво-степенные есть. Деньги нужны. И на пенсию не проживёшь. Козе понятно.

Да, козе понятно, конечно. И мне понятно, хотя я и Осел по зороастрийскому гороскопу. Тут же, додумывая только что стрельнувшую мысль, что, наверное, придется чередовать периоды зарабатывания средств и периоды их траты на другие виды деятельности, которые для души, я культурно переспрашиваю:

– А какие дела? Интересное что-нибудь придумала?

– Интереснее некуда, – констатирует Ленка, – Мама плохая совсем. Восемьдесят три года. Лечить надо, кормить и указания выполнять по сельскому хозяйству на даче. Она знаешь какая? Даст задание, сама не может уже, а ты должна на огороде корячиться, чтобы все было. Тогда она спокойна.

Стараюсь здоровый консенсус найти, в сторону снижения полевых работ, объясняю, что легче купить. Но это с трудом дается. А побережь, чтобы не беспокоилась, хочется.

– Ты лучшая из дочерей, – констатирую я, красиво применяя известную фразу из фильма, – А брат чего? Не заставить?

– Ну, ты же знаешь. Мальчики нынче как отрезанный лосюток. Они издалека любят. Ими жены руководят. А у них свои мамы. Двух-то не потянуть. Вот на дочках все и держится.

И я с ней полностью согласна и, вспомнив длительный период болезни папы, мучительную нагрузку и абсолютную поглощенность, хмуро добавляю: – Особенно, когда ты единственная.

– Да, это вообще без вариантов, – улыбаясь моей серьезности, вторит Ленок, – Но куда денешься? Не простишь себе потом.

Быстро вырвав из качнувшегося в грусть настроения, бодро резюмирую:

– Значит, у меня первый уровень свободы – это и не первый вовсе, а второй? А у тебя как раз по-правильному, пен-

сия – это первый и есть.

Мы смеемся над нашей классификацией, немного острым насчет двусмысленности ситуации: «И свободы хочется, и чтоб родители бодрые в девяносто лет бегали, детям на пенсии помогали». И еще про то, что если ты не успел вовремя, лет тридцать назад, сбежать в Канаду, пока родичи в силе были, то ты уже и не сбежишь. Будешь с ними до конца в месте их дислокации. Потому что любишь. Да, и Канада нынче не в моде.

В конце концов решаем, что нумерация уровней свободы, она у кого как по жизни получается. И если внутри свободы нет, то и снаружи обстоятельства непреодолимой силы материализуются всенепременно.

– Умные такие! – веселимся мы, радуясь, что поболтали.

Люблю Ленку, точная она. Умная. И добрая. Когда положили трубки, память услужливо вытолкнула воспоминание о папе, и вот сейчас, по мере изложения, она почему-то требует сформулировать точненько, что по чем. Не знаю зачем. Надо!

Про папу

Я не знаю, что такое мой папа.

Сиротское дитя войны, с надломленной психикой, оставшееся один на один с этим неприветливым светом, помыкавший как приبلудный щенок?

Добрейший друг и учитель детей, с которыми он на «ты» с момента, когда те только начинают говорить «мама» и «дай»?

Тонкий неврастеник с потрясающей эрудицией и гремучей смесью юмора, и сарказма?

Мастеровой-плотник, умеющий вырубить идеальное топорище для топора, а это высший класс в этом деле. Радио-электронщик, который первый свой ламповый телевизор собрал в 1964 году, когда в нашей провинции еще и слово такое не все знали? И мультики по которому, как великое чудо, к нам в комнату приходили смотреть одуревшими от счастья глазенками все детишки нашего длинного барачного дома в Торговом переулке.

Дом три, комната двенадцать. Помню, оказывается. Мама велела заучить адрес сразу, как только сознание поселилось в моей всегда вымытой и отлично постриженной головке. Правильный подход во все времена.

В моем папе умещались одновременно стремящаяся к свободе, совершенству и путешествиям личность, обожающая Жюль Верна и Каверина, и зависимое затравленное существо с огромным, приобретенным с войны телом боли, иррационально и безумно боящееся потерять семью, как свою маму в оккупации в сорок четвертом, с постоянным мнительным проецированием своих невыносимых страхов и подозрений на жену, мою маму, как на объект возможного предательства.

Как могло все это соседствовать в одном незаурядном человеке?

Ума не приложу.

Но это так, ведь я была рядом с ним на протяжении пятидесяти двух лет и, как любой ребенок, чувствую и знаю своего родителя до тайных потрохов. Может лучше, чем он сам. Подозреваю, что мой ребенок так досконально изучил меня. И все равно любит.

Пожалуй, я никогда не встречала больше такой созидательной и всепоглощающей любви к детям, какая была саккумулирована внутри моего папы. Что это было? Талант педагога? Его внутренний ребенок, который остался живым и видящим, как нужно внимание таким же живым детям? Желание делиться? Необходимость в дружбе? Все вместе и, может быть, еще что-то важное, чего я пока не понимаю.

Во всяком случае есть десяток с лишним детей, которым, на мой взгляд, очень повезло быть его друзьями. Думаю, не так плохо, что они знают, что такое Большая Медведица и Кассиопея, и где их можно наблюдать на небе, знают, что можно с удовольствием складывать дрова в поленницу, чувствуя гордое удовлетворение от выполненной работы, держать молоток, спускаться по реке на плотках, уметь делать лук и стрелы, и что Вторую рапсодию Ференца Листа, ту что из «Тома и Джерри», можно сыграть и на гармошке.

Чем старше родители, тем больше ты осознаешь, что когда-то, с большой долей вероятности, тебе придется пере-

жить их уход. Думать об этом страшно, но знаешь, что рубеж неизбежен. Много лет это было для меня одной из самых невыносимых мыслей. Стараешься не фокусироваться и успокаиваешь себя, как ребенок, спрятавший голову под покрывало: «Только не сейчас!». Но подготовиться невозможно.

Мама умерла внезапно. В две тысячи седьмом году, на февральскую перемену погоды.

Помню, как я два раза протяжно кричала истошным утробным звуком, выбрасывая из себя ужас и болевой шок, когда после неуверенного звонка перепуганного отца, прибежав в темноте, не разбирая дороги, в родительскую квартиру, мы с дочкой увидели ее спокойно сидящей за столом на кухне, только с неестественно откинутой к окну головой.

Мы всегда знаем, когда смерть на подходе к кому-то из близких, чувствуем всей кожей, однако это знание настолько отвратительно и пугающе, что мы предпочитаем успокоить себя первым попавшимся плацебо.

Сейчас по прошествии времени я даю себе отчет, что отчетливо видела витающую над мамой смерть.

Сделать я ничего не смогла. Или не хотела. Или не давали, потому что это не мы решаем.

Папа ушел через семь лет, которые, может быть, были самыми спокойными во второй половине его жизни. Папа ушел после продолжительной выматывающей болезни, которая, собственно, и возникла от того, что исчез его вечный

раздражитель, коварный искуситель и козел отпущения – мама, которую он так и не смог победить, потому что воевал на самом деле сам с собой, со своими призраками. Дракона победить можно только в себе. Эта потеря была слишком велика для него.

Уход родителей, особенно после физического и душевного опустошения за длительную болезнь, безусловно, приносит облегчение, но до конца скомпенсировать переходный процесс в сиротство не сможет. Энергетический фактор.

Самое интересное, что по прошествии времени память о родителях очищается от суждений, эмоций, оценок, как от непрозрачной обгоревшей глиняной опоки, и истинный свет, как драгоценное изделие, безудержно выходит наружу из-под обломков.

Он прекрасен, совершенен и всегда рядом с тобой.

Третий уровень свободы

Третий уровень наступает однажды, когда под воздействием погоды, искусства, случайно оброненной кем-то фразы, умной книги, медитационных практик и мало ли чего еще удастся случайно-неслучайно близко подобраться и перехватить тонкое осознание неизбежности собственной кончины. Ага. Чем раньше, тем лучше, кстати. Здорово помогает.

Он наступает тебе на горло, и ты вдруг спокойно-отчетли-

во понимаешь, что если не сделаешь это сейчас, то не сделаешь никогда.

Если не вестись на поводу иррационального страха, это очень даже можно представить, что ты живешь последние минуты, и вслушаться в свои горестные сожаления. Правда, «сказать» не вестись и «действительно» не вестись – вещи разные. Потому, что банально нужно энное количество свободной энергии, чтоб в жалости к себе не потонуть, то есть объективным остаться. Но можно.

Я не раз пыталась послушать себя любимую, посыпающую голову пеплом на смертном одре о том «какнадобылобысделать!» Но получалось не особо. Хотя и пыталась. Бессмертной себя ощущать было гораздо приятнее.

В тот раз, после возвращения от Людмилы, неожиданно намерение сработало. Очень, видимо, надо было.

Решила я перед сном подкачаться, практики сделать свои, чтоб энергетический канал на будущее путешествие в Аргентину лучше формировался, и неожиданно, лежа на коврикe, то ли уснула, то ли в полудреме «унеслась», как наяву, в нашу старую квартиру. И не совсем понимаю, в «когда» попала? Что это за время?

Оглядываюсь и слышу уже невнятный голос совсем больного лежачего папы: «А знаете, девчонки, какое самое большое счастье...? Это, когда мальчишкой, накупаешься в Березине и на песок потом упадешь, лежишь, тепло, солнышко пригревает...».

Потом услужливая сегодня память в довесок шелестит разговором, в котором больной папа пытается объяснить, что больше всего сожалеет о том, что не построил дом в деревне. А ведь так хотел.

Он сделал бы это профессионально, с упоением, но не получилось. И что если б можно было вернуть, то бросил бы все и сделал именно это. Для нас. И деньги были и задумка. И что он не понимает, как так могло получиться, чтобы так хотеть и профукать. И время, и силу.

«Завтра не бывает», – добавляет он.

Картина оказывается настолько ясной, что ощущение безысходности затопляет по самые глаза. И я, мужественно попробовав продышать ситуацию как положено, все-таки начинаю реветь и выскакиваю на поверхность у себя дома.

Вытерев глаза и высморкав распухший нос, еще два раза шмыгнув от нежности к родителям, думаю: «О чем я буду жалеть, когда ничего не вернуть и время профукано, но ты еще живой».

В голову лезут комки мыслей, стремительно разлагаясь на составляющие, они напозают друг на друга, как игрушечные паровозики в мультике. Рассердившись, я велю им заткнуться и сосредоточиваюсь на очень медленном дыхании. На пятом примерно вдохе мои мысли успокаиваются.

Я вижу полутемную комнату, где я выдавливаю кому-то бесцветные слова: «Хотела совершить кругосветное путешествие, испытать все приключения, которые придут. Но вре-

мении не было, и денег не так много, некогда было».

И поток ощущений на отчаянном невозвратном уровне, затопляет меня.

«Фу-у-у-у... как все хреново-то», – думаю настоящая я.

Неожиданно откуда-то из живота поднимается тугой смерч созидательной агрессивности против собственной бесхребетности. Находясь одновременно в двух временных точках, я на уровне тела четко понимаю, просто слышу, как говорю вслух, что лучше сдохнуть под пальмой, чем на одре. Главное, идти. Бояться-то нечего. И пусть все случается.

«Господи, какое счастье, что я еще живая», – благоговеино принимаю скромный дар я, и, выдохнув, благополучно материализуюсь в своем мартовском вечере на коврике.

«Кажется, я жутко хочу есть. Нестерпимо просто! – прислушиваюсь я к массовому громкому недовольству в животе, – И пить».

Ощувив прилив энергии, как неваляшка вскакиваю и мчусь в кухню, свалив по дороге табуретку. Рванув дверцу холодильника, впиваюсь в содержимое: «Че там такое в коробочке вкусное?»

Ага, картофельные драники из магазина, сойдет, яйца, сарделька лежалая, отварим, и два помидора!! Ура, живем!»

Уверенность вливается с каждым жевком горяченького, а после сардельки и вовсе хорошеет. И я, как большая, формулирую уже накрепко пойманную мысль: «А свалю-ка я

на все четыре, и на подольше, и по-настоящему. Куда глаза глядят. Чтоб сопли потом на кулак не мотать. Да не вопрос».

Пишется это долго, а на деле – это секунда, которая высушивает все выделенные в процессе перепросмотра жидкости и соединяет: «А моно было?» с «Нуно!». И все.

Дожевывая сардельку, я весело понимаю, что ничего не поздно, а все в самый-самый раз! Именно сейчас. И меня ждут приключения там, на другом «конце» глобуса, а Вселенная просто по-отечески пинает под задницу, придавая начальное ускорение.

Утром, не умываясь, я звоню Людмиле с предложением расширяться до размеров земного шара.

Примечание №1

Когда перейден рубеж к третьему уровню свободы, пронизанному истинным намерением, обстоятельства, как капризный ребенок, почувствовавший твердую руку родителя, с удовольствием подчиняются Заказчику и начинают сами собой складываться наиболее благоприятным образом под Клиента.

Примечание №2

Для достижения третьего уровня ни наличие денег, ни наличие времени или каких-то прочих условий значения не имеют. На самом деле, если честно, то для его достижения не имеют значения

и первые два уровня.

Глава 1

На низком старте

Сначала мы считаем, что освещать кругосветку, как положено серьезным путешественникам, лучше сразу в четырех сетях: В Контакте, в Инстаграмме*, в Ютубе и местной газете. Чего там сложного – лепи да лепи. Мы еще не подозреваем, что даже просто писать регулярно в ВК окажется до предела загружающей ношей, но это потом, а пока мы, высунув языки, слушаем платные курсы, как раскрутить канал в Ютубе без затрат, и думаем, как обозвать группу в ВК. Одновременно я ваяю тонкий проникновенный рассказ для первого поста, млея от красоты изложения и значимости материала.

Вот он – первый рассказ!

Путешествие – оно что?

Оно путешествие и есть – шествие по пути. По какому? А по «такому имену тебе подходящему» пути, который нагрезился еще в детстве под влиянием книг и кино о путешествиях. И папой обозначился, что: «Надо когда-нибудь Южный Крест своими глазами увидеть». На небе. Ночном, конечно.

Это созвездие такое, видимое только в Южном полушарии. И что, когда смотришь на звездное небо того полушария, испытываешь шок от того, что оно совсем другое, будто ты в другом измерении.

«Конечно, – добавлял папа, – это если ты знаешь наши северное небо с созвездиями, если – нет, то и шока никакого не будет, звезды как звезды, смутное ощущение что чего-то не так и все». Древние мореплаватели в ориентации по звездам здорово разбирались – там вопрос жизни это был. Вот у кого онемение, наверное, было так онемение. Шока с онемением хочется. Карту звездного неба с переменным успехом мусолю со второго класса. Сейчас надо подновить в голове, а то вдруг не пройдет?

Хочу на Огненную Землю, потому что если проткнуть глобус насквозь, то стержень выйдет примерно в том районе. Сейчас еще дополнительно прикидываю: «Интересно, как я там буду себя чувствовать – так же противно как в очень высоких северных широтах нашего полушария (Дудинка, привет!) или наоборот – это будет кайфовое место?»

В общем надо посмотреть, как там люди кверху ногами ходят!

Антарктида – это по факту – просто НАДО и все. Пингины ждут. Согласна на все, только бы попасть задешево. Задорого любой дурак съездит. А у меня весь бюджет путешествия немного меньше, чем прокатиться на лайнере к Антарктиде. Случаи наглого путешествия в «прихватку»

за пятьдесят баксов историей зафиксированы. Может и нам повезет. Правда, говорят, оказию ждать приходится долго. В общем, посмотрим. Как получится. Так-то мы фартовые.

А ... чуть не забыла – еще одна из самых главных причин уйти в путешествие!

Вам когда-нибудь хотелось из лета попасть опять в лето? Вот когда наступает эта вялотекущая темно-коричневая слезливая осень? Мне – да. Я даже в детстве представляла, что можно каждый год перемещаться из одного полушария в другое и всегда ловить весну. Люблю я ее. Как там у Ободзинского: «И в-е-е-чная ве-е-сна-а-а-а».

И хотя я сейчас зиму тоже жалею, уже лет, наверное, пятнадцать как люблю. Из-за катка и потому что чисто-чисто и благостно, но детское желание – чтоб осенью умотать в южное полушарие и опять почувствовать тепло и преддверие лета, вах!! Очень помню.

И мы удираем туда. Похоже, настала пора. Найти дверь в лето.

Мы решили отыскать ее в кругосветке, потому что если уж половину пройдем, то почему по пути назад и остальные меридианы не пересечь в погоне за манящим, чего мелочиться-то?

В пути будем вести блог. Вместе идти легче.

И так, кто с нами?

Ваши Винни Пух Гронский и Пятачок Маракулин

Вроде бы ничего получился?

Блог решаем назвать «Куда идем мы с Пятачком». По-другому никак. Во-первых, по телевизору в момент обсуждения вдруг показывают мультик про Винни Пуха, ... а во-вторых, мы только что разглядели наши, недвусмысленно намекающие о сытной жизни, не вмещающиеся в аватарку изображения на фотографиях.

* *Инстаграмм* – социальная сеть для обмена фотографиями и видео, в настоящее время запрещена на территории РФ.

Тараканчики

Анекдот из сетей

Стою у плиты, готовлю, не ругаюсь, песенку мурлычу и улыбаюсь немного. Подходит муж, внимательно смотрит на меня, потом легонько стучит коготышкой пальца по моей голове и говорит: – Тук-тук, тараканчики? Вы что, сдохли?

Ой, мамочки!

Это же невероятно сколько страхов, непоняток, незнаний, предрассудков и прочая всплыло на поверхность перед поездкой, как мусор после шторма. И все это надо освоить, утилизировать, переварить и решить в скоростном режиме за полгода.

Про лекарство

Вот есть у меня такая примета, что если с собой возьмешь все лекарства, какие считаешь нужными, на всякий случай, то они точно не пригодятся. Но брать надо. Иначе потребуются. С такой точки зрения я и начинаю собирать «оберег».

Все-таки это разные вещи, когда ты путешествуешь в двадцать лет к нашему Черному морю на месяц и когда, как там помягче... Э-э-э ... в трам-пам... в перезрелом возрасте, во-

круг шарика и почти на год.

В плане «что с собой взять из лекарств, если вдруг...».

Перечень для поездок в двадцать с небольшим лет:

- от поноса,
- от отравления,
- от температуры гпа фоне простуды,
- от головной или травматической боли,
- бинт, йод, стрептоцид,
- лейкопластырь,
- презервативы.

Все это можно купить в простой аптеке черноморского побережья Кавказа. Если чего. Когда за пятьдесят и в кругосветку, то... надо ВСЁ!:

- от задницы, от передницы, для ливера профилактика,
- для наружного применения – если облезло, натерло, разъело, вылезло, расчесалось, растянулось, порезалось или просто треснулось обо что-то больно с размаху и теперь синяк,
- для внутренних, если отравление, несварение, желудку просто больно и жрать не можешь,
- для сердца поддержка – мой крест дорогостоящий после осложнения, иначе, фиг тебе, а не нагрузки,
- биотики, антибиотики, пробиотики, пребиотики, идио-

тики, впрочем, это кажется уже обо мне самой,

– мази заживляющие, когда в тропиках раны гниют,

– всякая хрень, которая дома ещё осталась и пропадет, если не съесть или не измазать вовремя,

– клеящие, обматывающие, прокладочные, антисептические, обеззараживающие,

– от простуды, включая капли в нос и в ухо, от аллергии.

И наконец:

– от поноса, от запора, температуры на фоне простуды, бинт, йод, стрептоцид, лейкопластырь.

«Хорошо презервативы не нужны», – радуюсь я послаблению. Потому что, как человек, приветствующий воздержание, от беспорядочных утех давно отказалась, здоровье дороже, а порядочные так чего-то и не материализовались. Хоть тут экономия.

Нужно все, потому что злобный, такой весь умный голос нашипывает: «Если „чего“ случится, то некогда будет бегать по аптекам! Так и сдохнешшшшь ночью!!».

Смерти не особо боюсь, но по глупости неохота.

И ночью тоже неохота.

В общем, я здраво предполагаю, что в подобном случае ночного «прихода счастья» вдали от нашей родины, может вообще не оказаться аптек рядом или того, чего надо, в них. Или не объяснить на иностранном языке, без знания латыни. Потому что товарные названия могут меняться. И дорого наверняка там будет. Короче, изучив список, я пытаюсь

прикинуть чего убрать можно. Ничего не получается, только если добавить.

Исходя из выше озвученного, методом научного «тыка» определяю, что лекарства и сопутствующие надо «вешать в граммах», то есть брать по весу, и где-то не больше кило двести, кило четыреста.

– Уж, если чего не хватит..., то как-нибудь – пытаюсь примириться с поджидающей жестокой действительностью я, – Не в пустыню же едем африканскую. Да?

Мне все кажется, что именно туда, хотя Африка в наш нынешний забег по планам не входит.

Про чемодан

Сначала надо определиться, в какую ёмкость ты хочешь сложить все, что твоя озадаченная голова считает нужным таскать на твоём же горбу вокруг света.

Когда, огласив о поездке в массы, я первый раз слышу вопрос: «А вы с рюкзаками поедете?», – то несколько оторопеваю, даже напрягаюсь, представив эту высоченную, пятнадцатилетнюю, как минимум, килограммовую дуру за плечами. Но: «Раз люди говорят, может, они и правы. Надо такую версию рассмотреть».

Минут, наверное, десять рассматриваю, прикидываю объём возможностей лямочного переносного средства и время

моей выносливости до того, как позвоночник медленно начнет сползать в трусы. Не, никак не вяжется. Как ни кинь, получается, что в «пятнашку» мне не уложиться, одних лекарств и кремиков для лица и тела, килограмма два или два с половиной.

Туфли танговские с одежкой танцевальной, зимнее верхнее для южного полюса или прибрежных районов с ботинками теплыми красными; спальник, пледик, гамак подвешенной от диких зверей, если спать в нем, пакет с кучей бытовых примочек, а именно: зарядок, переходников, фонарика, батареек, удлинителя, тройника, фумитокса с таблетками; зажигалки, спички, свечки, сушилка для обуви, карты таро, руны, электронная книга и ...прочая совершенно необходимая хрень. Это еще четыре кг.

Ноутбук, диск жесткий переносной. Пауэрбенк (в простонародье «кила») плюсом три с половиной. И это, не считая носильной повседневной одежды, трусов, носков, лифчиков, купальника, полотенец и мыльно-рыльных.

Самое интересное, что с одежкой расстаться при сборе было легче всего. Допустим, уполовинить футболки и выкинуть джинсы. Но все равно ни хрена не входит. А больше, чем с пятнадцатью килограммами по полям прыгать точно ни к чему. Техника безопасности и охраны труда женщинам не велит.

Вообще, найти баланс между тем, что понадобится и тем, что может понадобиться в путешествии, это и есть задачка.

ка номер раз. Никогда не угадаешь. Это еще и к разговору о том, что в самолётах вес багажа ограничен.

Помню, в детстве ужасно смеялась над мальчиком из одной повести, который пришел на лыжную прогулку выходного дня со своим классом, имея в рюкзаке книгу, запасной шарф и шахматы. Когда его спросили, зачем он столько набрал тяжестей, то он искренне ответил, «А вдруг мне на привале захочется поиграть в шахматы или почитать».

Короче, этим мальчиком оказываюсь я сама.

– Эх, умение отдавать никогда не было моей сильной стороной, – приходится признать мне. – Чего уж там. Мне нужно все.

Ничего со своей всеохватывающей любовью к собственным увлечениям и возможным «хотелкам» я поделать не могу. В моем чемодане оказываются даже акварельные краски с набором потертых кистей. И бумага. А вдруг я захочу сделать акварельные наброски дивных теней на берегу океана в предзакатный, блин, час... Это к тому, что о рюкзаке речь не идет от слова совсем.

За время путешествия вес поклажи увеличивается.

Закон прирастания

Итак, воссоздав в воображении всю картину нашего передвижения по свету, прикинув минимальный набор материального для интеллектуального комфорта и безопасности в путешествии, реально почувствовав смоделированное напряжение пресса при ручном подъеме своего добра, я окон-

чательно понимаю, что нужен чемодан.

И не маленький. На колесиках. И боевой негромоздкий рюкзак на спине для ручной клади, компьютера. Напоясные барсетки: плоская незаметная для денег и карт и мягкая спортивная повседневная для всего остального, карман на тесьме на шею для документов, чтобы отдельно было, когда в аэропорту требуют.

Чемодан, большой и розовый, что меня особенно восхищает, на четырех вращающихся колесиках, мне подгоняет дочь. Тяпнула на распродаже в «Ленте». И такой он хороший оказывается, пластиковый прочный, вместительный. Я его теперь называю: «Мой друг». Моя квартира и сокровищница на долгих восемь месяцев.

**Сначала в путешествиях я его берегу, и оттираю поминутно от царапинок и чувствую, как он страдает от небрежного отношения перегрузчиков. Но по мере времени мой красавец приобретает некую закалку, породистую потертость, и внешний вид его больше не ухудшается, а как-то держится на одном средневозрастном импозантном уровне. Молнии выдерживают порой тридцатикилограммовые перегрузки, прессуя содержимое раз «так надо», черные ручки при подъеме вытягивают за собой пластмассовые бока, но мужественно без писка держат вес, колесики без вопросов скачут по всем видам брусчатки и просто по глиняному бездорожью. После помывки колес и периодического протирания*

поверхностей мой розовый гигант опять оживает, блистает и готов к дальнейшим авантюрам.

Бок ему пробили первый и единственный раз, только по возвращении домой в Домодедово, на финишной прямой. Не уберегла. Впрочем, давно известно, что русские грузчики самые злые.

Про билеты

Через Турцию можно лететь, с одной пересадкой. Вот рейс Турецких авиалиний до Гаваны, пересадка в Стамбуле. И недорого реально, в двадцать четыре тысячи можно уложиться. А прямой Аэрофлота тридцать. Но прямой.

Разговариваем по Вотсапу с Людмилой, которая пока отбывает срок в Германии. В смысле в няньках с любимыми внуками в шикарном доме у любимой дочки Полины и ее мужа Андреаса под Берлином. Вернется в конце июля. Я ску чаю. Не хватает ее.

Начать решаем с Кубы. То ли Люда прочиталась статей в блоге своего знакомого путешественника, который начал с Кубы, то ли сработала мечта любого советского человека хоть раз там побывать. За неимением прецедентов. То есть прецеденты в девяностые массово появились, а вот представление о Кубе, как о тропическом чудо-острове, так доминантным и осталось. Я тоже советский человек. Мне тоже «муркнула» эта задумка, а значит первое решение принято.

Как не тяни, а время покупки билетов настает. Пора уже себе по-настоящему отрезать путь к отступлению.

Мониторю. Билеты в одну сторону так противно дороже стоят, чем в оба конца, что переваривается это не сразу. Но обратные нам непривычно не нужны.

– Смотри, вот с одной стороны, вроде, как и экономить душа просит, а с другой тягомотина на начало старта. Уж отвалить, да и отвалить с концами. Чего думаешь? – тереблю я Пятачка, потому что реально не могу преодолеть скупердяйство.

После паузы в трубке, когда Люда прислушивается к внутреннему голосу, слышу заключение:

– Давай прямой. Сели и сели, летим и летим. Начнем красиво. Бери билеты, и все.

Людка права. Полегчало.

В общем, я рада твердому слову и приступаю к мониторингу прямых рейсов.

– На какое число берем? – обыденно задаю я самый важный вопрос.

– Это сама почувствуй. Я согласна на любую дату, как решишь, – выдает мне полномочия Пятачок.

«Здорово. Доверие – это для меня основное».

Так едем, понятно, на зиму, воплощаем мечту о вечном лете. Отбывать можно с осени, с октября, например. Чего тянуть-то. Итак, август еще работаем, раньше не закруглиться, такова специфика моей деятельности с долгосрочными про-

ектами, да лето и в России отличная пора.

«В сентябре дела передаю, визы получаем, собираемся, делаем закупки необходимого», – постепенно шаг за шагом процесс высвечивается, как будто происходит на самом деле.

Затем, тридцатого сентября у папы година. Значит, надо к родителям на кладбище съездить, поведать, попрощаться. Мало ли что.

И все, больше нет смысла задерживаться и рассусоливать. Да? Да. Людочка тоже готова.

Значит, первого октября из дома в Москву на трансфере в аэропорт, а второго стартуем через океан. Навстречу мечте.

Через несколько минут OLGA GRONSKAIA и LUIDMILA MARAKULINA являются полноправными, надутыми счастьем от значимости события, обладателями билетов на самолет Москва – Гавана утреннего рейса второго октября 2018 года.

Ура. Все логично, и прилично.

Непривычно, не статично.

Но отлично, так отлично!!

На заставе пограничной!

Это стих. Бред в общем. Волна эмоций и мыслей неожиданно пронеслась в голове после затишья.

Поэтому «стих» – это в данной ситуации глагол.

Астролог Михаил

Беспокойство – главный бич человечества.

По делу, не по делу – все равно беспокоимся. Понимаешь, что все будет как будет, все равно свое «отсосешь» по полной, согласно характеру и наклонностям, врожденным и приобретенным, которые органично вплелись в генеалогическое умение тревожиться, еще переданное, как база, нашими бабками и дедками, но так хочется, чтобы кто-то сказал, что все будет хорошо.

Главное, я думаю, надо любым способом прекратить тратить силы на такое бесполезное занятие, как беспокойство! А уж каким, выбирай, голуба, сама любой для тебя действенный.

Я решаю радикально покончить с беспокойством по поводу почти годичного отсутствия на родине, обратившись к астрологу Мише. Вернее, это раньше он был Миша, когда лет двадцать пять лет назад мы к нему с мужем по наводке нашего беспокойного товарища обратились ради личного интереса и подтверждения перспектив в бизнесе, а сейчас это Михаил, солидный и маститый московский астролог. Серьезный и малодоступный.

Лет десять, наверно, мы с ним не коннектились, потому что мои занятия по «прочистке головных засоров», то есть энергетическими практиками, сыграли свою роль, прибавив силы и спокойствия, соответственно, снизив потребность в постоянном патронаже современным Нострадаму-

сом почти до нуля. А тут вот чувю я, что очко от предстоящей авантюры чувствует себя немного неуютно, и чувствую жгучее желание пресловутой «соломки», с точным указанием места дислокации, подстелить.

На самом деле я знаю, что это не является панацеей, просто я не хочу пренебрегать ни одним способом, который делает меня немного спокойнее. Сейчас не до показушных бравад.

Короче, вспоминаю о Михаиле. И телефон в закромах отыскивается. Обращаюсь. Встречаемся как родные. Это радует. Он даже цену скидывает, как стародавнему клиенту, что не лишнее совсем, а очень даже приятно. И даже, по моему, ему самому интересно в этом покопаться, так как не каждый год, наверно, его клиенты в кругосветку идут и расклад просят. Хотя, возможно, мне просто приятно так думать.

Я люблю, когда кому-то интересно, а не только за деньги. Несмотря на блат, почти месяц стою в очереди на аудиенцию, вот какой у нас теперь востребованный Миша стал. Немного волнуюсь, когда день встречи с оглашением приговора настает.

Я девушка мнительная. Важно это для меня. Для себя, на всякий случай, перед сеансом решаю, что помешать мне может только в общем, ничто не может помешать мне идти в кругосветку. Разве только стопроцентное предупреждение звезд, указывающее на летальный исход, а сто процентных

указаний в астрологии не бывает.

«Принимаю любые последствия. Но лучше бы без осложнений», – загадываю я.

Михаил предлагает перебивать его в ходе повествования и спрашивать, если что интересно уточнить сразу.

«Замечательный подход, – отмечаю я, – Я по-другому и не смогла бы».

– Итак, что касается путешествия, – приступает Михаил, – я проверил и по Вам, и по Вашим близким, по дочке, со всех точек, и, как я и писал предварительно, все очень удачно, и время выбрано практически идеально.

– Никакие предостережения и тонкие моменты, которые я сейчас озвучу, никоим образом не влияют на общую благополучную картину вояжа. Просто помогут быть готовыми в случае их возникновения, – как доктор сразу предупреждает меня астролог.

Я выдыхаю. Я слышу о возможных проблемах при переходе границ в центральной Америке, не то чтобы «закроют» и упекут в тюрьму, но некоторые задержки и осложнения могут быть. Так, понятно.

Не ходить по ноябрь включительно по Чили, землетрясение напугать может. Не пойдем. Высокая вероятность ограбления, даже очень большая. Говорит, что конец декабря-начало января наиболее опасное, хотя и ноябрь – тоже не сахар. Понятно.

Со здоровьем все отлично, не считая возможных отравле-

ний, без больниц и капельниц, конечно, но весьма чувствительно. А вот у моего партнера по путешествию со здоровьем не все отлично, поэтому крайне внимательно относиться к любым недомоганиям, не запускать, лечить сразу, не перенапрягаться. Это о Людмиле, значит. Передам, чтобы пилюлек побольше брала.

Говорим долгонько, о благополучных перелетах и переездах, об абсолютной сохранности багажа, и что денег хватит. Как бальзам льется на душу заверение, что в плане духовного роста просто максимум можно достичь, прибыток полный поимею и из путешествия я прежней не вернусь.

Звезды подтверждают однозначно, что это уникальная возможность ухватить кусок просветленности и мудрости: «Здорово, типа, ты подгадала, как почувствовала». А я не отрицаю и тихо горжусь, что интуиция не пропитана до конца. Миша говорит, что много чудесного будет, редкого и необыкновенного. Ух, ты!! За этим собственно и идем. Опять мне кажется важным сообщить Михаилу, что цель путешествия сформулировала, как поиск Мест силы. Хочется найти, испытать, посмотреть, как действуют они на человека на Пути воина. Зря что ли двадцать лет в эзотерике подвигаюсь, может, и сработает чего.

**Примечание: «Путь воина» – это так называется, когда ты пашешь- пашешь, медитируешь, просветляешься, укрепляешься, повышаешь, а потом, оказывается, что такой же дурак, как и был, но руки не опускаешь, а опять пашешь-па-*

шешь, медитируешь, повышаешь и укрепляешься.

Михаил говорит, что в 2020 году по звездам у меня очень вероятно еще одно большое путешествие! О, какое же это счастье! И я сижу и свечусь от предвкушений и шикарных предсказаний, млея от нескончаемости возможностей.

Еще Миша дополнительно подчеркивает, что время это для меня особенное, может жизнь перевернуть. Какие-то события судьбоносные могут произойти, особенно в личном плане, крайне значимые для будущего. Про личную жизнь мне сейчас почему-то не особо интересно слушать, так, для справки если. Я даже вскользь удивляюсь этой не типичной для меня незаинтересованности, и явно чувствую, что более животрепещущими сейчас являются вопросы сохранности моих пресловутых медикаментов, отбросив стеснения, еще раз уточняю:

– А лекарства не заберут на границах?

«Ох, дались мне эти таблетки, чего я так в них вцепилась. Точно, умереть боюсь по глупости».

Миша отвечает быстро, и мне чудится, что с небольшим сдержанным раздражением:

– Лекарства?? При чем здесь лекарства. Да, никто ничего не отберет. Целы будут ваши таблетки и мази. Даже и разговора нет.

– Нет? Да?

...Странно, а я начиталась, что могут там потрошить на границах. Не везде все можно провозить. Разные стра-

ны. Разные списки запрещенного. В Германию, например, таблетки Найз нельзя ввозить. Два года расстрела. А у меня с собой курс одних важных препаратов в расчете на девять месяцев взят будет. Не хватало, чтобы мне его аннулировали как излишек.

Впрочем, астролог еще раз подтверждает «все спок», значит и все. Не буду даже больше думать об этом. Без толку переживать. Справку, как в интернете рекомендовано, от доктора возьму, на английском, с печатью, и с рецептом, и все.

– Михаил, а по страховкам медицинским давайте уточним. Дело дорогостоящее, тратить впустую тоже не хочется. Когда обеспечиваться подстраховкой, а когда можно и без них?

– Да, да, – тут Михаил неожиданно соглашается с нетривиальностью вопроса, – Это важно, и все этим интересуются.

Сейчас посмотрим детально.

После разносторонних рассмотрений определяем, что страхуем жизнь и травмы с половины ноября до десятого января. И потом только с половины апреля, в котором нам категорически не рекомендовано пользоваться любыми водоплавающими средствами. Заметано, не поплывем.

Забегая вперед, чтоб не забыть. Весь травматизм за путешествие обошелся растяжением при нырянии и парой моих гниющих царапин, полученных в джунглях. Кстати, они реально в тропиках не заживают, расползаются, но с успехом ликвидируются с помощью просроченной, случайно взя-

той с собой мази «Солкосерил» за два прикладывания. Чудо какое-то. Теперь знаем, что в джунгли брать первым делом.

Как бы ни было, а на страховках долларов триста мы экономим. Разрешение не платить за страхи получили.

А ведь точно – слово страховка произошло от слова «страх».

Когда гороскоп хороший, то и верить в него хочется. Впрочем, Михаилу оснований не доверять не было. Проверено собственной жизнью, наиболее вероятное течение которой было им расписано в любопытное время конца девяностых на начало нулевых, и подтвердилось с точностью девяносто процентов.

Сообщив напоследок, что дома тоже все будет хорошо, и дочь на хозяйстве справится, Михаил почему-то решает еще немного поговорить о Лесе, чему я не возражаю, потому что мне это, безусловно, тоже очень – очень интересно. Свое, родное.

Он всегда раньше о ней непременно упоминал, когда я по каким-либо своим вопросам обращалась, так положено, наверно, а может, карта натальная у нее интересная. Но внимание он непременно заострял.

Вот и тут Михаил не преминул отметить, что: «А вот у дочери Вашей, как раз очень неблагоприятный период наступил в плане травматизма, и продлится он еще полтора года». На машине ездить можно, а вот то, что касается сноубордов (я напрягаюсь, потому что сноуборд ждет зимы в со-

седней комнате), мотоциклов (я напрягаюсь еще больше, потому что мототехника – это дочкина любовь до умопомрачения, и имеет она их две штуки и мопед), и прочих незащищенных видов передвижения – категорическое предупреждение. Травматизм высокой степени сложности и непредсказуемости, лучше без дела не садиться и не вставать.

– Но не смертельно?

– Нет, нет – успокаивает Миша, – в этом плане обойдется, но мало не покажется.

Забеспокоившись, уточняю:

– То есть пронести может, если предупреждена и с ответственностью подойдет к этим вопросам?

– Ну да, ну да, думаю, что все обойдется, – успокаивает Михаил, и я отгоняю от себя дурные предчувствия, ну их к аллаху, своего хватает. Кругосветка впереди.

Продолжаем говорить о том, что Лесе надо ехать за счастьем и деньгами за границу, такая сильная составляющая эмиграции. Там удача ждет и любовь. Но надо самой сделать шаг туда.

Тут раздается звонок, на экране высвечивается Лисенок, то есть доча моя. Быстро отвечаю, что она легка на помине, долго жить будет, не имею возможности говорить, занята важным делом с астрологом и «давай попозже, минут через двадцать».

– Хорошо, – сдержанно слышится на том конце «провода», – Звони.

Я даю отбой, предпочтя не обращать внимание на вроде бы немного напряженный тон. Показалось. Мы еще недолго уточняем подробности, компенсируем тараканчиков, полируем предвкушение от путешествия и расстаемся с Михаилом, договорившись звонить, если вдруг подкатит какая реальная проблема.

Налив чайку и перебирая в голове подробности разговора со штатным звездочетом, я, воодушевленная от дачи «зеленого света» нашей авантюре, перезваниваю дочке, протяжно и довольно переспрашивая:

– Ну, привет! Как дела, котенок! Чего звонила?

– Привет. А меня машина на мотоцикле сбила.

– Что????

Твою мать! Мамаша хренова. Ну, как всегда!

– Жива, нормально, чего болит, ты где?! Ты где?! Что-то надо? Сейчас еду!

– Жива, жива. На Парковой. Ждем, когда оформление закончат.

Я срываюсь на улицу Парковую, где при выезде с боковой дороги Ренжровер не посчитал нужным пропустить синюю Хонду с моим ребенком верхом, что следовала по главной и пустил дочуру по асфальту на боку, на который она прилегла вместе со своим двухколесным блестящим другом, пытаясь уйти от столкновения.

Понятно, что как всегда бывает, авария догнала именно,

когда доча выехала всего на пятнадцать минут быстренько до офиса, забрать документы и защиту в полном объеме не надевала, потому что некогда. Да и что там случиться может за пару минут. Действительно ничего, но не в период, когда по звездам у тебя повышенная травмоопасность. Наука.

Обойтись, обошлось. Скорость не велика, слава те, была и опыт сработал. Всего месяц хромала, как герой войны. Мотоцикл тоже восстановлению подлежит. Не критично. Но неприятно.

Из меда в бочке дегтя – оценщик замечательный попался, мы даже впоследствии немного иронизируем насчет «не организовать ли по теме возмещение ущерба при ДТП бизнес».

Михаилу я, конечно, сразу сообщаю. Он говорит, что да, это так и работает. И предупрежден – вооружен. Все у всех будет хорошо.

Чем ближе к отъезду, тем напряженность возрастает, воздух вокруг становится каким-то более густым и поглощающим звук.

Почему-то я думала, что это будет как праздник, как отъезд в отпуск, сплошное предвкушение и порхающие улыбки-бабочки внутри и снаружи.

Вроде так и есть, я воодушевлена, целеустремлена, но все чаще ловлю себя на некоем впадении в никуда, в молчаливость с застылым лицом. Отчего это? Прислушиваюсь к се-

бе: страха нет, бытовое беспокойство к моменту окончания заготовки и сбора поклажи почти растворилось, все кругом нормально.

Готовность номер один, даже со встречающим в Гаване местным товарищем Алехандро, который учился в России, весьма знает русский и на которого возложены нами почетные обязанности по вводу нас в мир Кубы, договоренность достигнута. Присмотрит на первых порах. Для меня очень важно.

Это к тому, что причинами моего несколько пришибленного состояния были не эти подготовительные моменты, они решились вполне благополучно, а что-то совершенно другое.

Если объяснять простыми словами, то тело внутри переживает предстоящую разлуку с привычным так же сильно, как и радость от предстоящей свободы. Нутро волнует неизвестность, маня и пугая одновременно.

Я знаю, что стоит только отъехать, принять начало, и все будет уже как положено – спокойно и логично.

Идешь себе и идешь, осиливаешь дорогу. Как билет на экзамене вытащил и успокаиваешься, увидев, что чего-то знаешь. Дальше дело техники. Но до отъезда еще несколько недель.

Девятого сентября отмечаем мой день рождения тесным кругом кровных друзей у меня дома.

Напившись, пропевшись и проплясавшись, клянемся в вечной дружбе, причем мои корешки, по мере повышения подогретого Ламбруско энтузиазма, стуча левой пяткой в правую грудь заверяют, что будут присматривать за моим ребеночком, бедной девочкой, мамкой брошенной на произвол судьбы. Покормят, если что и обогреют. Чтобы я «ни-ни, не биспакоилась, ну совсем нискока!».

«Во, сила, настоящие друзья, – думаю я, счастливо истекая в довольной хмельной улыбке, – Не подведут!»

Дочура, которой наемдни исполнилось тридцать лет, и которая не в пример матери пьет только нарзан, понимающе кивает и, подавляя смех, грозит все это зафиксировать письменно, чтоб потом обещавшие не отвертелись.

День идет за днем, по работе мотаюсь в Москву, передаю дела, возвращаюсь обратно. Записываю, чего бы не забыть, а именно: пристроить кошек, спасибо золотым сестре и подруге, заплатить, обменять, подготовить, отдать цветы, прививку от желтой лихорадки сделать, раз от тифа не делают, договоренность с врачом на онлайн консультации подтвердить, по визе в Новую Зеландию дозвониться, ответа, блин, нету до сих пор, сайт дурацкий такой у них, виза точно есть, а где впихнута – найти не могу, волосы, ногти, брови в порядок привести, неизвестно, где там еще чего будет. В баню сходить, отпариться до скрипа на дорожку.

Вроде все получается ладненько так, осознанно, в графиче-

के.

День предпоследний

...Что там за день такой по звездам, тридцатое сентября, не знаю. Днем на кладбище едем, родителей проведать, как и планировали. Сидим. Тихо там. Небо опять голубое-голубое и желтый лес на горизонте. Всегда, когда на кладбище соберешься, погода благоволит.

Вечером интернет-занятие онлайн еще успеваю посетить. «Отлично, вписываюсь, – как-то посторонне отмечаю я, – А ведь следующее будет уже на другой стороне земного шара».

Наша встреча в эфире многолюдная, человек сто со всего мира практикующих путь толтеков собираются, мудрости учиться у учеников Кастанеды, под девизом «мы уже отданы силе, что правит нашей судьбой».

Только то ли от меня передалось всей группе настроение, такое бывает при общей спаянности коллектива, то ли у всех на фазу луны смутные мысли и ощущения интерпретируются как грусть, но в тот вечер сентиментальные флюиды витают над многими практикующими. Причем даже заметно больше над мужчинами, один из которых реально не стесняется своих вовсе не скупых слез, сопровождающих его рассказ в общем эфире о детстве.

Что ж, все созвучно.

Лично меня поток слез догоняет уже через десять минут после начала полуторачасового класса, и я несказанно рада, что настройки моего изображения в программе Zoom сбились, и я почти не видна в темном окошечке другим пользователям, как будто у меня освещение слабое.

Поэтому никто не заметит, как слезы, безудержные и теплые, хлещут с подбородка на мои подогнутые колени, пропитывая влагой хлопчатобумажные легинсы.

Глава 2 КУБА – ЭТО КУБА

Куба – островное государство в Вест-Индии, расположенное в западной части дуги Больших Антильских островов. Страна находится немногим южнее Тропика Рака, на границе Карибского моря, Мексиканского залива и Атлантического океана. С севера от Кубы находится Флоридский пролив (150 км до США), с востока – Навстреленный пролив (77 км до Гаити), с северо-запада – Юкатанский пролив (200 км до Мексики), а в 140 км к югу расположена Ямайка.

Примечание: (привожу потому что сама не знала, может быть, кому-то тоже интересно будет Северный тропик, или тропик Рака, – самая северная широта, на которой Солнце в полдень может подняться в зенит. Это происходит в момент летнего солнцестояния, когда угол падения солнечных лучей на поверхность Северного полушария, меняющийся в течение года из-за обращения наклоненной оси Земли вокруг Солнца, является максимальным. Северный тропик является одной из пяти основных параллелей, отмечаемых на картах Земли. В настоящее время расположена на $23^{\circ}26'16''$ «к северу от экватора. Южный эквивалент тропика Рака – тропик Козерога. Область, лежащая к северу от тропика Рака, имеет субтропический и умеренный климат. Область,

заключённая между тропиком Рака и тропиком Козерога, называется тропиками. В настоящее время наклон земной оси постепенно уменьшается, и Тропик Рака медленно смещается к экватору.

Сам перелет не принёс никаких особых неожиданностей.

Мелкое «жульство» при онлайн-регистрации билетов работало – одно место в нашем четырехместном ряду осталось незанятым.

Что такое «мелкое жульство»? Это хитроумное предположение, что если при регистрации мест в среднем, не очень престижном блоке кресел ближе к концу салона, «забить» места через одно, то бишь в середине оставить пустое место, то шансы, что на него никого не усадят, возрастают.

Понятно, если самолет не битком. Тут уж ничего не поделаешь, только просить Господа дать терпение, смирение и не потерять здоровье, в том числе и психическое. Или свободу за убийство болтливых соседей.

Вообще, я такой дальновидной стала после двенадцати-часового, опупительного по степени «набитости» перелета на чартерном рейсе из Вьетнама домой. С дочкой летали году в тринадцатом, что ли. Тогда за свободное место рядом, дающее возможность просто пошевелиться в кресле миниатюрного азиатского размера, можно было маму родную продать. Как вспомнишь, так и... засмеешься, от радости, что прилетели уже.

Тем не менее на регулярном рейсе Москва-Гавана, доста-

точно набитом желающими попасть на остров Свободы, наша манипуляция сработала! Чему мы были несказанно рады, чувствуя себя прям коронованными персонами по комфорту.

Тем более с учетом того, что в самолет мы садились почти последними, и места под ручную кладь внутри закрывающихся багажных полок уже просто отсутствовали как категория, соответственно, свежий опыт полусуточного трансатлантического перелета с поклажей, размещенной на тебе и под тобой, без возможности вытянуть ноги, уже недвусмысленно грозил пополнить копилку незабываемых впечатлений в моей жизни.

На наш недоуменный вид: «Как так! Что за хрень! Куда ручную кладь совать, мы такие же пассажиры! Почему, собственно...», – старший бортпроводник закатил глаза к небу, попилил себя ребром ладони по горлу, сделал бровки домиком, показывая, что он бессилен против этой кубинской стихии, обожающей брать в салон все, что можно, по максимуму, и быстро свалил по еще более важным делам, предоставив нам решить эту проблему самостоятельно. Опытный, гад.

Вот тут незанятое место рядом оказалось просто волшебным спасением, принявшим под себя и на себя наш нехитрый, но требующий места под солнцем, то есть в пузике самолета, ручной скарб.

Девяносто процентов пассажиров нашего черезокеанско-

го лайнера составляли кубинцы. Эти девяносто процентов местных, в связи с тем, что разница во времени с нами у них составляет минус семь часов, задернули шторы и «сделали ночь» на нашем дневном рейсе.

Соответственно, мы тоже благополучно дрыхнем вместе со всеми в темном, в меру храпящем самолете. Потому что ночь в трансфере, а это шестьсот километров из родного Череповца до такой же родной Москвы в семиместном минивэне Хюндай с редкими по неудобству сиденьями, тоже дает себя знать. И надо было привыкать к новому часовому времени. Усилим воли. С побудками на перманентный прием пищи.

Какой же это кайф – лопать на борту. Да еще борту неплохой авиакомпании.

– Обожаю, – полусонно мурчу я Людмиле, – Не лишка, конечно, ровненько так, но вкусненько с салатиком и десертиком».

Пятачок сладко кивает, уже готовясь залечь дальше. И я в дреме додумываю: «Как это они так грамотно рассчитывают питание пассажиров на одну голодную душу? И сыт, и не пережрал... Надо по прилету обязательно разведать в интернете».

Я это делаю, правда значительно позже, по причинам, о которых радостно поведаю дальше. Но для справки, чтоб опять же не забыть, привожу кладезь забавных сведений сразу.

Кормить на самолетах стали только в середине тридцатых годов прошлого века. Сначала до осуществления идеи кормежки не доходили, потому что в полете сильно трясло, и полеты были короткими. И туалетов в них не было. А потом и самолеты уравнили, и звукоизолировали, и уборные догадались оборудовать.

И само собой, такая отличная мысль, как кормление в путешествии, не заставила долго ждать внедрения. Причем кормили, в условиях капиталистической конкуренции, на убой по началу, целые окорока куриные, по сведениям интернета, выдавали. Пивом, вином заливали, десертами закармливали.

А потом призадумались и порции уменьшили. Причина: большие ешь-большие гадишь. И так многие блюют из-за пониженного давления.

Математически и статистически учеными был найден консенсус между количеством поглощаемой пищи, частотой блевания в полете и количеством посещений туалета. И то ведь не шутка: если превышаетя параметр K – количество посещений уборной на одного пассажира, то и $У$ – утилизация повышается. А если и $Б$ – еще учащается, то совсем не годится – тут ведь и дополнительный туалет обяжут по нормам допроектировать, а это, сами понимаете, бешеные расходы. Вот и вывели медики и экономисты среднюю калорийность для сидячего образа жизни в самолете.

те, и минимальный объем, чтоб это скомпенсировать.

И, в общем, получилось.

Ну, вот теперь понятно! Кстати, добавку, если не наелся, почти всегда дадут. А пилотов кормят разными обедами, чтобы не траванулись оба сразу, в случае чего. Здравая мысль.

Поели, можно и поспать. Поспали, можно и... киношку посмотреть. И мы с нескрываемым удовольствием пялимся в спинку предыдущего сиденья, потому что в нее вмонтирован монитор телевизора. Набор любимых и беспрокольных «Здравствуйте, я Ваша тетя», «Назад в будущее» и «Приключения принца Флоризеля», поскольку самолет Аэрофлотовский, транслируются на русском. Ешь, смотри и наслаждайся. Карашо.

Прилетаем в двенадцать двадцать, точно по расписанию.

— А по-нашему, российскому, уже семь двадцать вечера, — недоверчиво прикидываем мы.

Гавана встречает безветренным зноем и полуденным ослепительным солнцем, воцаряющемся на бездонном голубом фоне.

— Лето...!!! — взломав броню над сердцем растекается моя пьянеющая душа.

— Итак, здравствуй Куба!

Александро встречает в аэропорту. С табличкой «Людмила» на русском. Симпатичный, веселый, находчивый. При-

ветствует, представляется, обнимает. В такси запикивает, водителю сообщает куда ехать, где высадить, чтоб мы его там ждали, так как он сейчас занят, но приедет минут через пятнадцать, сразу следом. И мы вместе пойдём на квартиру, которую он нам забронировал.

Ладно, подождать так подождать, посмотримся хоть немного. А пока едем в таксо, и все кругом жутко интересно! Зелень, небо. Водитель сильно смуглый, немолодой, серьезный такой. Сосредоточенно рулит. Диковинный старинный город за окном проплывает.

О, это надо видеть, Люда пытается разговаривать с водителем! На испанском. И получается. С трудом, понятно, но... есть контакт! Какая она молодец, быка за рога! С ума сойти! А я не понимаю ничего. Впрочем, мне это не мешает представлять, что понимаю и, зацепляясь за отдельные слова, отдаленно что-то напоминающие, сочинять, что пытается донести до нас утомленный водитель.

Высаживают нас в условленном месте, о географических координатах которого лично мы представления не имеем, то есть, если оглядеться, то Алехандро мы ожидаем на какой-то древней площади, обрамленной серыми колониальными зданиями, у дороги, и на теневой стороне. Озвученные пятнадцать минут истекают, гид не наблюдается. Окрестности обсмотрены. Сесть негде, стоять лениво. Жара и в тени под тридцать. От каменного тротуара пышет преисподней.

Заметив невдалеке распахнутый старинный портал в ка-

кое-то учреждение вроде почты, через который видно большой холл, людей и окна с подоконниками, просачиваемся туда. На нас смотрят, но не выгоняют. Чемоданы оставляем на виду у входа, сами примощаемся пока на деревянном подоконнике. Улыбаемся, что реально находимся под крышей и справились с первой задачей. Не зажариться на улице.

Ждем, в окно смотрим.

– Вау... Мы в Гаване! – все еще не совсем верим мы, – Круто!..

Но где же наш сопровождающий, владеющий русским языком и знанием кубинского быта?

– Чего-то застрял, – не особо волнуемся мы, хотя ни интернета, ни мобильной связи здесь толком нет. То есть это будет та еще задница, если непредвиденное что-то произойдет.

Мы просто периодически выглядываем на улицу через ворота, чтобы его не пропустить, и попутно рассматриваем архитектуру и кубинцев.

Александр, которого мы уже прозвали за время сверхнормативного ожидания Шуриком, появляется лишь через полчаса.

Довольный, улыбка до ушей: «О, вы здесь? Молодцы. Отдохнули? Тогда пойдете!»

«Наверно ключи брал от квартиры», – решаю я. И мы идем пешком, гремя чемоданами по древней брусчатке площади в наше новое обиталище, благо оно, по словам Шуры,

всего в одном квартала отсюда.

Опыт путешественника начинает прибывать, когда оказывается, что квартира, заблаговременно снятая Алехандро, причем по нашей горячей просьбе именно в старой Гаване, во-первых, стоит гораздо дороже, чем мы обозначали, исходя из интернет-познаний о ценах на аренду столичного жилья, и этот пройдоха клятвенно нам обещал найти приемлемый ценовой вариант не дороже двадцати пяти долларов. Во-вторых, сие хоромы располагаются на четвертом этаже. Без лифта. А этажи высокие, не как у нас. И ступеньки нестандартные по высоте. Лестничные клетки узенькие. И еще придуман дополнительный промежуточный лестничный подъем к первому этажу, даже в два марша. То есть по сути наш четвертый этаж становится пятым.

Поскольку, как я сказала, это дело было рук святого Алехандро, он и принимает лошадиную нагрузку по подъему багажа на себя. Инициатива, она, брат, дрючит.

В тот момент еще будучи стандартно неизбалованной русской тёткой, привыкшей к поднятию героических тяжестей самолично и без наивной траты времени на оглядку в поисках близлежащего мужчины, взирая на титанические Шуриковы усилия, я вначале ловлю себя на смеси неловкости и сочувствия. Это когда случайно обращаю внимание на остекленевшие и неестественно выпученные глаза нашего провожатого, начавшего подъем второго чемодана.

– Все в порядке, все в порядке, – скоренько выдыхает он,

уловив боль в моем взоре. Тогда я тоже внушаю себе, что и правда, за сорок баксов за ночь – потаскает. Сам выбирал. Мелькнувшую интуитивную догадку: «Как же мы сами потащим это обратно на выход», – я отгоняю. Как будет. Кажется, уже начинаю понимать, что удобнее все решать по мере поступления. Которого может и не быть.

И первый раз знаколюсь с мыслью, что, наверно, это здорово, когда ни времени, ни желания на обмусоливание преждевременных пугающих прогнозов просто нет.

«Какие же неудобные подъезды в старых домах старой Гаваны!» и «Как жаль, что нельзя путешествовать налегке», – дружно продолжаем не соглашаться с действительностью мы, даже когда насквозь пропотевшие все-таки доползаем до нашего первого в великом переходе жилища.

Квартира оказывается чистенькой, из двух небольших помещений, одно, как спальня с двумя кроватями и выходом в ванную, где душевая кабина, о «мама миа», неужели такое бывает, в попытке сделать в квартире «евроремонт» выполнена из ...белого толстеного оконного профиля, со знакомой фурнитурой.

– Это по следам передачи «Умелые ручки» в эпоху дефицита придумано, -мрачно иронизирую я, – Жуть вспомнить.

Вторая комната совмещена с прихожей и кухней, это как холл с диваном, телевизором и стеклянным столом, куда попадаешь прямо из входной двери. Алехандро показывает,

как пользоваться газовой плитой, где лежат спички, где мусорка, какая посуда в нашем распоряжении, выдает пакетики с черным чаем, как в приличной гостинице, сахар, по бутылочке воды. Сервис, черт возьми.

В стеклопакетной душевой поясняет, с демонстрацией явления, что краник на раковине не очень хорошо закрывается, и за ним «надо последить», когда перекрываешь воду. Мыло, шампунь, полотенца в избытке.

Все на уровне, отлично. Потом он пытается наладить работу телевизора, производя какие-то сложные манипуляции с пультом, и, хотя получается не очень, заверяет, что есть четыре программы, затем выдает ключи и ставит электрический чайник.

После того, как мы немного разложились, умылись и попили все вместе чайку, то есть минут через сорок, Александрик предлагает прошвырнуться на первое знакомство с Гаваной.

– И то верно, чего время тянуть! – быстро подхватываем мы.

Страсть как хочется выйти на разведку, несмотря на то, что по-нашему уже дело к полуночи. Интернета нет, связи нет. Только освоение пространства вживую поможет ассимилироваться и приспособиться. И надо провиант купить.

Шествуем по узким улочкам старой Гаваны. Александро показывает товар лицом и на каждом шагу значительно вос-

кликает, что: «Куба – это Куба! Страна контрастов». Будто поясняет, что «у них не забалуешь». Но видно, что гордится. Как будто мы не знаем, что значит жить в социализме и любить родину, мать нашу. Обижаешь, начальник.

Впрочем, специфика мышления социалистического северного сурового человека и социалистического расслабленного южного раздолбая все равно здорово отличается. Но это не подвержение последних хуле, а просто констатация зависимости менталитета и поведенческих предпочтений расы от генетических и климатических факторов.

Сначала я подозрительно поглядываю на поголовно веселых или просто спокойных местных: «Ну как так! Полная нищета и беспросветность, а они тут понимаешь... солнцу улыбаются»

– Люд, может, притворяются?..

– Не, не притворяются, так и есть. Климат замечательный.

«И правда, чего переживать-то, не замерзнешь. И банан все равно где-нибудь упрешь и с голоду не сдохнешь. Так чего и переживать, сложилось так и сложилось. Куба есть Куба, живут они здесь», – в конце концов соглашаюсь я, что на это смотреть приятнее, чем на наших с вырезанными из дуба нахмуренными лицами. Под которыми слышится хруст сжатых зубов и героически перекатываются желваки в необходимости подготовиться к длинной голодной зиме, унаследованной от предков. Хотя давно уже никто не голодает. И по срав-

нению с Кубой живем как в раю. А на зиму особо теплолюбивые в Таиланд уезжают. Но генетика, брат, вещь серьезная, не поспоришь.

Экскурсия продолжается, фиксируется в памяти из преподнесенного немного, но Гавана уже начинает понемногу «заходить» и заигрывающе подмигивать.

Мы с Людой исподволь замечаем, что гаванцы чрезвычайно гордятся фактами, что те или иные знаменитости побывали в этом славном городе и посетили какое-нибудь конкретное заведение. Вся экскурсия Алехандро в основном состоит из восхищенных подтверждений значимости места нашего нынешнего пребывания в мировом масштабе, типа: «Тут тот-то курил, здесь тот-то стригся, а здесь этот трапезничал и оставил автограф на стене».

– Странно, что такая сильная потребность в признании, – шепчу я Люде, – Говорят, люди всегда доказывают то, чем на самом деле не обладают. Похоже, история Кубы по большей части в славном прошлом.

– Да уж, чересчур как-то, – соглашается Пятачок, – Но у них видимо так.

– Да, как есть, так и есть, – поймав себя на скептицизме, быстренько выгоняю поток мыслищ из оценочного русла я и великодушно резюмирую, – Каждый имеет право на лево.

Людка понимающе хихикает, потому что внутри мы все равно лоснимся довольствием, что «у нас-то есть чем гордиться и без автографов великих в парикмахерских».

Я жутко соскучилась по кофе, и вот мы, наскоро проскочив мимо дома Хемингуэя, к общей нашей радости уже сидим за стойкой бара «Cubita», одного из лучших, между прочим, со слов нашего знатока клубов Гаваны.

Кофе исключительно хорош! Он божественен. Алехандро поясняет, что это реально лучший Клуб столицы по кофе, рому и гаванским сигарам. Что касается кофе, то я безусловно согласна. А в остальном...

– Курить будете?..Нет?? – Алехандрик изумлен нашей недалёковидностью, в плане «где вы еще попробуете такое», и продемонстрировав весь процесс обрезания и поджигания, то есть как сигара готовится к употреблению, долгожданно затягивается. Профессионализм сквозит во всех его изящных движениях, это магическое зрелище.

Аромат настоящих сигар совершенно не похож на запах обычного табака. Он не раздражает, имеет особый вкус, мягко обволакивает, а малоподвижные клубы дыма, причудливо зависшие в разных углах полутемного кафе, похожи на призрачные видения.

В углу, на низком потертом диванчике, обитом шелковой материей в полоску, в клубах этого серебристого дыма расположился японский студент, ставший, как нам поведали, завсегдатаем этого местечка и фанатом, если можно так сказать, смакования сигар. Шура говорит, что он ходит кайфовать сюда каждый день, забыв про Японию.

Помещение элитного кафе достаточно обшарпанное, без лоска и ремонта, зато, вернее, поэтому, дух истории и загадочность здесь чувствуются очень явно.

У входа – целая галерея фотографий известных людей, побывавших в этом знаменитом месте: Уинстон Черчилль, Эрнест Хэмингуэй, американские кинозвезды: Майкл Дуглас, Деми Мур, Чарли Чаплин и многие другие. Они здесь были. С ума сойти.

Вот здесь мы и пробуем, несмотря на опасения по поводу «окосеть» от усталости, один из лучших кубинских ромов «Сантьяго де Куба». Вот тут мы не жалеем здоровья и не упускаем этот шанс!

Если сказать, что этот Ром у м о п о м р а ч и т е л ь н ы й, значит ничего не сказать... Нет таких слов, чтоб передать... Песня...

О-о-о! Алехандро счастлив, что мы просекли, и поет оду рому: «Вначале вдыхаешь аромат напитка, а потом „целуешь“ ром». То есть прикасаешься к нему губами и чуть-чуть пробуешь на язык. Очень схоже с дегустацией коньяка или других выдержанных в дубовых бочках напитков. Это мы, слава те, умеем. Сейчас изобразим.

Переглянувшись с Людой в предвкушении, неспешно «целуем» мерцающий Сантьяго.

«...И «тут наша сборная, перехватив шайбу, мчится к воротам противника, оставляя позади... и г-о-о-ол!... Да-а-а...»

Гавана знает толк в роме».

– На самом деле он умоосветительный, – только и может сказать Пятачок, на секунду материализовавшись из космического тумана.

– Кажется, я начинаю понимать, что было истинной целью нашего вояжа на другой конец света.

Угощаем Алехандро. Он доволен, угадали. Глаза нашего нового друга покрываются масляной пленкой, в которой мерцают блики рюмки и ее содержимого, он кайфует, обстановка растворяется в клубящихся полосах дыма, становится ирреальной, от светильников колышутся желтые тени, я теряю счет времени.

Возможно, мне снится сон.

Когда-то видела фильм, где был показан опиумный салон начала двадцатого века, не знаю насколько это похоже, но вспомнился мне там именно он. Этот фильм. Наверно, правильно сняли.

Боясь раствориться там навсегда, мы нехотя покидаем элитарное место. Шура воодушевленно рассказывает бытовые и исторические детали, о себе, о русской жене, дает смешанные указания, потом еще показывает и называет какие-то площади, музеи, обязательные к посещению, дает рекомендации. Знакомит со своей приятельницей дуэньей Терезой, хозяйкой бытового-продуктового магазина, что недалеко от нас. У нее есть вай-фай! О, счастье. И если купить интернет-карточку на час, то подключиться можно в зоне ее

магазина, в подсобке на диванчике. Или искать отель, куда пустят в холл. На диванчике у своих, понятно, удобнее. Час – это очень немного.

Александр, передавая нас с рук на руки, поясняет, что по делу все можно спросить у Терезы. Ведь, Куба – это Куба. Ни фиги ты сам не догадаешься, что, когда, откуда и куда ходит из транспорта и что хлеб можно купить на овощном складе. А с ним в случае крайней необходимости хозяйка может связаться по местному телефону.

Пока все сумбурно, непонятно. Главное, мы запомнили дорогу к Терезиному магазину. Чтоб добежать, если чего, не плутая.

Вообще, как потом оказалось, что в первые дни после проникновения на территорию другого государства непонятно всё, начиная, естественно, от топографии, как будто ты легкий debil с шорами на глазах, но на Кубе это было особенно заметно. Дебилизм, в смысле.

Зато здесь мы в первый раз слышим: «На Кубе, если что-то хочешь сделать, делай это сразу». Захотел купить хоть что – покупай сразу, чувствуешь, что надо сесть в именно в это кафе живую музыку послушать – садись и слушай, захотел сходить в этот музей – иди.

О! Вначале, когда я это слышу от Александр, то думаю, что это просто шовинистический треп подвыпившего кубинского аборигена с хорошим знанием русского языка.

Тогда я еще только смутно чувствую, что подобный

подход «имеет место быть», то есть необходим абсолютно во всех теплых странах. Нет, он совершенно необходим и в самом путешествии, где не бывает, как у самолета, задней передачи. Только поступательное движение вперед. Ни фига ты не вернешься и не переделаешь.

– Хм, ... похоже он приоритетен и в жизни... – недоверчиво прикидываю я, – Это главный принцип, что ли? Во всех странах и широтах?

Но... до глубокого понимания этого лично у меня еще далеко.

На мое счастье Люде Александровне сия мудрая мысль сразу как-то заходит в душу. Готова, наверно, к приему знаний. И она теперь прямо постоянно это повторяет как мантру и пытается реализовать на деле, применяя как ориентир, если затрет при приеме решений.

Постепенно и я на ее примере приучаюсь, что никакого «потом» не бывает. И даже иногда недолго думаю: «Эх, черт бы побрал мое желание поискать повыгоднее, перескакивая через лучшее!»

С нашим гидом расстаемся на огромной набережной, выбеленной солнцем, с одной стороны океан, с другой широченная скоростная трасса, за ней виднеются кварталы серой старой Гаваны и угол церкви. У Алехандро еще дела.

Договариваемся о возможном пересечении на завтра, благодарим. Устали все. Просим дать азимут, то есть махнуть

рукой, куда идти домой, и догадываемся записать адрес в телефоне, иначе, будучи без навигатора, можно здорово обхотаться, как в «Бриллиантовой руке», плутая в одинаковых незнакомых старинных улочках.

Мы с Людой, живо представив эту картину, с одного разу быстренько усваиваем, что вообще, выходя из дома, надо взять за правило иметь сфотографированный или записанный адрес, где стоят твои вещи. Особенно в стране без интернета. Правда такая только одна. Но со страху привычка дублировать координаты становится родной надолго. Условие необходимости выжить улучшает «соображалку» на порядок.

По дороге, понятно, озаботились покупкой жвачки. Точно ведь захочется. А нету. Бичик какой-то был на крайняк, и что-то из самолета черствеет, но это не вариант.

Между прочим, на Кубе, и это совсем несмешно, легко остаться без провианта на вечер. И на утро тоже. Это суровая социалистическая реальность.

Вы не помните очереди после работы в продуктовом магазине? Который работает до семи. И не работает по выходным. «О, ужас, неужели такое бывает?». Я помню.

И мы идем в разведку боем. Добывать еду. Причем это не преувеличение. То есть еще до приезда мы предполагали, что все «не очень» с этим делом, с продуктами, но что так хреново, не предвидели. Забыли. И вот:

– Здравствуй, продуктовый магазин в провинции семидесятих!

Со стеклянными прилавками и задолбанными продавцами.

Оглядев деловито заполненные томатной и зубной пастами полки в центре торговой точки, ловлю себя на страшке голодной смерти. До нее, конечно, далеко, потому что в достатке есть макароны и рис, но в солнечном сплетении предательски сжимается. Люда, как человек, обнаруживший сокровища, показывает в дальний угол: – Вон какие-то консервы стоят и икра кабачковая.

Вечная спутница социализма. В голове проносится мысль: «Почему именно она? Как под копірку».

Под стеклом почти пустого, закрытого круглым стеклом прилавка около кассы, между сиротливыми упаковками с незатейливым рисунком с печеньем (ура, оно есть), привычной дорогой ползет на работу рыжий таракан, никто на него не обращает внимания. Печенья уже не хочется. Ну его, это мучное и сладкое.

Что-то ужасно знакомое во всем этом, жаркая липкость захватывает как в ловушку. Как муху в паутину. Умом понимаю, что выжить везде можно, особенно с нашей закалкой, но иррациональный страх берет верх ...и я, кажется, хочу отсюда вырваться. Зазеркалье.

Впрочем, на ум тут же приходит бравый слоган из некогда суперпопулярного образовательного фильма: «*Орешек зна-*

ний тверд! Но все же. Мы не привыкли отступать! Нам расколоть его поможет Киножурнал «Хочу все знать!»

И мальчик, который прилетел на ракете и молотком раскалывает орех, добыв из него... еду. В виде знаний, конечно.

Радуясь, что это не блокадный Ленинград все-таки, организовано прикидываем, что можем добыть мы. Потому что спасение утопающих дело рук самих их. Значит, в достатке макароны и рис. Томатная паста. Если на улице в лотке прикупить помидоры и лук, а мы видели их в лицо, то вполне можно забодяжить пасту болоньезе.

Еще есть хлеб, правда, мы не знаем сколько тараканов по нему прошло, но если его обжарить, то..ну, можно считать, что он не лежал на караванных путях миграции уса-тых. Тогда можно и печенье взять. Чего уж там. В войну и крыс ели.

Фу, мерзкие мысли с успехом выдворяются, когда мы вываливаемся из магазина с первым неопытным уловом. Кругом предзакатное мягкое солнце, перламутровое небо, перебор струн гитарных доносится.

– Теперь овощи – фрукты.

Их, понятно, в достатке, горами наложены на громадных лотках, которые стоят через каждые пятьдесят метров. Выбираем один, что зазывает громче других. Прицениваемся, собрав все знания испанского. Не, на Куки ни фи́га не дешёво. В полный противовес с мечтами о тропиках, типа «обожремся фруктами». Не обожремся. Печалька. Овощи еще

дороже.

– Помидоры давай не будем покупать? – предлагаю я, – Хватит пасты томатной.

– Да, вполне, – даже Пятачок соглашается поэкономить без лишних разговоров.

Впрочем, по сравнению с нашими ценами, на что-то прайс кажется вполне демократичным. Например, любимого нами с Людой авокадо покупаем много, тут он, слава те, не в цене. Ананас сторговываем. С трудом. Упираются для белых иностранцев, гады. Но мы тоже не лыком шиты, бананы по полкука покупать! Это же дороже чем у нас! В стране вечнозеленых помидор.

«Не пошли бы они, – сердито переглядываемся мы с Людой, – Наглость тоже в меру хороша!» И затем, чувствуя себя героями после битвы, с победой разворачиваемся ближе к дому.

Город в середине красивый. Океан рядом, морским воздухом опахивает. Мы втягиваем его чуткими ноздрями.

– А жизнь-то налаживается – ухмыляется Пятачок, прислушиваясь к растекающейся в груди неге.

По пути присматриваемся к местным кафе, на которые еще возлагаем надежды:

— Чего-то не очень здесь с этим делом. С общепитом. Так, что тут в меню написано?

— Блин! Ну и цены. Москва отдыхает, – тарашусь я в красиво оформленный лист прейскуранта, – И закрыто почти

все вечером в будни! Короче, похоже, так просто даже не по-жрать, если припрет.

– Ладно, завтра на разведку выйдем с большим охватом территории. Приспособимся, – успокаивает Людовик.

До дому добираемся по указанному Алехандро азимуту на удивление нормально.

Вечер, наш первый вечер в кругосветке. Темнеет быстро и рано. Макароны с авокадо, посыпанные чем-то похожим на «сыр», в исполнении домовитого Пятачка прелестны. Отполировав все чайком с галетами, запускаем вовнутрь тишины.

Хочется посмотреть на фиолетовое тропическое небо. С одной стороны комнаты его видно совсем немного, потому что окна и двери квартир соседнего дома, расположенного колодцем как в Питере, выходят на сквозные, приделанные к стенам помосты – анфилады, этакие сквозные балконы-коридоры. Видно, как по ним иногда проходят к своим апартаментам люди, включают свет, двигаются неторопливо, гремят посудой, переговариваются.

Если открыть окно, то слышно всё, что произносится, дословно. Правда пока испанский для меня ещё запределен, и я могу ориентироваться только на настроение говорящих. Вот взлетает визгливый женский смех, это со второго этажа, мама с дочкой-подростком часто заливаются, их перебивает пожилой мужской, прокуренным, требующим внимания голосом, часто прилетает плач ребенка, иногда понятно, что

детёныш просто капризничает от духоты или по привычке, на всякий случай, проверяя все ли ему рады.

Черный, плоский, между прочим, телевизор, прикрученный к оранжевой стене напротив зелёного холловского дивана, несмотря на заверения Алехандро, мы так и не можем настроить, одно снежное мельтешение с плохим звуком. И бог с ним, так как из рябящего экрана, понятно, что оба канала показывают либо кубинские новости, либо сериал на испанском.

Мы без интернета.

*Из Путевых заметок (*далее из ПЗ)*

Куки

*Из старого анекдота 90-х. Покупатель
продавцу: – Взвесьте мне килограмм еды.
Продавец: – Так Вы принесите, тогда и взвесим.*

Еды – «нихт» (по карточкам для кубинцев), транспорта, ходящего по расписанию – «нихт», интернета – «нихт» (по карточкам, и это не из дома делается, а надо идти в ближайшую зону вай-фая, например, в отель какой-нибудь, расплатиться карточкой за покупки – «(нихт-нихт)²»).

Но тепло, и все танцуют.

И раз приехали, то должны, решили мы, насладиться воздухом воспетого в песнях острова сполна. Не зря же многие наши товарищи в восторге от Кубы. Тем более, что билеты на Канкун взяты только на девятое октября.

Поэтому адаптируемся. В конце концов – не Гаити, и все люди – наши социалистические братья.

Через день, когда освоились с бытом, привыкли к жаре и развели места, где все-таки можно купить еду и фрукты подешевле – жизнь на Кубе кажется не такой уж и ужасной.

Грязные улицы как-то нивелируются, прекращают, то есть, резать глаза, и мы почти перестаем обращать внимание на определенные запахи от мусорных баков – неизбежное зло старой Гаваны, где мы и забазирировались.

А несколько центральных широких улиц со скверами даже роскошны и чисты, и если никуда не сворачивать, то впечатление очень даже ничего.

Гавана – город розовых кабриолетов. Наивысшим шиком считается для крутых туристов проехать с экскурсией на таком кабриолете. Местными считается, у нас, например, другое мнение.

Сто двадцать куков удовольствие. Поскольку к категории крутых туристов мы далеко не относимся, ни один розовый кабриолет не был согрет теплом наших ... тел.

А куки... каждый равный доллару, и они так молниеносно профукукиваются в незапланированных объемах, потому что Куба, как оказывается, является виртуозным «высасывателем» денег, не торопясь дать что-то взамен. Нету просто ничего.

В общем причины понятны – «захочешь жить – не так раскорячишься». Приехали – платите. Смирямся. Но, ребята! Давайте все ж в разумных пределах «хотеть».

И опыт- сын

Четыре дня в Гаване пролетают незаметно, мы посмотрели достопримечательности, походили по берегу океана, узнали, где можно с небольшой очередью добыть синюю интернет-карту для связи с миром, наслушались просто охрененных уличных ансамблей-исполнителей при ресторанах

и просто так. Поприплясывали вместе с аборигенами под вододушевляющую и страстную латину.

Отметились у отеля Ambos Mundos, что ровно на полпути между Пласа-де-Армас и Пласа-де-Катедраль, обиталища Хемингуэя, папы Хема, как его панибратски называют кубинцы.

– Ага, вот именно здесь в номере 511 писатель в 1930-е и начал писать «По ком звонит колокол». Вот.

– О!!!

Смотались к океану. Точнее к Мексиканскому заливу, плавно переходящему в океан. Не обойти. Давно не видели море.

Забросили взгляд на синющую даль с прожаренной и практически безлюдной днем бесконечной набережной. Отсюда отлично видно Эль-Морро – колониальную крепость, которая защищает вход в бухту Гаваны, с маяком.

Она на скале на противоположной стороне гавани от Старой Гаваны. Британцы тут хулиганили в шестнадцатом веке, а потом, в восемнадцатом, американцы. Все завоевать хотели. Удалось. Куба была испанской колонией почти четыреста лет, до конца девятнадцатого века, потом США выгнали испанцев во время Испано-Американской войны. Потом выгнали американцев. Фидель выгнал. Все когда-нибудь кончается.

С благоговением поприкасались к горячим камням старинных зданий колониальной застройки. В отсутствие доста-

точной информации просто тыкали пальцами в понравившееся здание и бежали туда, посмотреть ближе, куда указующим перстом попали. Читали какие-то исторические поясняющие таблички и названия улиц на латыни, бесполезно пытаюсь их запомнить.

Вот ведь, сколько необъятной истории. Главное, по закону подлости, только обживешься, и время на усвоение прекрасного и познавательного появляется после бытовухи, так сразу надо уезжать.

– Ну хоть немного вникли, – успокаиваем мы сами себя, – Где ты, гугл?

Тоннами, но без фанатизма, насыщаемся всепроникающим солнцем. Как-то сразу становится ясно, что обуглиться, при желании, здесь можно за пару часов, и мы прикидываем, что «надо соблюдать меры предосторожности». Правда, получается все равно не очень, но я поначалу частенько под зонтом шествую. Синеньким, Людиным. Здесь это в порядке вещей, в большой моде даже – использовать их в качестве защиты не от дождя, а от прямых лучей.

Удобно, мне реально нравится! Успеваю втянуться в легкий защитный загар без травматизма. А Людовишна вообще хорошо загорает без последствий и так. Поэтому не боится.

Как бы ни было, а бесконечное солнце и безудержная голубизна неба сводят с ума, чистый-чистый воздух ударяет в легкие и наполняет предвкушением праздника.

– Да, Куба-это Куба! – теперь мы этот слоган декламируем

хором, часто и бодро.

Срочным порядком, мы выучиваемся разным вещам, например, отбросив хорошие манеры недвусмысленно и четко посылать уличных проводников к злачным знаменитым местам о которых «другие туристы не знают», навязчиво предлагающих свои наивные и весьма недешевые услуги.

Потому как в первый день мы, конечно, «попадаем» и супротив воли позволяем одной, не совсем протрезвевшей напористой негритянке с честными воловьими глазами сыграть на нашем убеждении, что мы должны вести себя интеллигентно и довести нас до кафе, где бывал Че Гевара. И где была его подлинная подпись на стене. Дама была абсолютно уверена, что это не может быть неинтересно заезжим товарищам. Мы даже минуты полторы думаем, что это акт любви к русским туристам, ведь мы такие классные и всем нужны.

Конечно нужны, безумно, только по другому поводу.

Еще не дойдя до кафе, информация о прочитанных в интернете предупреждениях о вымогательстве, наконец, осознанно укладывается в моей перегретой голове. Это когда я случайно засекаю язычок алчности в черных глазках-оливках аборигенки, потому что периодически ей не удастся тщательно маскировать его прищуром похмельной улыбки. Дошло!

– Люда, разводка. Надо валить.

Правда, выскользнуть из ее хватки мы до конца вояжа нам не удается, но кое-как подготовиться к неизбежному отпору

я успеваю.

Вот ведь, самое неудобное во всех этих вещах, это момент, когда начинается набивание цены и вымогательство, а тебе навязывается роль богатого русского туриста, с христианским милосердием и необходимостью быть хорошим.

Я хорошей быть не хотела. Поэтому откровенно, хотя и без хамства «посылаю» ее по приходу в знаменитое кафе, когда предприимчивая крутозадая гаванка начинает требовать плату за полторы минуты художественного развешивания лапши на наших ушах.

Люда, запунцовев до корней волос, справиться с приличным воспитанием не может, поэтому погорает на доллар, отдав его настойчивой негритянке.

– Ну ты чего?..

– Не могу. Неудобно. Да и деньги не такие уж большие.

– Ясно, классика, – морщусь на досадное я, – Ну вот не могу, когда выжимают! Прямо злость такая берет и сопротивляться охота. Сама все отдам, но хоть обманите по-человечески! Чего уж совсем за лохов-то держать?

– Так понятно. Очень неприятно... когда за лохов, – у Пятячка, смотрю, тоже мерзкий этот осадок еще не растворился.

– Ладно, – ободряю я подругу, – Будем считать, что мы учимся быть принципиальными и не позволять принимать решения за себя.

Вроде получается. Опыт – это опыт.

Мы не сразу успеваем испугаться от отсутствия розеток на 220 В с круглыми штырьками.

Потому что у нас в квартире такая розетка нашлась сразу в спальне, и мы отчего-то подумали, что на Кубе так и принято везде, есть различные виды розеток, потому что на Кубу много лет завозили нашу отечественную бытовую технику, и в принципе в домах у людей устройства под ее использование обычно предусмотрены. Социалистический лагерь, массовое снабжение. Легче дома добавить розетки, чем шнуры другие приделывать к холодильникам.

Но сейчас не завозят.

И в один прекрасный момент, когда мы воодушевленно сидим во внутреннем помещении магазинчика Терезы, на сеансе гипноза, тьфу, на сеансе интернета по купленной заранее карточке, мой сотовый почти разряжается. Как всегда, не вовремя.

Я по простоте душевной спрашиваю, где розетка, чтоб подзарядить устройство, и чтобы не тратить драгоценные минуты интернетовского времени, не отрывая глаз от волшебного гугла, быстренько следую туда, куда девушка, помощница хозяйки, указала на мой вопрос, и, не глядя, тыкаю в розетку рожками зарядного устройства. Уловив раздражение, что тупо не попадаю в отверстия, наконец обращаю свой взор на сей непослушный источник питания, чтобы грубо с ним разобраться за вредное поведение, и ...обнаруживаю

там непонятные вертикальные щелочки вместо дырочек.

Тут я громко икаю от фатальной догадки, на секунду потеряв от изумления способность мыслить. Потом чувствую, как утекает в бездну мой интернет, а я не в нем, и воплю, призывая хозяйку, умоляя о скорой помощи.

Помощь оказывается не такой скорой, но вполне помощью. Просто Тереза не сразу понимает в чем дело, но сообщив, о чем моя пантомима, максимально оперативно ныряет в ящике комода и после активных раскопок выдает нам раритетный, со следами ржавчины, черный переходничок с «кругленьких на плоскенькие».

О... Какое счастье! Спасены. Причем нам его дают в пользование до самого отъезда! Хочется замылить, но на Кубе не смеем. Не тот случай. Здесь в магазинах так просто этого не купишь, а вдруг кто-то еще такой, как мы, объявится в этой зоне вай-фая.

Так мы узнали на практике, что в каждой стране дырочка дырочке рознь. И это не туристический отель, где тебе выдадут по приезду нужный переходник. Или скажут где купить.

Нам надо в Варадеро

– Как же мы не побываем на знаменитом курорте? Воспетом, перепетом в песнях моего детства! – вопрошаю с оттенком предложения я, – Всю жизнь мечтала.

– Хорошая мысль, – соглашается Людовик, – А туда добраться, хоть теоретически, можно?

– Э... ну да. Я думаю. Злачное же место..., впрочем, пошли-ка спросим у Терезы.

Оказывается, автобусы толком по расписанию не ходят, хотя сейчас уже начинает проглядывать подобие порядка в этих вопросах. Но ваши места забронированные и оплаченные заранее в кассе вокзала на другой день, могут быть просто заняты местными пассажирами, без суда и следствия. Поэтому лучше ехать на машине. И мы узнаем о существовании такой отличной вещи, как такси-коллективо. Это как наш трансфер, где покупаешь место в машине, и это дешевле, чем арендовать такси, и надежнее, чем билет на рейсовый автобус. Ясно, что мы решаем воспользоваться именно этим видом попадания на легендарный курорт.

С помощью нашей дуэньи Терезы узнаем, каким образом и где можно застолбить места в автомобиле.

Оказалось, это можно сделать в турбюро соответствующего профиля. Добро. Мы выбираем субъективно понравившееся агентство, где говорят по-английски, заказываем, опла-

чиваем, получаем квитанции, уточняем время и, главное, точную точку отправления, специально выбираемому логистами ближе к дому, куда мы должны утречком пешком догрозотать на погрузку.

Даже навевываемся на это место заранее. Оказывавется, это как раз рядом с тем вонючим складом овощей с голубыми железными воротами, где по вторникам и четвергам продается молоко для своих, а в остальные дни хлеб, и это всего в полутора кварталах от нашего обитасьена! Отлично.

На прощанье, чтобы успеть объять необъятное и написать об этом друзьям, еще раз пробегаемся через Старую площадь, что совсем близко от нас, любуемся площадью Революций, это там, где широкие улицы и белоснежные дворцы-горы. Потом возвращаемся в старую Гавану к кафедральной площади Съенага, которую уже опознаем визуально, чтобы еще раз потрогать стены кафедрального собора Святого Христофора, вырезанные из кораллового известняка.

– Что-то от них такое исходит, тонко вибрационное, щекочущее, тебе не кажется? – с удивлением вопрошаю я тоже замершего у стены Пятачка.

– Да. Тут в кафедральном соборе Гаваны хранился прах Христофора Колумба в течение ста с небольшим лет. А потом его в самом конце девятнадцатого века перевезли в Севилью.

– А может не перевезли? Может это зов путешествий и отваги?

– Кто знает. Давай попросим о защите и помощи?

И мы негромко бормочем свои просьбы духу великого путешественника, так и не отрывая ладони от теплых застывших камней.

Кстати, о Христофоре.

Остров Куба – это вторая точка, которую Колумб открыл в 1492 году и сказал, что это все испанское навеки веков. Местных индейцев частично в расход отправили, частично сами перемерли от болезней и голода. Не забалуешь. Такие дела.

Вечером сборы, прощальные взгляды из окон на ночной быт кубинских трудящихся, утром вынос чемоданов, как сердце чуяло, именно на своем горбу. Это показалось нам легче, чем дергать Алехандро. И вперед. Купаться в Варадеро! Нас в девять утра должна у овощного склада забрать машина.

Тот, кто думает, как мы в начале нашего безумного путешествия, что в жаркой Кубе, да и в общем в Латинской Америке что-то бывает в указанное время, тот такой же наивный северный ответственный идиот, какими были и мы.

Приходить вовремя – дурной тон.

Наше авто опоздало минут на двадцать пять, собственно, это почти что идеальная точность для танцующего государства, но с непривычки и в отсутствии средств связи, чтобы созвониться и уточниться, мы немного дрейфнули.

У нас, конечно, была квитанция на печатном испанском от того, как нам показалось, приличного турбюро, с печатью и номерами телефонов на случай непредвиденных, вот только здесь не было самих телефонов. Вернее, мобильники у нас конечно, есть, но в качестве фотоаппарата и будильника. Местную симку по понятным причинам мы не приобрели, дорого и для иностранцев только в аренду, купить нельзя. Мороки больше.

Так что ... «На крайний случай, все равно выход можно найти будет» – уже полуопытные успокаивали мы себя, пытаясь перестать дергаться. И в общем не ошиблись, так или иначе все срослось. На горизонте, то есть за перекрестком что-то показалось в утренних низких лучах солнца.

Когда, плавно раскачиваясь, как океанский лайнер в бриз, подкатила эта гигантская голубая, с никелированными ободками фар, раритетная Шевроле 1952 года, вылизанная и блестящая как у кота, сами знаете, что, мы остолбенели.

– Значит, все-таки прокатимся и мы на этих созданиях инженерной автомысли первой половины двадцатого века! – предвкушаю я.

Радуюсь заранее, как всегда – зря, потому как кроме понтов при поездке на этом корыте больше особо ничего приятного не наблюдается, но тем не менее попробовать аттракцион стоило. Да опять же – с выбором у нас не густо.

О! Это была песня. Во-первых, автомобиль грохочет, как товарный состав. Я думаю, что шум в кабине современного грузовика несколько ниже по децибелам, чем в салоне этой незабвенной «такси-коллектива», то есть такси для коллектива, общей значит.

Кстати, наш коллектив дополняет еще милая пара ребят-молодоженов из Штатов. Комплект.

Авто не перестает изумлять, но сплошные сиденья-диваны, как в наших старых Волгах, перетянутые кожей цвета слоновой кости- восхитительны! В них сразу утопаешь:

– Люда, ты помнишь в «Назад в будущее», мама Марти говорила, когда старшекласницей была в пятьдесят пятом: «Ты думаешь я первый раз паркуюсь?» Помнишь? Нет? – хихикаю я, и просвещаю подругу, – Теперь мне понятно зачем эти машины вообще изготавливались.

Еще музыка у нашего рулящего подобрана отличная: и старая эстрадная классика, и испаноязычные игривые песни. Для меня поездка под хорошую музыку – бальзам.

К сожалению, на этом все достоинства раритета оказались исчерпаны. На Кубе, в условиях «знаем по картинкам как должно быть», сейчас стадия наших девяностых, когда хотим сделать, как в рекламе, но просто не имеем технической возможности. Но стремимся. А кому легко? Поэтому душевая кабинка из оконного профиля. Авторадиола привинчена на торпеде, а кондиционер где-то на уровне ног. Нормально. Кондиционер лучше иметь в этих широтах, чем не иметь.

Или не лучше?

Прикрепленный без кожухов и рассекателей прямо перед моими коленями, кондишн, естественно врубленный на полную, так как на улице под сорок, минуты через три стал вызывать у меня, впередсмотрящей, легкое обморожение конечностей, грозя подобраться в ближайшее время к груди и горлу. Легкий «колотун» быстро перешел в средний, а на икрах началась кристаллизация инея. Тут я подумала, что начинать, вернее, заканчивать путешествие с воспалением легких в заштатной кубинской больнице мне не хочется.

А без кондиционера тепловой удар хватит всех минут через десять. Нет, меня попозже – на разморозку время сначала надо.

«Ребята, давайте меня спасать», – взмолилась я, уже не такая радостная, что отжала переднее сиденье.

Начавшееся срочное совещание «в Филях», то есть в Шевроле, между передним сиденьем, где скрючилась обледеневшая я, и задним, где утопала в подушках Люда с молодоженами, закончивается гениальной мыслью Пятачка, что мне надо укрыться. В частности, отлично подойдет ее толстая зимняя куртка, которая также случайно гениально оказалась именно в ручной клади внутри салона, потому что в чемодан в этот раз ее запихнуть не удалось.

– Случилось чудо, друг спас друга! – торжественно провозглашаю я через минуту, сидя укутанной по самый нос

бледно-голубым стеганным пальто с меховой оторочкой, и счастливо улыбаюсь чудесному избавлению.

Все хорошо, но на фоне обморожения мне очень сильно приспичивает в туалет.

Наш водитель говорит только по-испански. И очень быстро, как они это все делают. Он вообще такой мачо серьезный, гордый красавец, ведь на шевроле шестидесяти семи лет от роду, без шумоизоляции, с приделанным морозильником рассекает. Поэтому, когда я ему заявляю, как надеюсь, понятно, что надо в кустики выйти: «Наддо в туаллетто! плиз», он понимает что-то совсем другое и сурово отвечает: «Нет». И отсекает ладонью, поясняя, что об этом и речи быть не может. Тут я чуть сразу не описалась в машине от безнадёжности.

Удерживаюсь. Прикидываю, смогу ли потерпеть еще восемьдесят километров. Определяю, что нет, максимум двадцать, да и то не факт...

С мольбой оглядываюсь назад и жалобно интересуюсь: «Чего это он? Если накачу в салоне, ведь хуже будет...».

Это здорово, когда кто-то знает иностранный язык. А кто-то два. Как наши попутчики. Собственно, на самом деле это оказались не кубинцы, а урожденные пуэрториканцы. Они перебрались из своей горячо любимой, но очень небогатой страны в Америку пару лет назад, где сейчас живут в Техасе. Отдыхать сюда приехали, потому что дешевле, и самое главное, они знают испанский.

Более того, они знают, как по-испански: «Где находится туалет?» и «Срочно тормози, идиот, у любого куста».

Водитель просиял и расслабился, когда понял, чего от него хотят. До этого, наверно, боялся, что я прошу политического убежища.

Я просияла и расслабилась, когда, проведав ближайшие заросли на трассе Гавана-Варадеро, облегченная возвращаюсь в салон и уютно устраиваюсь под меховым манто, и все вместе мы просияли от того, что помогли друг другу и завязываем дальнейшее общение, рассказывая о себе.

Попутно записываю на обрывке рекламной листовки, как надо спрашивать про туалет. Оказалось, туалет это баньос. Кто бы мог подумать! И я первый раз слышу и пробую запомнить незнакомую, но самую необходимую в путешествии фразу «Донде эста ель баньос?». То есть «Где находится туалет?»

В Варадеро выгружаемся где-то в центре. Адреса стоянки у нас нет. Заранее тоже что-то поискать без толкового интернета достаточно сложно, поэтому хоть и запаслись парой адресов от местных, более или менее вызывающих доверие гаванцев, но решили еще хату поискать по месту. Кстати, в столице все просто обожают давать контакты живущих в Варадеро родственников и знакомых, причем незастенчиво наворачивая свой процент «а вдруг пронесет». В общем жильё решаем поискать сами, как в старые добрые.

– Эх, надеюсь, навык по поиску жилья «а ля Крым в восьмидесятых» не потерян? – подбадриваю нас я, – Мастерство не пропьешь.

И действительно, предложений достаточно оказалось, хотя и не на каждом шагу. Поскольку с чемоданами ходить искать жилье реально не очень удобно, мы их оставляем в первом попавшемся домишке, куда заходим спросить койко-место.

Комнатуху нам там сразу предложили, и вроде вполне себе, с занавесками, обшитыми рюшками, и с отдельным входом. И мы даже посмотрели все-все внимательно там, кухню, туалет, и почти дали согласие.

Но вот что-то не то. Не то – это окна на дорогу, которые не закрываются ставнями, а только сеткой.

Машинки проезжают по мозгам, хоть и не часто, но систематически. И общий какой-то неуют.

– Шарма нету... – предполагает Людмила.

– Да. Вот что не говори, а это важно. Как дом принял. Поищем еще?

– Да. Время есть, хочется, чтоб в душу зашло, ведь мы «на море»!

Хозяйке, симпатичной и очень доброжелательной женщине в возрасте с седоватыми висками на пышной темной шелюре, говорим что-то наподобие «а можно мы багаж оставим, а сами походим еще?..», плетем чего-то о шуме, да что далеко от океана.

Хотя, как здесь может быть далеко. Океан с обеих сторон, поселок находится на тоненькой косе, выстрелившей в Мексиканский залив полоске земли. Куда не сверни, на «море» выйдешь везде, хоть на левый берег, хоть на правый.

Но пляжи цивилизные, с белым песочком, расположились, правда, в большей степени на левом северном берегу.

Женщина все понимает прекрасно, она не очень довольна, что мы сваливаем, но недовольство при этом не выказывает, кивает головой, говорит, что можно так. Пусть стоят чемоданы. Идите ищите. Лучшую долю.

И мы идем. Варианты находятся сразу. Домики, правда, по большей части обшарпанные, но нам не привыкать. Два веселых дядьки с обветшалым, но уютным двориком и мангалом зазывают. Всего за четвертак. Вполне. Смотрим, потому что просто интересно! Записываем, то есть фотографируем адрес.

Идем дальше, еще улицы, еще дома. Двигаемся ближе к центральной улице, от которой недалеко пляжи. Не все пускают туристов, далеко не все, но в нашей копилке уже три адреса.

Очень ухоженный, оштукатуренный, желтый с красноватыми дверями и столбами дом привлекает нас издалека. Он большой, с лесенками металлическими черными и просто лестницами, приделанными как отдельные воздушные ступени, террасы перед номерами с полами из белой и темно-красной плитки. С металлической кованной мебелью, по-

крашенной в серо-зелёный «старинный» цвет.

– А двор какой большой!

– Хе-хе, смотри и каркасный бассейн оборудован! Вполне вместительный.

– Уже нравится, – приглядывается Пятачок.

– Вопрос, сколько это стоит? – не даю себе воли я.

– А теперь поднимемся на второй этаж, – предлагает радушная хозяйка. Посмотрев двухкомнатный шикарный номер, с кухней, холодильником, кондиционером и чистой ванной с кучей полотенец и кремиков, кажется, мы попались. Вернее, даже я попалась. Люде уже давно все по душе.

Правда, сорок долларов! Но вчера. А сегодня по тридцать пять пустят, но минимум на четыре дня.

– А нам столько и надо, – воодушевляется Пятачок, – Давай, а?

– И, если завтраки закажете.

По четыре доллара, – добавляет хозяйка.

Вспоминая Гавану, я интуитивно чувствую, что такое решение о пансионе в Варадеро, вероятно, окажется самым умным.

Но все равно не могу сразу принять решение, дороговато. Смотрю на Люду. У той глаза горят от восторга. Комфорт девчонка обожает.

– А давай начнем с хорошего, – невинно предлагает она.

О, устоять пред пяточковым голубоглазым обаянием невозможно. Я начинаю смеяться, и, конечно, соглашаюсь.

Мне тоже комфорт так-то очень нравится. Успеем еще по вокзалам насидеться. Чувствую, что все правильно. И мы, выказав согласие, топаем за нашими пожитками по адресу первой промежуточной стоянки.

Кстати, а дом мечты в Варадеро мы все-таки нашли, но позднее. И туда уже не было смысла перебазироваться. Это был старый дом почти на берегу северного пляжа, весь в тени деревьев, как будто из сказки. Там действительно была свободная комната на два места с кружевными занавесками. За очень скромную плату, потому что нет кондиционера. Каждый уголок дома и дворика был оформлен с любовью, какие-то старинные вещи, диковинные лампы, качели, кухня со старинной посудой на древней полке. Дом завораживал. Но эта любовь случилась слишком поздно, и мы лишь несколько раз проходили в последствии мимо, посмотреть или помахать рукой хозяйке. В другой раз.

После первой волны опупительного счастья от нахождения в светлой прохладе комнаты, от, смывающего едкий пот, душа, мягкого дивана и вполне так вкусного местного чайка, желудок напомнил, что надо задуматься о пропитании. Проза жизни и естественные потребности.

Мчаться бегом на закуп не особо хочется, пока приступ голода мы предотвратили заботливо предоставленными к чаю хозяевами галетами и конфетами. Поэтому мы еще немного валяемся. Потом томно, как барыни, идем тусоваться на уже, как оказалось, перегретую солнцем нашу терра-

су без тента, где оглядываем двор и соседние крыши сверху. Потом мы с нашей высоты снисходительно обсуждаем бассейн и нарисованную точно Кисой Воробьяниновым карту Кубы на стене за ним и немного немногочисленных дневных обитателей дома. Делаем вывод: «А домик-то очень маленький. И постояльцев не мало». Двери комнат красивого темнокоричневого цвета изящно гармонирующего с бледно желтой окраской стен массово выходят на террасы и балкончики. И их больше десятка.

Оказывается, это номера, которые сдаются. Интересно. Хозяева живут большой семьей внизу. Мы с Людой, сообразив, что к чему, восхитились кубинским предпринимателям, типа: «Какие способные к капитализму ребята, молодцы! Бизнес на полную катушку развили, как только законодательно разрешили делать „casa particular“».

То есть разрешили сдавать комнаты в домах, где сами живут. Отель, типа, на дому. Понятно, что все по дорогим лицензиям, тоже с отчетностью и проверками. Но умный человек всегда найдет, как заработать. Как говорится, «если в стране есть денежные знаки, то обязательно есть люди, у которых их много». Классика!

Потом я обожгла задницу о ручку металлического барского кресла-качалки на нашей террасе, и перестала быть интеллигентной.

И мы понимаем, что пора идти. По двору гуляют поджарые черные кошки. Соскучившись по своим, я лезу к ним це-

ловаться и гладиться. Улыбчивая хозяйка, застукав мой интерес, делится через пацана, который переводит на английский ее чисто испанскую речь, гордостью за внучку, которая сейчас в школе, потому что та летом выкормила из пипетки четырех брошенных трехдневных котят.

Да, это нереально сложно, я-то знаю.

– Значит в хорошее место поселились жить. Кто любит кошек не может быть очень плохим человеком. По определению.

И мы довольные, что попали куда надо, вытекаем на центральную улицу, осмотреть окрестности насчет пропитания.

Тут случается полный «упсс...». Твою мать. То есть «упсссссс» гораздо больший, чем в Гаване. Потому что, здесь жрать нечего от слова «совсем»!

Магазины есть, в магазинах нет практически... ничего. Паста томатная и та уже только в пятилитровых жестяных банках. И сок. Много сока. Гавана с печенюшками и макаронами теперь кажется Клондайком.

– Мне страшно! – формулирую я недовысказанное в столице и бурчу, – Ну, почему, когда наступает светлое будущее, то кончается именно еда!

Люда хмурится, но похоже, тоже не знает.

Выйдя из магазина, уже прилично разозлившись на Маркса и К⁰ под действием голода, громко интересуюсь:

– Где, интересно, скрывается прокол в многочисленных

теориях создания справедливого общества с попыткой перераспределить богатства для облегчения страданий неимущих классов, начиная от Платона, Кампанеллы, Фурье и, твою мать, самого Карла? Идеалисты хреновы!

– Кто-то здорово накосячил, – соглашается Пятачок и качает головой.

В общем, несостоятельность теорий справедливого общества, после посещения пары-тройки супермини-маркетов города — курорта, становится очевидной. Так мы нехотя уясняем, что с наивными надеждами на экономную автономность в питании, для чего мы, собственно, и искали квартиру с кухней, придется на курорте проститься.

– М-да, при таких проблемах в добывании провианта связываться с готовкой не представляется возможным, – скриплю, чувствуя, что меня обокрали, я. – Ну их к аллаху!

– Так конечно, переживем, – поддерживает Люда, – Есть кафе, есть рестораны.

Цены в ресторанах оказываются из разряда «наглость второе счастье», но общепит с остатками здравого смысла в плане ценообразования все-таки находится.

– Слава тебе! – молитвенно прикладываю я к груди руки.

– А что делать? Курорт он везде курорт, – здраво поясняет Пятачок.

– Ну да... И Куба есть Куба.

Быстро положив в себя то, что предложили в демократич-

ной кафешке, и отбив у официантки с красными ногтями сдачу в нужном объеме, прискакивая от нетерпения, торопимся на встречу с морем.

Все близко от нашего дома, сто метров вверх на главную трассу, потом после ее пересечения виляем вместе с тропинкой через какие-то похожие на низкий кустарник заросли и вдруг просачиваемся на белоснежный пляж!

Ой, вода сине-зеленая! И дымный горизонт с небом сливается, ионы вдыхаются, а цокоток волн щеки щекочет, как невероятное обещание всяческих благ и свершений. Без долгих проволочек погружаем наши еще упитанные тельца в изумрудную густую субстанцию под названием Атлантический океан и, ой, как изумительно-замечательно! Вроде даже немного постанываем от благодостного ощущения освежающей прохлады и невесомости. Добрались!

Осоловев после водных процедур, под действием земного притяжения растекаемся в тенечке какого-то фикуса и понемногу обретаем способность идентифицировать детали окружающего пейзажа.

Песок тут действительно белый, как обещано в рекламе, замечательный. Грибов-навесов и прочей инфраструктуры в виде лежаков и переодевалок, по крайней мере в нашей зоне не наблюдается. Цивилизация похоже есть только ближе к отелям. Тут народу мало. Только следы босых ног вдоль воды на песке. Здесь кто-то был.

О чистоте не говорим, она такая привычная, социалисти-

ческая. Потянет.

А пляжик здесь, как оказывается, длиной двадцать километров. Он так и тянется без перерыва по всей стрелке полуострова Икамкос, где Варадеро располагается.

Осмотревшись, констатирую вслух Людочке:

– У меня наблюдается «дежа вю» с Таиландом! Один в один, и по растительности и песочку.

– Seriously?

– Ага. И по ширине пляжа – такой же узенький.

– Если учесть, что весь полуостров шириной от пятисот метров до двух километров, то не мудрено, – соглашается Пятачок.

А вот купаться, по океанским меркам, очень даже! Волны, конечно, беспрестанные, мировая акватория все-таки, но не очень сильные, и глубины по грудь и горло хватает, чтобы бултыхаться на весу. Можно прекрасно загребать вдоль берега.

– Не то что на Шри Ланке или в штате Керала в Индии, где полощешься у берега по пояс – ни расслабиться, ни за волны заплывать, – хвалю я местные условия.

– Seriously, там так не комфортно?

– Не то слово! – сурово подтверждаю я, – И песок после тех океанских купаний руками по дну... во все места набивается.

Вода градусов двадцати девяти на третий день кажется уже прохладной – привыкли. В самый раз, то есть. К хоро-

шему оно быстро привыкается, как так и надо.

Вот хотите верьте, хотите нет, но вода из-под крана в Варадеро просто нарзан. Пить можно и нужно не кипяченую, а в ванной, когда наберется для помывки, и ты перед погружением вдруг видишь эту идеально чистую чуть голубоватую живительную субстанцию, то испытываешь секундное замешательство, потому что жалко портить. Спросили у хозяев, оказалось, что водоочистка в Варадеро установлена по швейцарским технологиям и даже «еще лучше».

Самое удивительное, что до сих пор эта система водоподготовки отлично функционирует. Гордятся, смотрю, и я как инженер и гражданин их понимаю – есть чем.

И так мы сталкиваемся с тем уникальным случаем, когда не надо затариваться питьевой водой, а потребление водопроводной совместимо с жизнью.

У меня, как у специалиста с образованием по этой теме, сие не вписывается в привычную картину мира и воспринимается как чудо. У Люды легче, она в Европе часто обитает и думает, что так и должно быть везде, особенно в Латинской Америки.

Позже, по мере продвижения к экватору, мы после слишком доверчивого отношения к тому, что течет из крана, и даже в кипяченом виде увеличивает печальный опыт встречи с токсинами, Варадеро не раз вспоминаем. Не раз и добрым словом.

Погода здесь дивная, хоть и дожди бывают еще. Октябрь. Но это больше как развлечение.

Хлестануло, промокли, переждали, пошли дальше, высохли. Опять ливануло. Но потом, с чего-то дожди становятся все продолжительнее.

В первый раз под затяжной ливень попали в гигантском парке Хосон, который в сущности, как большой ботанический сад с прудом, статуями и уточками.

Дождина, на удивление, никак не хотел заканчиваться, вот они какие, тропики. Пришлось внедряться в убежище в виде неопознанного склада на задворках, который удачно подвернулся в качестве спасения, потому что ворота открыты были.

А потом в передышку между потопами добежали до какого-то подобия торгово-развлекательного центра, ближе к людям, и остатки дождя в кафе типа «Буратино» пересидели, наблюдая за семейным отдыхом выходного дня местных трудящихся.

Блин, опять это ощущение бездарности времяпровождения в торгово-развлекательном центре, где нет ни развлечения, ни торговли.

Вновь на ум приходит бессмысленная, по факту, реклама на нашем ТВ в девяностые, когда товар показывают, и купить хочешь, да негде. Реклама ради рекламы. Тренировочная.

«Почему меня это так раздражает? И жалость какая-то еще вдобавок смешанная с презрением продуцируется», – морщусь я.

«Здорово я ярлыки „клею“, брызга подержанная. Надо „продышать“ будет стереотип, – предлагаю я сама себе перемирие, – Ничего ты о них на самом деле не знаешь, дорогая, поэтому заткнись».

Вроде на время получается.

Как оказалось, отсутствие гарантии ужина, отсутствие интернета под рукой, являются стрессообразующими условиями, которые эйфорией от тепла и солнца компенсировать полностью не удалось. Хотя они старались вместе со мной.

Поэтому я в один прекрасный момент, подсчитав как положено, что нам осталось тут всего три дня, поймала себя на радостном ожидании. Конца пребывания на Кубе.

Нет, все вроде хорошо, романтично даже. Природа в наличии. В магазинах ничего нет, а дома у наших есть. Говорят, оптом где-то закупают провиант. По-русски это называется «достать». Актуальное здесь слово.

Мы с поставленными задачами справляемся.

Во-первых, я, самостоятельно гуляя по Варадеро, первый раз опробовала спросить по-испански: «Где находится нофелет?». То есть туалет.

Этот акт я совершила, когда гонимая интернет-жаждой, пошла покупать дающие право на часовое купание в сетевых пространствах синие карточки с изображенной на них девушкой-йогом в позе лотоса, подкидывающие раздумье о причинах подобного оформления. Наверно, предлагают просто телепатию осваивать посредством медитации.

Продавались они, как нам подсказали местные, самое близкое в круглом, архитектурно стильно-красивом, многоуровневом и, конечно, полумертвом в плане шоппинга торгово-развлекательном центре «Плаза Америко». Там, нам поведали, они по «рупь» штука. По «кук», то есть.

Короче, при вояже не столько испытываю потребность к посещению уборной, сколько хочется опробовать на практике с трудом изученное. Набравшись смелости, спрашиваю у гигантского негра-охранника на входе в нижний ярус здания, где это все хозяйство тут находится. На испанском!

Хоть и знаешь, что правильно повторил, но все равно... Мое изумление, что при произнесении с русским акцентом набора бессмысленных звуков, записанных србственноручно два дня назад кириллицей и в качестве наглядного пособия, бережно таскаемого с собой для периодического освежения в памяти, вот этого самого «дондеэстельбаниос», человек тебя п о н и м а е т, зашкаливает.

Сам не понимаешь, а он понимает! Показывает, куда мне пойти. Объясняет что-то вежливо. А я вежливо киваю, как буратинка, типа: «Я- я, натюрлих, все поняла». Чудеса.

Сходила, обследовала, туалеты понравились. Интернетом разжилась, хоть и очередь, блин. Полегчало.

Во-вторых, обошли и обследовали, что доступно в ближних и средних окрестностях. Тут есть поля для гольфа. Для гольфа, не для нас. Мы не очень любим гольф. Ну его. И спатели шикарные тоже не любим, ну их, ерунда какая.

Совершили героическое передвижение по острову в виде поездки в соседний поселок за фруктами, «там точно есть!», потому как купить любые плоды в Варадеро оказалось до «хохота» нереально сложно – только если очень грееп бананасы и огурцы. Были. В единственной лавке.

Никаких уличных лотков нет в помине – торговаться, как в Гаване, просто не с кем. А мы надеялись на разнообразие. Оказалось, тут не то что торговаться, а не успеешь взять, кончится и это.

Поскольку транспорт ходит по Кубе без расписания, «туда» уехали случайно и отлично, а назад...

...Смеркалось. И опять дождь, собака. И на чем приехали сюда «назад» уже не идет. Ладно бы фрукты добыли там, куда нас послали. Так нет, там тоже был голяк и удивленные глаза от точности «посыла».

Короче, когда добрались на перекладных домой, было темно и сыро. С непривычки даже не жарко. Уяснили еще раз, что не очень здорово путешествовать даже по нашей цивилизованной варадерской косе на общественном транспорте.

Зато житие-бытие посмотрели изнутри, пообщались, насмотрелись. Это мы так себя ободряли, когда застряли, а туземцы до посадок на местные нелегальные маршрутки доводили чуть не за руку, успокаивая, что когда-нибудь они придут. Если очень хотеть, то да, шанс есть. А так, лучший друг иностранного туриста – это такси.

На нем, в конце концов мокрые и мрачные мы и вернулись в родные пенаты, отмываться и отогреться. Такси – это, конечно, очень удобно.

Хозяева говорят, раньше еще хуже было, сейчас вроде как расцветает здравый смысл и подобие расписания.

– Надо же. Расцветает, оказывается, – с удивлением уясняем «теорию относительности» мы.

Завоз в местную овощную лавку оказался по понедельникам. На завоз до отъезда успели попасть, «тяпнули» от жадности авокадо и много гуавы.

Недоеденные гуавы по прилету в Мексику без лишних слов отобрали на таможне, застукав в чемодане Пятачка на внимательном рентгене. Сигары, кстати, тоже ни в коем случае провозить нельзя, контрабанда! Это, к слову.

А в-третьих, нашли «немногочисленный», если не единственный на курорте банк, где освоили обмен валюты.

Куба это... сами понимаете, Куба.

Из ПЗ. Банк Варадеро

О, там все серьезно, под прицелом запускают в стеклянный зал с улицы строго по очереди. По трое не собираться. Громко не разговаривать.

Как попадешь внутрь, лучше молча ждать на голубом кожаном диванчике. Симпатичный диванчик такой. Там в «на-

чинке» здания все очень похоже на привычный банк – красивая отделка, девушки в окошках с номерами сосредоточены, табло с курсами валюты, какие-то объявления висят. Только атмосфера гнетущая и никто не улыбается. Этакая перманентная готовность к кровавой провокации врагов.

На Кубе любят евро и канадские доллары. К американским фунт презрения. Но Куки свои, твою мать, то есть «конвертируемые кубинские песо», по стоимости ровно привязали к америкосской денежке, установив, из-за, наверно, того же презрения к ним, унижающий отвратительных американцев, низкий обменный курс.

Поэтому здесь мы меняем наличные евро, которыми мы дальновидно запаслись заранее по указке всевидящего интернета, осчастливив местный банк. Пока ждем очередь, русская речь несколько раз слышится у окошек, этакая смесь русского и английского. Не я одна тут «полиглот».

Анекдот из жизни

В государственном банке Варадеро, где меняют деньги на «не-деньги», нельзя пользоваться телефоном. Вообще никак.

Из сурового разговора с Черным Охранником:

ЧО: Уберите телефон.

Оля: Я не делаю фото, мне нужен калькулятор, видите? Пересчитать по курсу.

(Хотя, конечно, на самом деле я пыталась сфоткать именно этот курс на табло).

ЧО: Нельзя калькулятор.

Оля: Почему?

ЧО: Патамушта. Два года расстрела.

И я прячу мобильник.

Не могу понять, что еще «не так»

Почему, мать твою, иногда возникает липкая тревожность, и я пару раз застукиваю себя на подсчете дней до отъезда. Что тебе не хватает-то, милая?

Город чистый, ухоженный- всесоюзная здравница так-то. Спокойный и безопасный. Тепло. Купаться ночью, это мой критерий комфорта – без проблем и классно. С едой проблеме решили. А я как будто срок «отбываю».

Когда дочь спросила на сеансе драгоценной кратковременной связи, которым я наслаждалась в холле близлежащего симпатичного отеля: «Как там Варадеро?» у меня вырвалось: «Гигантская мистификация».

И осекшись, чтоб не разочаровывать юную россиянку пояснила: «Все нормально, только он какой-то „ни о чем“, что ли. Не настоящий». «Ничего себе,» – удивляется наслышанная про Кубу доча.

Именно – ничего. Но и это не наше дело, ... лубок, так лубок. Не видали, что ли, потемкинских деревень. Но неудовлетворение, походу, все ж не из-за этого.

Сначала, пытаясь пресечь дискомфорт, что иногда в солнечном сплетении гадко беспокоит, разумно предложила себе признать интернет-зависимость, и поспокойнее относиться-

ся к пустому холодильнику. Не такие уж и голодные в общем. Все терпимо. Хозяин приличный завтрак готовит из непонятно где взятых продуктов.

Признала, осознала. Не помогло... Что-то еще скребет.

Лишь к концу пребывания в сказочном месте случайно доходит:

– В Варадеро нет запахов!

Море, деревья, пряные травы и цветы есть, а густых запахов в воздухе от них нету. По крайней мере в жилой десятикилометровой полосе города их точно нет. Вот оно! Обманули гады органы обоняния. Они и беспокоятся в неведении.

Оказывается, все закономерно – коса, полоса земли, на которой ютится Варадеро, очень узкая – все ароматы сразу сдуваются ветром и не зависают убойными кавказскими ароматами среди ночи.

А этих ароматов, оказывается, мой организм жаждет всеми печенками, потому что они, как оказывается, являются основным идентификатором нирваны для меня.

– Нет запахов – нет нирваны. Для меня, кинестетика, во всяком случае, – жалуюсь я Люде.

– Думаю, что твой организм напряжен без возможности идентификации пространства по запаху, – грамотно объясняет та.

– Точно. Это как для визуала, кто воспринимает мир глазами, а освещения нет. Инвалид, – прозреваю я, – Надо же...

– Что?

– Удивляюсь. Даже не подозревала, что я кинестетик до такой патологической степени. До «на фиг мне курорт без запахов».

– Ага. Как собака.

Только в парке Хосоне, который в самом широком непроходимом месте полуострова раскинулся, немного полегчало. Унюхалась по мере углубления в Эдем, насладилась ароматами деревьев и воды под завязку.

Прям облегчение растеклось по капиллярам. С трудом заставила себя в безвоздушное пространство опять вернуться, под веселое подбадривание Людовишны.

Короче, время идет, желание сбежать как можно быстрее крепчает, особенно еще от того, что не выполнимо.

– Оковы незыблемы, потому что это тот случай в первой половине странствия, когда билеты на самолет из Гаваны до мексиканского Канкуна, приобретались заранее, в России. Спасибо добрым соплеменникам, предупредившим, что на Кубе их можно тупо не взять в связи с ограничением трафика интернета и далеко не свободным доступом в паутину.

Находясь в Варадеро, я понимаю, что это было одно из самых мудрых решений в нашем вояже.

Причем дома я это не дооценивала, из разряда «а, потом разберемся», а Люда и доча настояли. Как чуяли. Беспрецедентная дальновидность! Одна голова хорошо, а две с половиной лучше.

Поэтому, раз написано на билете, что валим из страны де-

вятого октября, значит девятого. Терпеть – любить. Купаться – загорать.

Обратный трансфер, который наперебой предлагают все уличные и отельные турагентства, оказался большим комфортабельным автобусом. Который все равно умудрился опоздать на двадцать пять минут, как положено в теплых странах, заставив поскакать в беспокойстве по обочинам, потому что как не старайся, а быстро к южному «раздолбайству» привыкнуть не получается.

Впрочем, шаттл довозит нас в Гаванский аэропорт вовремя и без приключений.

По дороге еще раз из окна взираем на красоты северной Кубы. Дикие каменистые берега, океан, пальмовые плантации в дымке. Хороша! Нравится мне эта природа.

Я улыбаюсь, потому что давненько не была так счастлива, как в этом современном экспрессе с кондиционером, увозящем меня из страны Свободы к другим приключениям.

Глава 3

Неужели мы в Мексике?

Канкун (исп. Cancun) – крупный курортный город в Мексике, побережье Ривьера Майя, полуостров Юкатан, штат Кинтана-Роо, административный центр муниципалитета Бенито-Хуарес. Численность населения, по данным переписи 2010 года, составила 628 306 человек.

Курорт расположился на песчаной косе, в виде угла, похожего на цифру «7», шириной меньше, чем полкилометра и длиной около тридцати. Верхняя часть косы выходит на залив Женцин, где вода почти всегда спокойная, нижняя – на открытое море с впечатляющим прибоем. Климат тропический – среднегодовая температура – 30—32 градуса по Цельсию.

Границу с Кубой в аэропорту проскочили благополучно. По первости и неопытности я волновалась, как да чего. В общем, не зря. И когда здоровущий негр в светлой форме на паспортном контроле привязался на предмет, почему наши электронные разрешения на въезд в Мексику на русском языке, немного напряглась.

Недюжинное недоумение кубинского таможенника, как мне показалось, начало трансформироваться в решение оставить нас на Кубе до выяснения. Потому что дальше,

по мере выявления упущений: «А как это так – не в Россию назад, а в Мексику? Да вы еще и без обратных билетов?», – просачивающееся недоумение и усиленная работа файлов, все более явно отражались на каменеющем от готовности к исполнению пограничного долга лице сумрачного стража.

Тут мы догадались, что в его практике такие путешественники не встречались, и со страху остаться в соцреализме, бурно перешли в нападение, создавая таможенный прецедент и добавляя личного опыта верзиле.

Вообще, это убойно, когда в интеллигентное Людино объяснение на английском вливается сначала на языковой смеси, а потом на чистом русском, буйное мое, и в ход идет весь бред о законах и положении о кругосветчиках, и ссылка на визы в Австралию и Новую Зеландию, и подтвержденное жестикуляцией сообщение, что в Мексику так заезжать можно и даже рекомендуется законодательством страны.

Потом мы показали этому недоверчивому вояке пальцем в распечатанном электронном разрешении на въезд в Мексику, где нужно читать маленькие буквы на английском, что все «взаправду» и заверили, что у нас в России электронные разрешения дают только так.

«Мексика пускает, так какое ваше ср... ное дело куда, по каким документам и насколько мы туда проникаем», – и о! этот довод на чистом русском языке срабатывает. Огромный как шкаф, афро-кубинец как-то сжимается и уже старается от нас отделаться побыстрее. В общем, шлепает

штамп о выезде – и все дела.

Я напоследок окатываю его «собственным достоинством», говорящим: «И к чему было изображать из себя Пинкертона, напавшего на след иностранных шпионов. Здесь другая книжка».

В дальнейшем, по ходу трипа, эмпирическим путем выясняем, что в цивилизованных странах с устоявшимся законодательством, если какие-то «огрешки» на въезде имеются, лучше сразу косить под дуру, желательно немую, со светлым незамутненным взором и святой полуулыбкой с детства обожающего эту страну человека, и перемежать все это активным мычанием.

А вот в бедненьких и жадненьких лучше лепить уверенно, честно смотря в глаза или на уголок брови паспортиста, сдержанно и с достоинством демонстрировать праведного человека из, ну что там греха таить, страны с более высоким, уж извините, уровнем развития.

Деление на тех, «кто лучше, кто хуже» условное, ясно, что от собственных комплексов зависит, но прием срабатывает. Это главное.

А так мы где-то ровно посередине этой табели о рангах. По крайней мере нам так кажется.

«Интересно, а как другим национальностям при въезде эта табель ощущается?» – прикидываю я. Но этот молчаливый вопрос пока остается без ответа.

До Канкуна лететь пятьдесят пять минут. Радует, как дети, ура, путешествие продолжается. Мы в самолете. Фотографируемся в салоне и удовлетворенно разглядываем собственные улыбающиеся гладенькие и вполне отдохнувшие мордахи на экране телефона на фоне посадочных талонов с местами 22С и 22Д. Рейс дневной, светло, уютно.

Взлетаем, чего-то попить дают и пожевать и сразу бумажки раздают заполнять. Миграционную карту и декларацию. На английском и испанском. Красивенькие такие, с зелеными и красными полосками.

Люда – специалист, сейчас заполнит, а я слижу.

На бланке написано «Estados unidos mexicano» – Соединенные штаты Мексики. И на другом: «Welcome to Mexico».
– Какие волшебные слова – нас ждут!

Если не считать, что в Мексику категорически нельзя завозить фрукты, даже те самые, с трудом добытые в неравной схватке с кубинской повседневностью, то въезд проходит без сучка и задоринки. Понравилось.

Адрес проживания вписываем настоящий, который нам в России, опять же по причинам отсутствия интернета, в сервисе Airbnb бронировала моя доча. Хотя можно было вписать любой первый попавшийся отель из интернета.

– На сколько дней?

– Недели на две.

– Куда потом?

– В Гватемалу.

– Удачного путешествия.

Все. Вопросов нет. Мы мексиканцы.

Мексика, Мексика, сколько же я о тебе мечтала! Еще с момента начала знакомства с книгами Кастанеды. И вот, плиз.

Выходим, оглядываемся:

– Эт чего, правда, что ли, Мексика?

– Кто знает, – осторожно предполагает Пятачок.

За окном автобуса, везущего нас из аэропорта на центральный автовокзал, проплывают современные здания из стекла и металла, магазины, парки. Мне здесь очень нравится все, причем априори. Быстро наступают сумерки.

Привлеченная смутным отблеском я поворачиваю голову налево, и мне ударяет в голову пожарный отблеск заката на фасадной стене какого-то здания, собранной из зеркальных прямоугольников. Малиновое полыхание захватило всю стену именно этого здания, я не могу оторваться и поздно соображаю, что потерял один из самых выдающихся кадров за путешествие.

Жаль! Автобус тронулся после светофора, я заворачиваю голову назад, провожая видение, невозможно одновременно внимать и искать непослушными пальцами телефон, теряя драгоценные мгновения.

Я прикидываю, что могу сюда вернуться завтра, допустим,

и повторить, хотя прекрасно понимаю, что никуда я не вернусь, и даже не найду это место.

И завтра будет дождь. И завтра это будет завтра с другими заботами, задачами. В воздухе материализуются слова пьяньенького Алехандро:

– Лучше сразу принять пару нехитрых законов этих мест, «Будь готов даже к чему не готов» и «Завтра не бывает».

Кстати, кто думает, что в случае, если ты потерялся в западном полушарии, то тебя спасет-довезет по адресу местный таксист, глубоко ошибается.

В половине стран Латинской Америки, включая и Мексику, водители такси ездят по моему навигатору.

Потому как, даже зная точный адрес места пребывания, ни фига ты не подъедешь, куда надо, без приключений, то заезд не тот, то адреса наложились, то вход через соседний двор на другой улице.

В сервисе айрбнб, что касается хостов-латиноамериканцев, такое несоответствие адреса указанного и фактического встречается в восьми случаях из десяти. В Канкуне мы, будучи совсем зелеными айрбишницами, об этом, ясно, понятия не имели.

Это потом, не стесняясь собственного занудства, стали сразу запрашивать или локацию, или выклевать мозг, требуя расшифровку адреса для водителя такси, с подтверждением и патронажем по телефону.

Вообще это прикольно, потому что, как положено насто-

ящим разморенным солнцем раздолбаям, каждая из сторон плавно недоумевают, почему недоумевают другая, ведь ясно же все написано. И обе вместе недоумевают: «Ничего же страшного не произошло, ну, покатались ночью лишних полчаса, и „че“?»

Действительно, поспокойнее уважаемые северные россияне, расслабляйтесь.

Из ПЗ. Немного о такси

Пузатый таксист, с которым сторговались на автовокзале, показав заранее сфотографированный адрес, вдрызг запутался куда ехать, хотя коренной местный и хвастался, что в такси пару десятков лет.

Поскольку опыт приобретения сим-карты с интернетом сразу в аэропорту для сохранения здоровья тоже задерживался в пути, то мы были без мобильного интернета. И, значит, без навигатора. И без мобильной связи.

То есть, надеясь, что этого достаточно, с аэропортовского вай-фая мы, естественно, ставим в известность арендодателя Луиса Фернандо, как прописано имя хозяина на сайте, что благополучно прилетели и сейчас приедем к нему жить по указанному адресу, на проспекте с дивным названием Коба. На чем нам лучше добираться?

Луис ответил сразу, сказал, чтоб брали такси от автостанции и что ждет у дверей подъезда. Вход рядом с желтыми

гаражными воротами, слева.

Что тут может быть непонятного. Едешь-едешь, потом водитель видит желтые ворота по указанному адресу и там слева останавливается.

И все.

А ни фига. По дороге начались какие-то пробки, которые водитель для скорости решает объехать, но попадает на ремонт дороги и решает объехать безобразие еще раз. После третьего заворота по дальним кругалям, он уже, как мы начинаем подозревать, не совсем ориентируется куда нас завез, и, главное, как оттуда выбраться. Упутавшись окончательно, как удушенник, сначала он вертится во все стороны, затем стучает по рулю и затихает, просто вглядывается в мексиканскую ночь, подсвеченную желтыми фонарями. Кумекает.

– Приплыли, что ли? Твою мать, мы тоже жрать хотим, вообще-то.

Я, когда голодная, то вообще, как зверь. Поэтому сердито сую вспотевшему пузану под нос мобильник, где запечатлен номер телефона хозяина и спрашиваю: «Как насчет позвонить? Со своего. Тебе это дешевле будет».

Наш драйвер, прямо воспрянув от такого просто гениального решения, без лишних вопросов набирает номер со своего телефона, и наконец, после: «Алеее! Луис...», начинается пулеметная очередь обнадеживающей беседы, дающая реальный шанс в скором времени перейти из движимости в недвижность, после душа, ужина в полноценной кровати.

ке.

Та-дам-м-м! Через какое-то время мы, наконец, прибываем, кстати, к непонятного в темноте цвета гаражным рольставням, и к далеко не сразу заметному входу во двор, перекрытому железными воротами с домофоном.

Нас действительно встречают, правда двое: парень и девушка.

Добрались.

Не знаю, почему наш толстый шофер, кстати на испанском «чóфeр», с ударением на «о», так что деревенское произношение «шбóфeр» гораздо более правильное, чем городское «шoфёp», считает, что кто-то должен доплатить ему за то, что он запутался, типа адрес некорректный.

Мы посылаем подальше, «каков нахал! И пошел в ж-пу», а вот встречающий нас парень, похоже, в теме, потому что спокойно без скандала, который на почве голодухи меня все сильнее тянет устроить, набрасывает канкунскому топографическому кретину двадцатку, стандартно благодарит и, о! ... вот за что я люблю Латинскую Америку, заносит наши чемоданы.

Кстати, на протяжении всего нашего пребывания во всех Америках чемоданы выше бордюрика мы не поднимали. Такие плюсы в чем-то весьма перевешивают минусы: «Ах! ... Неужели мы женщины?»

– Разбаловались, понимаешь. Привыкнем еще, – на всякий случай шучу я, топя налегке по полутемному лестнич-

ному маршу.

– Поаккуратнее надо, – игриво соглашается приосанившийся друг.

Не сразу поддавшаяся отпиранию дверь наконец гостеприимно распахивается и: «Ура, мы дома».

Девушка щебечет, знакомит с удобствами двухкомнатной квартиры с холлом, кухней и спальней, выдает постельное белье, показывает кухню. Опять течет из-под раковины, опять надо приглядывать. Завтра вызовут сантехника-сана. Сегодня просто не успели.

Парень выдает ключи. Их тут до хрена для попадания с улицы. Выходим, открываем, закрываем, запоминаем какой откуда.

Причем тренируемся на всех дверях: и на уличных воротах, и на входной решетке в подъезд, и на квартирных. Это лучше при хозяевах сразу попрактиковать – опробовать. Все вполне удастся. Луис радуется нашей понятливости.

Главное: пароль от вай-фая!

— Вот циферки – подключайтесь.

Ох, да... вижу волшебные слова: «Нажмите, чтобы поделиться сетью». Как жизнь подарили.

– Спасибо, Луис.

А никакой это и не Луис.

Девушка Ямила, парень Крис. Ребята немного смущены и объясняют, что подрабатывают таким образом в качестве управляющих, вроде как хозяин им родственник, и он сам

в отъезде. Почему нет. Значит, пусть так.

Очень внимательны, прям по-родственному. Дают первые сведения о близлежащих магазинах и транспорту. Мы что-то улавливаем, но, по-моему, плоховато. Договариваемся звонить, если нужна консультация или помощь. Спасибо. Пока-пока. Усталость берет свое.

Что-то собрав по закромам в чемоданах, поскребя по местным кухонным сусекам, что от прежних жильцов осталось, сооружаем разношерстный ужин «что бог послал». Главное, горяченькое и много. С чайком.

Теперь спать. На новом месте приснишь жених невесте.

Опрометчиво, как оказалось, уступаю Люде спальню. Поскольку ложусь позже, и интернет в холле лучше, великодушно решаю в нем на диване и остаться. Но нет, великодушие не моя черта. Погорячилась.

Поспать удалось минут, наверное, двадцать. Суть в том, что на площадку этажа нашего подъезда, который собственно и сплошных стен то не имеет, тут так принято из-за жары, из холла нашей квартиры, где я надеялась мирно поспать, выходит окно. Слева от двери. Под голубыми занавесочками. Наверное, чтоб было видно кто идет, или, скорее, для света. То есть значит это окно по сути выходит просто на улицу.

А одинарные рамы в окнах, причем во всей Мексике железные, без какой-либо изоляции. И по этой улице ночью начинают проезжать транзитные грузовики. Со всеми вытекающими из них последствиями.

Когда розовые фирменные беруши и полотенце вокруг сердито обмотанной башки точно не помогли пристроиться в объятиях Морфея, пришлось, почесав репу, сесть, вздохнуть тягостно и, делать нечего, попереться на постой в соседнюю комнату, где окна выходят во двор, и есть кондиционер. И где сладко спит на не самой широкой, но двуспальной кровати, ничего не подозревающая, уставшая Людмила Александровна.

Когда ее испуг от ночного вторжения постороннего тела прошел, я, бормоча полуоправдания-полуизвинения, как упертый кот, начинаю пристраиваться с левого края лежбища, ближе к окну, завернувшись заранее в свое одеяло, но, едва донеся голову до подушки, моментально проваливаюсь в другое измерение. Наверно, в поисках жениха, которому пока еще что-то мешает присниться. Мне снится зима. Кондиционер работал отлично.

Утренний поход по магазинам принес вначале эйфорию от привычной изобильной наполненности прилавков едой, потом неприятное изумление от столкновения с тонкостями оплаты картой в супермаркете «Сориана», где применить Мастеркард иностранного производства можно только один раз в день.

А если что-то забыли или просто решили, как мы, докупить в отделе свежей выпечки и салатов, за которые предусмотрен отдельный расчет, то всё. Просто не проходит сле-

дующий платеж и кранты. Только наличка. Или отдавай еду.

Вытарщенные кассиры и сами этот нюанс поведения заморского пластика не знали, специалиста вызывали. После нашего замешанного на голодном беспокойстве искреннего возмущения. Он и подтвердил. Извинившись. Твою мать!

Налички не было. Еду второго улова полностью бросить за борт было выше наших сил. Поэтому память Пятачка почти мгновенно подсказала, что у него случайно на карте, которая тоже случайно была с собой, оказались пять случайно переведенных в качестве тренировки по валютным онлайн операциям долларов, которых и хватило, после небольшой сортировки выбранного на съедение на важное и на то, от чего толстеют, на оплату.

– Выход всегда есть. Даже если тебя съели, – бормочу с облегчением я.

С радостью, которая с довольством заполнила освободившееся после спадания напряжения пространство внутри наших грудных клеток, сделав их на размер шире, вываливаемся с пакетами на свет божий из супермаркета, улыбаясь солнцу.

– Уф, теперь домой!

– Так... А дом-то где?

Все бы ничего, но мы вышли с другого входа. А это «труба», как в другой город. Пытаемся сориентироваться. Спокойно. Главное, это точно Канкун, значит где-то есть наше

жилье, его адрес, то есть шанс найти его без интернета, мобильной связи и полиции.

Озираемся. Вроде туда, вон здание стеклянное. Да-да, тут дорогу переходили без пешеходника! Радовались, что можно нарушать правила дорожного движения, но машин много на трассе, и пришлось долго ждать окошко, чтоб нарушить.

Ага, вон та надпись черная на белом щите справа была. Значит, сейчас мы слева. Пробираемся, сверяясь с внутренним чутьем. Где-то здесь поворот. Наша улица! Ура, теперь найдем.

Сгоряча пробегаем метров на сто вперед нашу решетку-ворота.

Вечером все не так выглядит, как днем. Очень разное восприятие. Добежав до шиномонтажа, которого раньше точно не видели, почуяв неладное, внимательно возвращаемся.

— Так вот же наш проход во двор, просто ворота распахнуты настезь!

— Ничего себе, а все оказывается ближе, чем казалось, — тоже радуюсь я, — Обратный путь всегда короче.

Бурно обсуждая несоответствие первичного восприятия продолжительности пути туда и обратно, в первый раз и без особых проблем открывем запоры на многочисленных промежуточных пуэртах, дверях значит.

Через полчаса наш первый мексиканский завтрак дымится на стеклянном обеденном столе. Пшенная каша с молоком и маслом — это мне, соскучилась по кашам до визга.

Для Люды в перечень пятидолларовой необходимости вошли сосиски и хлеб. Нарубаем ананас и нашу вожденную обеими папайю. А также нам еще выкроилось по две булочки и по творожку. К чаю.

Ни че си приключения здесь. Мы весело вспоминаем глаза кассира, которому говорили, что без еды не уйдем, и ржем, довольные собой, что мы дома и сытые. И дома вай-фай, это счастье.

— Так куда мы сегодня бросим кости?

— Сейчас посмотрим.

— Кстати, – трезвая мысль наконец укореняется в моей голове, заставив притормозить поиск злых мест, – все-таки без мобильного интернета никак.

Пятачок радостно соглашается:

— Так безусловно. Никак. Вернее, очень желательно.

– Здесь на три дня смысла, наверно, нет симку покупать? — я наполняюсь сомнениями и неуверенностью по мере прочтения рекомендаций бывалых касательно приобретения заветных гигабайтов, – Вон написано, что при переезде в другую зону интернет вроде не сохраняется, а минуты платными становятся. Как и у нас при смене региона. Хрен их знает, местных провайдеров. Разведут.

– Это точно, мне кажется, что ни в одной стране мира сочетание понятий «интернет-провайдер» и «честность» не является достоверным, – забубенивает Пятачок, и я на секунду смолкаю, сраженная интеллигентностью друга.

Отойдя, предлагаю начать отоваривание интернетом с Мехико, а здесь сейчас подгрузить оффлайн карты, которых нам должно хватить для навигации. Город небольшой.

Пятачок сразу соглашается, что: «Конечно, конечно, три дня мы переживем с оффлайн картами и начнем с Мехико».

Молодец! Словом, «оффлайн карты» оперирует.

Мы хихикаем, потому что отлично понимаем, что беспрекословное согласие с решениями, которых, как понятно, есть только два — «мое и неправильное», продиктовано не Людочкиным покладистым характером, он у нее, кстати, далеко не мягкий, а тем, что о самом существовании навигатора, как класса, мой друг узнал только в этой поездке, до лампочки он раньше был.

И теперь сие ей кажется инструментом не для средних умов, вселяет неуверенность и заставляет держаться за поводыря, то есть за меня. И денег пока у Люды в достатке нет, чтобы жировать и на такси ездить. Поэтому я чувствую себя ответственным и важным начальником. С ростом диктаторских замашек. Ну, с этим у меня быстро.

Лично я оттягиваю покупку интернета, потому что надеюсь, что в столице нам поможет не лохануться с этим делом наш следующий гид Саша. Нету пока у нас никакого понятия, что, где, какой, сколько и как поставить, одна теория. Ни хрена не знаем. Значит, точно деньги потеряем. А эта мысль для меня всегда является непереносимой.

Люда спрашивает:

— Мы каждая по симке поставим в Мехико?

— Что? – задумчиво прикидываю я.

Я почему-то абсолютно уверена, что это очень дорого: «А Людмила пока еще только на стадии решения финансирования, то есть без лишних средств. Для неразумных трат».

И слышу, как мое неукротимое «желание экономить, разделять и властвовать» серьезным тоном отвечает:

– Нет! Мы купим одну в складчину, а я буду давать тебе раздачу.

Собственно, городом-курортом из рыбацкой деревушки Канкун начал становиться только в 1976 году.

Место уж больно хорошее. И сейчас хорошее и до рыбацкой деревушки было хорошее. Здесь раньше майя жили. И прямо тут цивилизация их и цвела самым пышным цветом.

В ста километрах знаменитый Тулун, город майя, а в двухстах Чичен-Ица с Пирамидами древней цивилизации майя. Места силы и истории. Сюда наши соратники специально за большие деньги ездят практиками заниматься, сновидеть* и внутреннюю тишину делать. Типа мечта каждого практикующего воина. И моя, конечно. Я тоже подсознательно стремлюсь в древние города.

И тут происходит коллапс и искривление пространства, иначе я это не могу назвать, потому что в моих мозгах, пристукнутых, как пыльным душным мешком, жарой и кучей

впечатлений, никак не может связаться, что эти города тут в шаговой доступности. Что ТАМ это и есть ЗДЕСЬ. Байтов не хватает. Как непреодолимая пропасть, отягощенная чемоданами, легла мысль, что не перебраться с багажом. Это невозможно.

«Правильная» информация о том, что добраться до сокровищ на самом деле элементарно, тупо не пришла. Отсутствие свободного доступа в интернет на Кубе и еще непройденная адаптация к новому образу жизни сыграли злую шутку, оставив после себя укушенные от досады локти.

Расслабляться и что-то начать соображать мы начали несколько позже. Когда волшебный Юкатан остался позади.

ИЗ ПЗ. Краткое описание бытия и сознания новоиспеченного кругосветопроходца, освоителя пространства, когда он понемногу начинает понимать, что к чему

Прибыл.

Прошел с соблюдением местных понятий-законов в страну. Прикинул, поменял.

Обеспечился с соблюдением местных понятий-законов, мобильным интернетом.

Связался, выяснил, нашел, нанял, перематерился, добрался.

Устроился.

Про это отдельную главу надо писать.

Поспал.

Спросил. Нашел. Закупился, наварил, поел. Помыл.

Понял, что опять нужен новый переходник под местные разъемы для зарядника.

Пошел осваивать ближнее пространство.

Подчерпнул в интернете, прочитал, изучил, воодушевился, наметил план, узнал, как добраться, поехал наслаждаться и впитывать дальнейшее пространство.

Потерялся, нашелся, купил билет, добрался, пересел, ошибся, исправился, оплатил, увидел, обомлел.

Пришел в себя, сделал фото. Нашел, сел, доехал, промахнулся, не сразу, но вернулся.

Написал, выложил, ответил, порадовался, воодушевился, взгрустнул.

Все это перманентно перемежается, чтоб не повторяться с «поел в кафе, закупил, наварил, поел дома, помыл, постирал, сделал гимнастику, поучаствовал в занятиях онлайн в интернете, помылся, намазался кремом». Подумал над вечным.

Посмотрел кино.

Посмотрел сон.

Начал готовиться в следующую страну, куда надо прибыть, подготовить место проживания и узнать, как пройти в страну с соблюдением местных понятий-законов. И все это, минимизируя затраты.

Поскольку главные достопримечательности Юкатана – пирамиды в Чичен-Ице мы проср... ли, следующим по значимости в городе, где нет исторического центра, потому что нет исторического прошлого, является океан. Значит надо идти наслаждаться красотами набережных, парков и пляжей.

– Надо?

– Надо. Для того и ехали. Хи-хи.

В интернете все есть, по поводу «как добраться».

Но это писано другими людьми, и в прошлом году. И то, что субъективно прописано бывальыми и то, что на местности обзираешь в первый раз ты, это разные вещи.

– Мойша ты любишь Моцарта?

– Нет! Такая противная музыка.

– А где слушал?

– Та мне Рабинович насвистел.

Здорово, что есть всякие карты местности, но они плоские. Правил проезда и маршруты ты не знаешь. Пока читаешь знатоков и думаешь, как добраться, уже возвращаться надо.

Даже если у хозяев местных поинтересовался, все равно туго пойдет. Чужое место оно и есть чужое. Особенно Латина с их развеселой безалаберностью. Хотя, может, это я такая не способная к адаптации.

«Блин, оказывается, у меня есть проблема», — настора-

живаюсь я, — Пока новое пространство не освоено, и я не знаю, что находится за ближайшей парой поворотов от дома, то, черт, реально испытываю приличный дискомфорт. Мешает мне это».

— Как «слепшарая», — констатирую я послушному Пятачку, — Охота скорее прозреть и вздохнуть.

Вот в связи с этим, обычно в первый день нового места пребывания я с Пятачком, если у той нет рабочих занятий онлайн или в одиночестве, сканирую пространство, наматываю круги по окрестным территориям, спрашиваю, пробую, примеряюсь, запоминаю. У Люды с этим спокойнее: то ли я рядом, то ли просто человек более адекватный.

Как показал последующий опыт, более или менее полное понимание, где мы и «как дойти», приходит день на третий. Расслабление наступает, хоть какое-то. Правда, иногда на четвертый уже надо уезжать. Нам вначале вообще кажется, четырех-пяти дней вполне достаточно на осмотр очередного места или маленькой страны.

Не то что регламент – этого ни в коем случае не хочу допускать в путешествие, а просто по недоумию. Стандартная ассоциация с организованным отельным отдыхом.

Поэтому до вожденной Аргентины мы с Людой планируем спокойно добраться к началу ноября, чего там тянуть-то. Мы туда и знакомых – друзей назвали на встречу к этому времени.

В общем, на момент минимального осознания себя в про-

странстве и времени нашим намерением является впитаться телом в белые атлантические, прям прославленные-прославленные пляжи Канкуна и затем благополучно махнуть в Мехико. Куда хочется до одури.

На второй день в поисках места купания в черте города, мы обследуем весь центр города с гигантской по-капиталистически ухоженной набережной, высланной желтой и коричневой плиткой, обсаженной пальмами и кактусами, так и не найдя подходов.

Купаться в черте города, как оказалось, строго запрещено. – Мда..., – немного недовольная своей недогадливостью, кривлю я употевшим фейсом, – Ну и ладно, завтра съездим.

Ой, как же это интересно, всякие разные кривые и прямые улицы, аллейки, непохожие друг на друга дома, лавочки, мексиканские люди!

А в центре, ... эх, что греха таить, возможность пройтись по настоящим магазинам в невероятных по размеру торговых центрах, манит после Кубы, как спелый плод. Наскучались бедняжки.

Поэтому, когда мы дотопываем до знаменитой набережной Малекон, я томно провозглашаю,

– Люда, я чувствую себя как «за границей»!

Пятачок светится и кивает.

Пока добираемся через гигантскую безлюдную набережную обратно в цивилизацию попадаем под ливень. Бежим к ближайшему укрытию и почти успеваем спрятаться в стек-

лянном холле какого-то делового центра «Ливерпуль».

Ливень теплый, немного страшный из-за черного неба, и не очень длинный. Он делает плитки тротуара яркими, сочно желто-коричневыми и очень чистыми. Они ловят мое внимание, радостно переливаясь на все настойчивее выглядывающем из-за серого занавеса солнышке.

Шлепая босиком по искрящимся тротуарам быстро обсыхаем и решаем, что неплохо бы съесть мороженого в ближайшем высотном центре, где нам надо еще приобрести переходник для зарядки.

– Тогда на океан «маньяна»?

– Ага. Завтра. Надо дорогу получше разведать, а то опять времени не хватит.

Оказывается, номер автобуса, маршрут по-испански это слово ruta. До пляжа идет R1 – «рута уно» и R2 – «рута дос». Собственно, они идут по всей так называемой Зоне отелей, расположенных на косе, изображающей цифру 7.

На пляжах «шляпки» цифры семь волн почти нет, потому что это место островом Мухер, то есть островом Женщин, защищено. А на пляжах «ножки», которая прямо в Атлантику выходит, волны всегда в наличии, поэтому купаться весело.

Еще мы, выпытав у Криси, уже точно знаем, где останавливается автобус в нужную сторону. Это от нашего нынешнего дома недалеко.

Прямо с утра десантируемся на пляж. Выбираем дальний.

На ножке. Говорят, самые лучшие после девятого километра. Народу поменьше.

Не знаю, где мы точно выпрыгнули из транспорта, а выпрыгнули, где понравилось и когда надоело ехать, потому что это прям очень долго, но там, где надо. Потому что, оглядевшись, непроизвольно выдыхаем: «Твою ма-а-ать!».

Хотя, скорее всего, в Канкуне пляжей плохих просто не бывает и под разряд «твою мать» все подходят. Сразу захотелось дочку сюда привезти. У меня как чего хорошее, так сразу дочке показать охота.

Море как надо, близко к совершенству. Чистое. Теплое, как на Кубе. Всякие отели раскрасивые вдаль, как миражи, в мареве растворяются. Погода блеск. Шум нежный от океана.

Комфортом веет из-под каждого куста. Пляж с грибочками от солнца под стандартной пальмовой крышей. Мексиканские проворные ребята фрукты нарезанные в стаканчиках продают-носят, воду, пиво. Новое слово узнаем *servilleta*. Сервиета, это салфетки для рук. Попросили, показали, спросили и узнали. Тем тоже нравится образовывать.

— Сервиета.

«Эль» у них не читается. Это я потом узнала.

С наслаждением, по очереди, чтобы было кому присматривать за вещами, устраиваем омовения.

Люблю купаться, когда есть волны, весело это! И занырк ласточкой и вынырк жабкой. Кувырки, выпрыгивания вверх

в бешеном восторге, как у дельфинов. Спринтерские заплывы пусть на несколько десятков метров в «ту сторону», но с бешеной работой рук кролем и назад к берегу, на спине, медленно рассекая ребром ладони податливую маслянистую воду, ориентируясь только по солнцу, которое просвечивает через закрытые от соленых брызг глаза.

Святое, это примерно где воды по грудь, на руках постоять на дне, выстрелив из воды икрами ног с понтово оттянутыми по-гимнастически носками в небо, скользнуть назад и, распластавшись, мирно полежать на поверхности, колыхаясь в такт волне, полностью расслабившись.

Или просто, набрав воздуха, утонуть лицом вниз, обхватив колени или просто распутив руки и ноги, как в невесомости. Когда только кусок спины в районе горба торчит на воздухе, рискуя страшно обгореть, впрочем, на такие мелочи внимание не уделяется. И задержать дыхание, на сколько можно. Иногда задержка получается такой длительной, что я боюсь, окружающие подумают, что я утонула, и начнут беспокоиться и вытаскивать, мешать.

Иногда жаль, что надо дышать. Удовольствие от ощущения эмбриональной первородности, единения с океаном и полной расслабленности не передаваемо.

Понятно, что хочу здесь быть. Всегда.

Дождавшись Люду, которая тоже никак не могла быстро освободиться от материнских объятий пучин, спрашиваю:

– Ты бы хотела сюда вернуться?

– А то! – полумечтательно отвечает блаженный Пятачок, – Особенно, если вон в том отеле на полном пансионе пожить. Недельки две.

Отличная мысль. Придумываем, что вернемся сюда.

Ну как же, обязательно надо вернуться, донаслаждаться. В тот момент нам кажется, что это все абсолютно реально.

Часть обратной дороги посвящаем пешей прогулке вдоль линии отелей. Курорт посмотреть.

О! Бесплатные души и туалеты в отдельном круглом здании с террасой и видом на океан. Все моются и в душах, и у раковин. Все подходы к местам общего пользования в мелком белом песочке, неумолимо приносимом на ногах и в купальниках. Интересно, как здесь канализацию чистят?

Ополоснуться, конечно, охота, соленущая океанская вода будто склеила волосы. В принципе, если подождать пока все высохнет, то ощущения дискомфорта не будет, все кажется клейким, пока сырое.

Поэтому решаем не тратить время на очередь в душ, а спокойно умываемся и поливаемся в раковине. Я обматываю голову полотенцем, как после банным тюрбаном, чтоб мокрые волосы никуда противно не падали, переодеваемся в сухое, кремом от загара обильно обмазываемся и отправляемся восвояси вдоль трассы. Пока идетя.

Отели, отели, красивые и прекрасные. Белые. Высоченные и маленькие, зеркальные и нет. Они склеены друг с другом, гранича территориями, порталами, садами, и не везде

можно проникнуть из-за них к морю. Индустрия отдыха.

Другая планета.

По дороге слева, за кустиками, которые мы решили посетить, обнаруживаем поле для гольфа! Не как на Кубе. А настоящее с пересеченным рельефом. Гигантское какое, ужас. Впечатляет.

Дядьки в туманной дали на тележках ездят. Типа газонокосилок. Нас, наверно, видно за версту, но поле не огорожено и проволока с током не пущена, поэтому до щекота хочется остаться и посмотреть, просто попридуриться здесь.

Убедив себя, что устали, решаем тут передохнуть и приобщиться к краешку элитной жизни. Ухоженное, серо-красноватая травка подстрижена под острый бобрик. Люда располагается в тенечке жидких придорожных деревцев, я решаю поделаться практикой, то есть «помахать» руками для подзарядки. Вообще, сейчас, когда я свободна от рутинной работы, стараюсь заниматься этим в любое время, когда торкает. Торкает часто.

– Кусок дополнительной энергии лишним не будет, – сообщая я пространству, глядя на далеких игроков, – Профилактика «возможных ляпсусов в пути».

Отмахалась на краешке заповедного места. Хорошо стало, тонусно, чего уж там говорить. Молодец. Не ленюсь.

Смотрим, день к вечеру идет, решаем, что пора подъехать на автобусе для скорости.

Окидываем прощальным взглядом поле для гольфа, в ко-

торый я играла только как болельщик по телевизору, и продравшись через заградительную кустово-деревцовую загородку, переходим трассу. Стеклянная цивилизная остановка недалеко, мы ее заприметили заранее. Почти сразу к нам подплывает автобус R2. Мы разумно и сразу наказываем водителю, чтобы он не пропустил нашу остановку, показав на офлайн-карте голубую точку, и заручившись его патронажем, усаживаемся на свободные места.

Это мы удачно тут сели, потом набивается куча народу, и чем ближе к центру, тем туже становится в пузике у автобуса. Оказывается, он стоит у каждого столба, по любому требованию и, по-моему, автобус безразмерный. Быстро темнеет, и внутрь пролезает небольшая тревожность, потому что понимаем, что едем уже очень долго, второй час пошел, и, наверно, в темноте мы пропустили свою остановку. Шкурой и подгруженной картой в навигаторе чую, что не доехали. Но сомнения с беспокойством активно начинают поднимать голову: «Ну не столько же!»

Мужественно оставляем свои теплые места, подбираемся ближе к водительскому отсеку и с пристрастием наезжаем на последнего:

– Вы ведь помните? Что мы загодя показали на подгруженной карте, где нас неместных, пор фавор, надо высадить? У сетевого супермаркета Chedraui на нашей улице имени Кобы. Джугашвили. Дабы не проехать свою станцию в темноте. Подтверждает на испанском, что, конечно, типа, помнит.

Не о чем волноваться, едем дальше.

Теперь, будучи тесно затиснутыми лицом к водителю, с удивлением замечаем, что у товарища за рулем между пальцами обеих рук зажаты, сложенные в квадратики денежные купюры. Они похожи на цветные фантики от конфет.

Мы переглядываемся: «Чего это он?». А веселый шофер так держит наготове сдачу! И виртуозно, явно довольный собственной ловкостью, и наслаждаясь процессом, обилечивает пассажиров, на ходу, как фокусник. Так и управляет транспортным средством с натыканными денежками между фаланг.

Оторваться от денежных манипуляций невозможно. Едем еще минут двадцать.

— Ой, блин... Не можем же мы столько ехать! Сейчас уже на Кубу вернемся, – не верю я в ответственность местного иллюзиониста, – Забыл...

– Да, наверное. Отвлекся, столько народу, – соглашается Пятачок, – Он же и кондуктор в одном лице.

Короче, когда после наших встревоженных вопросов водитель, не совсем понимая, почему мы беспокоимся, высаживает нас под давлением общественности у ближайшего Chedraui, то оказывается, что до своей остановки мы действительно не доехали. Километра полтора.

Реально оказалось, что назад наш транспорт шел в два раза дольше, чем туда из-за пассажиро- и транспорт-потока.

Наша попытка ориентироваться по времени здесь не про-

катила. Высадил он нас так-то правильно, у магазина Chedraui. Как настаивали. Просто на проспекте Коба их оказалось три, и этот был вторым. А наш третьим. Это, правда, попозже прояснилось.

На улице уже густо стемнело. Ночью все не так в ориентации, как днем, но страшного ничего, вообще не боюсь в темноте шляться, просто есть охота. И паковаться надо, завтра в Мехико. И времени жалко.

«Хотя, может пешеходная прогулка даже побыстрее будет, чем на автобусе в траффике», – пришла мне в голову здоровая мысль, которую тут же озвучил Пятачок.

– Давно пора было выйти, уже бы дома были.

– Точно. Пошли спрашивать.

Методом расспросов, тупого смотрения в телефон, где маршрут, как специально, потерялся, а карта была какая-то совсем непонятная ночью, до дома пробираемся через какие-то заправки, стоянки и небольшие парки, пока очертания улиц не становятся смутно знакомыми. В общем, это действительно было недалеко.

Оказалось, мы вышли опять на вчерашнюю «Сориану», только с заднего фронта. Ну, вот! Теперь ясно куда двигать. Немного повозились с замком на входной решетке, который в итоге оказался просто не заперт, и через пару минут оказались дома.

Дом, это всегда дом. Наша с Людой одинаковая черта – это быстрая адаптация к условиям проживания, куда б не за-

ехали к вечеру, уже «дом».

– Скоренько мыться, кушать, собираться, -живенько собираем в кучку дела.

– Кто первый в душ?

О! Неужели завтра летим в взлелеянный в мечтах Мехико?

В качестве такси до аэропорта к общему удовольствию, наши патроны предлагают услуги своего друга-бомбилы по весьма разумной цене. Вот и славно! «Gracias». Спасибо, значит. И мы договариваемся на семь утра. В самый раз, чтобы успеть на внутренний рейс Канкун-Мехико. В девять сорок пять.

– Спасибо, Канкун. Мы еще вернемся!

Глава 4

Мехико на горизонте

Мы начали списываться месяца за два до поездки. С Сашей Фрименом, «свободным человеком», живущим в Мехико. Потому что поначалу я твердо была убеждена, что надо обязательно найти представителя, из местных, чтобы встретил, ввел в курс мексиканских дел, познакомил, посоветовал, отпатронировал.

Мехико гигантский город, лучше с проводником в первый раз, впрочем, и во второй тоже.

Я считала, что это сэкономит время на преодоление первоначальной растерянности, когда большой город оглушает, и, может, даст больше информации по значным индейским местам, которые мы хотели лично посетить и которые тоже сразу не найдешь. И страстно искала, кто бы это мог быть. Пара попыток не увенчались успехом, свой человек в Мексике не находился.

Санин е-мейл мне элегантно подогнал на общем семинаре в местечке Кунсангар, что под Москвой, «товарищ» Сергей, инструктор в нашем альма-матер сообществе практикующих шаманские практики для поддержания общего здоровья. Те самые, что взяты из традиции древних толтеков, которые как раз в Мексике и обитали.

Помощь пришла, как всегда случайно и легко, но только после того, как я приняла, что все накрылось медным тазом, и успокоилась, правда для отстрастки все – таки кликнув в ряды семинаристов:

– Ребята! А никто не поможет? Нужен человек в Мексике. И плиз – получите.

Сергей поясняет, что мексиканца зовут Саня, он шесть лет, как там завис. Наш человек. Гарантий, что ответит, нет.

Это значит, товарищ из нашей линии, и знает, что такое «точка сборки» и «нагуаль». И места заповедные покажет.

Вот и славно, трам па – пам! Кланяюсь Сереже до земли: «Огромное русское спасибо, вам, партайгеноссе!» – и гоню быстрее писать, коннект устанавливать.

И Саня ответил! Но как-то не сразу. И потом отвечает как-то странно с задержками, без логики появления в интернете, но все же отвечает. Потом выяснилось, что он остался без средств связи, потому что его ноут машиной переехало всмятку. И телефон там же был, в той же сумке. Вот так, в одночасье Саша оказывается без ничего. Поэтому в сети попадает только, когда бывает в интернет клубе, специально для связи, маму успокоить. А это случалось нечасто, потому что эта услуга за деньги, «которых у Сани бывает не всегда».

В общих чертах договариваемся, что согласен быть гидом и встретит. О дате прилета точнее сможем позже сообщить, потому что сами пока не знаем, примерно 11—13 октября.

Чтоб в интернет вышел обязательно перед этой датой. Библию Новый завет просит карманную, легкую. Мы не поняли почему легкую, думали, скромничает, но поскольку действительно карманную и недорогую не находим, решаем не скупиться, и Людовик покупает добротную книгу в хорошем переплете.

Впоследствии оказалось, Саша минималист, аскет, и все свое носит с собой. И когда он увидел это килограммовое издание, то, почесав репу, как просветленный человек, улыбнулся и сказал: «Красивая. Спасибо. Надо подумать куда ее девать, то есть прятать. Чтоб не сперли. С собой не натакаешься».

Он встретил нас в аэропорту. Саня оказался достаточно, по нашим меркам, молодым человеком лет плюс минус сорока, выше среднего роста, спортивного телосложения. Он был облачен в зеленую вязанную шапочку и оранжевую спортивную кофту с капюшоном. На груди кофты красовался белый толстый номер 32, разделенный молнией. На ногах ладно сидели черно-белые кеды, а за плечами удобно примыкал выдавший виды темный рюкзак с пумой на кармане. В нем, видимо и было его «всё».

Глаза у Сани были серыми и очень блестящими, что свидетельствовало о том, что он точно ни фига о себе не жалеет, находится в моменте и наслаждается жизнью. Вообще,

даже внимательно слушая, он все время как будто находился внутри себя и оттуда тихо улыбался чему-то.

Лоб не по возрасту пересекали две неровные и глубокие морщины-борозды, наверно когда-то здорово о чем-то думал. Но сейчас Саня был воплощением безмятежности и спокойствия.

«То, что надо, свой человек, – определила для себя я и подумала дальновидно, – А там видно будет, почему так уж слишком в себе».

Подхватив нас с чемоданами, Саня решил, что брать такси не надо, в его понимании это было очень дорого и совершенно нецелесообразно, если есть метро. И я это мнение вполне, в отличии от Пятачка, разделяла. Потому что ничего о здешнем метро не знала.

О, мексиканское метро- это отдельная песня. Оно очень грамотно раскидано по городу, классно все охватывает, но если учесть, что город двадцати миллионник, то понятно, сколько здесь станций и переходов между ними. И с рюкзачком налегке, это удовольствие скакать по ступенькам без эскалатора, а метро здесь не глубокое, поэтому половина спусков выполнена просто из камня, как положено обычным лестницам в переходах.

Саша считал, что час езды в два пересадками с пересечением коварных переходных туннелей, это ерунда. Мой

чемодан он катил и перепрыгивал по ступенькам сам, Людлин мы тащили вдвоем. Ближайшей к нашему новому месту обитания была станция Такубайя.

Адрес нашего нового дома звучал как: 109 RIO Bessera 2, Mexico, и был в тот момент пустым набором букв с радостной припиской в графе *название* – «Psicosis 109». Что, вместо того чтобы насторожить и заставить задуматься, добавило двум дурочкам предчувствие приключения и ажиотажа.

– Ведь цифра 9 моя любимая! – легко убедила я Людмилу в удаче при выборе.

Не центр, но и не окраина, район не самый опасный. Хотя творческий человек, по прозвищу Джефф. Цена очень адекватная, блага обещают вплоть до обогревателя. В общем, адрес нам ничего не говорил, а говорил Саше, и, кажется, обманул его в плане своей близости к аэропорту.

Короче, когда после бешеных скачек с тремя пересадками, а Фримен бежит как лось, то есть после втискиваний на выдохе нас с багажом в тесный вагон метро, затем после скоростного десантирования всей команды оттуда, с вытаскиванием застревающих среди пассажиров чемоданов и интеллигентного Пятачка, сопровождая процесс подавляемым стоном тяжелоатлета и вправкой на ходу, выполняющих из орбит глаз обратно внутрь черепа, мы с воловьим топаньем осилили последний пеший переход, то оказалось,

что мы вышли не с той стороны станции. И не той линии. А когда выяснилось, что до нашего дома по меркам столицы хоть и недалеко, но еще пилить и пилить, я подумала, что, пожалуй, надо упасть.

И поесть. А то, хрен его знает, чего завтра со спиной будет, и сердце не железное. Да и Саня ориентацию потерял, потому что он, оглядев из-под руки окрест, почесал в затылке и честно в этом признался.

День был солнечный. Какая-то широкая улица с разделительной полосой, где мы сейчас пространственно находились, сверкала светофорами, издавала гудящий шум испаноязычного человеческого улья, кишела прохожими и демонстрировала довольно современные здания по своим бокам. Мы потерялись.

То есть, лично мне было совершенно непонятно, где мы находимся. И я не скажу, что сильно волновалась, так, пару раз посиховала для остратки, по привычке, пока мы отходили немного вглубь квартала от трассы. Впрочем, мы были с Сашей, офигенское спокойствие которого гасило все, даже только намечающиеся возмущения эмоций.

«Хорошо, что мы его нашли», – отрадно подмигнула себе я и хотела сообщить поотставшему Пятачку о привале. Однако, оглянувшись, увидела, что тот уже привалился, причем уютно так к стене, прямо на цементном крыльце какого-то офиса или аптеки и тихо расплывается в потусторонней улыбке.

– Жива? Есть хочешь?

— Даа... – голосом призрачного духа без тела выдыхает Пятачок, и продолжает мило улыбаться, глядя сквозь людей на воображаемый горизонт.

Ой, ей! Надо срочные меры. Я, например, по мере усиления голода, опасность могу представлять для окружающих. Этак Саня нас двоих своеобразных может и не вынести.

– Что тут можно поесть по-быстрому? – задаю законный вопрос, подбегая к думающему невдалеке думу Александру.

– Да до фига. Вон там такосы продают и хорошие причем. На вынос. По десять песо.

– Такос будешь? – спрашиваю, возвращаясь к Люде.

– Дааа... Такос буду. И пить.

И, обложив привалившегося Пятачка чемоданами и рюкзаками, под его охрану, мы гоним с Сашей за едой. После придиричивого Саниного выбора мы останавливаемся на одной из забегаловок.

– Берем здесь, – командует он.

По десять в этот раз не находятся, и Саша немного смущен, что напрасно обнадежил, впрочем, по двенадцать песо «но такие большие» и сочные – есть. И мы уже не смотрим на цену и заказываем четыре штуки.

Я для интереса перевожу в уме по курсу три с половиной. Господи, это же всего по сорок два рубля за штуку. Надо было пять брать.

За те пятнадцать минут, через которые нам обещают вы-

дать такосы, мы успеваем зайти в магазинчик – салон сотовой связи и купить симку с интернетом. Саня рекомендует TELCEL, потому что интернет по всей стране у него. Правда минуты только по Мехико, если переедешь куда, то, как у нас, роуминг. Ясно.

— Берем без минут, чисто интернет. Главное сразу сейчас вставить и связаться с Джефом по Вотсапу, чтобы направили.

Мы ему еще с аэропортовского вай-фая писали, что скоро будем. Ждет, наверно. Телефон мой немного глючит, и интернет настраивается не сразу, поэтому я подозрительно смотрю на продавщицу, безосновательно подозревая ее в некомпетентности. Саня переспрашивает, все ли в порядке и когда мы можем пользоваться благами, за которые «уплочено». Дивлюсь, как он живо болтает по-испански. Для меня это набор весьма мелодичных, но не несущих никакой информации звуков.

Эх, как я в детстве по телевизору смотрела уроки наивного испанского, как хотелось его выучить. Пыталась даже. Смех.

– Пять минут, пять минут и заработает, – клянется девушка, а Саша переводит мне.

Мрачно ставлю в известность, что никуда не уйду пока не заработает. Впрочем, это понятно и без перевода.

Наконец, о чудо, телефон начинает безостановочно блямкать от обилия мгновенно свалившихся на него сообщений.

Ура! мы с интернетом. Бегло просматриваю, точно – Джефф нас потерял, спрашивает, где мы. Саша молниеносно связывается с Джеффом. Что-то выясняют, балякают. Странно, но я понимаю, что не доехали мы изрядно.

Впрочем, мы уже бежим за готовыми душистыми спасительными такосами. Саша, не отрываясь от телефона, передает вопрос Джефа, есть ли у нас Убер? Я, стараясь догадаться, что это такое, отвечаю, что у нас только Вайбер и Вотсапп. Саша внимательно смотрит на меня, что-то говорит Джефу, выслушивает ответ, кивает головой и кладет трубку, то есть подает мне телефон.

– Он велел брать такси, иначе трудно найти дом будет. Это недорого, тут уже рядом. И он сказал, чтоб не беспокоились об оплате.

Блин, мы чего, в сказку попали?

– Тогда какой план действий?

– Ну, я пойду ловить машину, а ты иди к Люде и кушайте пока, я поймаю такси и приду за вами. Все нормально.

Так не сомневаюсь. И Саня, схватив один такос, убегает к дороге. А я иду кормить нас с Пятачком, прикупив по бутылке газированной воды.

Так все хорошо, а где же Люда?..

Где та аптека с перилами, у которой мы ее оставили? Чего-то я вообще стороны света не разбираю, закрутились и ориентацию потеряла. Блин. Хе-хе. А думала, что не тупица.

«Это потому что как ведомая бегала в этот раз за кем-то, не сама шла, плюнула наблюдать, вот и потеряла, – оправдываю я себя и команду, – Так спокойно, это все недалеко, по-любому. Разберёмся».

Так, вот это наша такосная, к ней шли минуты две вдоль вереницы уличных питательных заведений, а к крайнему из них, что у перекрестка, подошли сзади с улицы, где дом с голубыми витражами слева был. Значит сейчас он справа, заворачиваю здесь, немного вглубь, наискосок забрать, и о, слава тебе! Случилось! Та самая аптека с нашими чемоданами и немного взволнованным нашим длительным отсутствием Пятачком.

– Вы где были! Все нормально? Чего там? – вопрошает подлетевшую меня уже очнувшийся Пятачок.

– Там все нормально! Телефон зарядили, Джефу позвонили, Саня такси ловит, а тебе вот такос и вода. И мне. И Санин еще один.

И не имея никакого желания продолжать обмен пустыми вопросами-ответами, впиваемся зубами в кукурузные лепешки с сочной начинкой из мяса с овощами.

Закинуться спокойно не успеваем, приходит быстрым шагом начальник Саша и говорит, что таксомотор поймал, ждет на дороге.

Мы на секунду замираем с набитыми ртами, а потом, скрепя сердце, в соответствии с советским грозным опытом, решаем, что надо расставаться с процессом заправки, все

бросить и немедленно бежать в такси на посадку. Иначе остракизм. Сдержанно брюзжу: «Вот зачем он так быстро все поймал?..»

Оказалось, зря бочку качу, все нормально, и пригвозждение позором отменяется. Здесь же все медленно! И никто не возмущается.

— Опоздать на пять-десять минут социальная норма, — поясняет Александр.

– Нет, серьезно? – не верю я.

Любое явление имеет свои положительные и отрицательные стороны. В этой ситуации мы просто восхищены терпением и неторопливостью латиносов, дающих спокойно поесть.

И сейчас Саня дарует время, подтверждая:

– Доедаем спокойно. Нет проблем. А где мой второй такос? – и, улыбаясь, принимает его в большие ладони, – Иди сюда, мой вкусенький!

Такси Саня поймал мини, это действительно недорого, но и наши пожитки с нами сюда впихнуть сналету не получается. Покумекали, что-то на колени загрузили, что-то на заднюю полку. В общем, «кто-то еще и на баяне играл».

Джефф встречает на улице. Черненький, тошенький, стильный-стильный такой весь, ухоженный, в очечках с темной тоненькой оправой, как нынче модно в Мексике, столичный интеллигент-менеджер.

Платит за такси. Я люблю Мексику.

И опять чемоданы без писка доставлены на третий этаж.

– Женщина и тяжести здесь понятия несовместимые, – все-таки еще не совсем веря в собственную ценность, негромко провозглашаю я.

– Приятно, черт возьми, – тоже вполголоса снова соглашается Пятачок.

Нас приглашают в квартиру. Через дырку вместо одного замка в обитой потрепанным дерматином двери, сквозит свет.

– Мамма, миа! Вот это просторы! – только и могу сказать я.

Ну и что, что без евроремонта и несколько подзапущено. То ли это из-за старинной не отреставрированной, проще сказать весьма подранной, не первой, да и не второй чистоты мебели, в виде столовых кресел и стульев, на которую здесь в Мексике большая мода, то ли просто художественный беспорядок. Но вид! Короче, с лестничной площадки попадаешь сразу в огромный холл метров пятидесяти по площади, с настоящей лепной колонной посередине, поддерживающей не очень высокий потолок и сплошным гигантским окном по фронту из пяти секций, открывающим охрененный обзор на Мехико. В середине окна двухстворчатая дверь, через которую обзревается неприлично просторная терраса, обсле-

дование которой я уже смакую в воображении.

Дух захватывает еще как только делаешь первый шаг в это пространство по гладкому полу, изящно по диагонали выстланному двухтонной светло-серой плиткой, матово греющейся в солнечном свете. А когда видишь вдали приличный по площади добротный, точно созданный для литературно-художественного творчества стол, покрытый белой свисающей скатертью, и поодаль в левом углу колосющийся «ботанический сад» из горшков с цветами, пальмами и кустами, хочется остаться здесь наподольше.

Два дивана по дальним углам под самыми окнами довершают интерьер и издаലെка кажутся уютными. При ближайшем рассмотрении, правда, оказываются тоже старыми, раритетными в смысле. С помойки.

Джеф явно доволен произведенным впечатлением. Но надо изначально располагаться, а уж потом осматриваться и ахать, охать, лстыя хозяину.

Наш квартиро-сдаватель, которому оказалось всего двадцать семь лет, объясняет и показывает рукой, что вход на террасу есть и здесь и из кухни, которая вот справа, за стеклянными двустворчатыми дверями, что собственно и так понятно. Вот эта дверь слева, что на одной стене с ободранной входной, это в его комнату и куда, понятно, вход воспрещен, а справа от кухонного портала одинарная зеленая, так это как раз вход в отсек для жильцов. То есть в наш.

Гостевое пространство, как оказывается, представляет

из себя две смежные комнаты, одна, первая, куда заходишь прямо из холла, маленькая и без окон, вторая большая с окном. Путь в нее, понятно, лежит через маленькую. Похоже, как будто одну большую комнату разделили на две, потому что было видно, что симпатичный рыженький ламинатный пол когда-то был общим. Ламинат относительно свеженький и единственный придает требующим ремонта комнатам более цивилизованный вид.

Что комнат в теории две, мы знали, но то, что нам отдадут каждой по комнате, уверены не были. Но наш красавчик, сразу заверил, что раз мы сняли все помещение, а мы оказывается сняли все, то обе комнаты наши и мы можем их занимать. Тут нам прям вообще повеселело.

Немного подумав о личных потребностях при проживании, с учетом того, что Людмиле надо проводить онлайн занятия со студентами в отдельном и приличном помещении, а мне, как большому мерзляку, возможно, будет теплее в комнате без окон, так и размещаемся. Вернее, пока просто ставим вещи, и выпадаем обратно в холл, чтобы сначала с толком попить чайку, перевести дух и поболтать с Саней, а то ему скоро надо бежать на работу. Он по каналам в каком-то Сочимилько туристов на гондолах возит, с помощью шеста.

Джеффуля хвастается системой управления ультрасовременной многоточечной подсветкой громадной залы и тут же демонстрирует, как она от пульта с его телефона включается

в различных комбинациях и оттенках, и вечером, наверно, томный интим, здорово маскируя подранность холла, создает. Шеф гордится своими электронными примочками, и мы с Людой брильянтово улыбаясь, сдержанно демонстрируем безмерное восхищение.

Затем Джефф представляет нас своей белокафельной кухне с двумя холодильниками, над входом в которую весело прописано на плакате это странное название его жилья «PSICOSIS 109», которое он в объявлении наименовал «Арт-студия».

– Веселое название, – говорю я, но мое мимолетное определение оказывается незамеченным.

Кухне мы с Людой нравимся, и она сразу начинает щедро делиться с помощью хозяина своими сокровищами.

А тот, улыбаясь, ставит чайник, попутно показывая, как зажигается плита, работающая от сжиженного американского газа в желтом баллоне, и чем еще можно пользоваться.

Пользоваться можно всем. Даже питьевой водой из двадцати литровой бутылки, специями и оливковым маслом, выставленными на столешнице низенького буфета.

Пока чайник закипает, нам, наконец, показывают террасу, куда я всей душой стремлюсь быстрее попасть, потому что от любопытства кошка сдохла.

– Никогда еще такого архитектурного решения квартир не видела, – экстагически впиваюсь глазами и телом в пространство, – Я ж по интересным планировкам просто сохну

с детства. О...!

Терраса, а это именно царская она, не просто балкон какой-нибудь, открывает грандиозный панорамный вид на восточный Мехико, со всякими домами и далями, Она вымощена мраморной плиткой и обнесена не очень высокой бетонной оградой с элементами декора в виде узких сквозных прямоугольников.

Когда-то ограждение было покрашено белой водоэмульсионкой, но сейчас все изрядно оббито ветрами и смыто дождями. Дворец прекрасен, но в упадке.

Сюда, как положено на всех континентах, складировуют всю ненужную, но еще «а вдруг пригодится» рухлядь, во всяком случае дивное пространство терпит на себе подзасохшие и уже сдохшие от недогляда фикусы и пальмы в кадках, пару диванов, которые, может еще и послужили бы, но так, в отличии как раз от иссохших фикусов, так пропитаны осадками, что, скорее всего, здесь и сгниют, автомобильные покрышки, ящики, чайные кафешные столики и десятка два составленных друг в друга белых пластиковых стула. Похоже, здесь иногда проводят вечеринки. Так, куда дальше?

Возвращаясь, сбоку от вечно открытой половинки стеклянных кухонных дверей на белой стене я замечаю выключатель, намазанный красной краской, будто облитый кровью, которая стекает каплями вниз. Твою мать. Не скажу, что мне это заходит. Но... почему нет. Сама молодая была, страстей хотелось. А тут еще Мексика буйная.

«Хотя, кто знает, что у нашего Джеффа внутри, – все-таки осторожно материализуются в области головы смутные подозрения, – Психозисом свое жильё назвать, это ж надо додуматься».

«Да нет, все в порядке, нормальный, – убеждаю я себя, перехватывая его внимательную улыбку, и быстренько смутные подозрения нейтрализую здоровой мыслью, – Ерунда, у них наверно так принято, для остроты ощущений. Может, просто перед девками выделяется».

И забиваю.

– А где у вас туалет и ванная?

Тут самое прикольное. Теперь мы понимаем, что значит «полтора» удобства, указанных в описании жилья на сайте айрнби. То есть когда пишут, что одна ванная комната с хозяевами, то значит туда все ходим по очереди. Если две, то одна чисто наша, и никто тебя с горшка не сдернет. А вот полторы, о-хо-хо-хо, это оказывается одна ванная комната с двумя входами друг напротив друга. Один из нашей комнаты, а другой из комнаты Джефа.

– Вот тебе и архитектурное решение, – хихикаю я, оглядываясь на пунцового Пятачка, – Еще и с окном.

По сути, получается, что наши с хозяином комнаты разделены шахтой подъезда, а соединяются сзади через туалет. То есть вся квартира расположена вокруг лестничного марша. Прикольно. Поэтому ванная комната с окошком. Ох, чуть голову не сломала, пока сообразила, что к чему наконец.

Джеффик деловито показывает, какую кнопочку изнутри туалета надо утопить на защелке его двери, чтобы заблокировать замок, ну чтобы он случайно не зашел, когда нельзя. Сам он тоже, говорит, утапливает защелку на нашей. Главное, не забыть открыть потом.

Впрочем, владелец апартаментов обнадеживает нас, что уходит на работу днем, поэтому неудобства в принципе минимальны будут.

Так и выходит, писающего мальчика застаем только один раз. А он нас ни разу. А вообще стали просто стучаться, или прислушиваться, или спрашивать на всякий случай.

Еще у Джеффа в наличии большая ванная за занавеской! Саня, который, стараясь не мешать, тоже ходит с нами на экскурсии по дому, восхищенно цокает языком, говорит, что удобства с настоящей ванной явление редкое для Мексики. Обычно душ и все. Говорит, просто повезло. Тоже, похоже, как и я, по ванне сохнет. Я так большой ее любитель.

– Электронагреватель для горячей воды, включается автоматически, – поясняет хозяин, – Вот тут регулируется. Но если включить воду сильно, то особо горячей она не бывает.

– Понятно. Не успевает нагреться, расход большой – запоминаем мы, и наивно думаем, что маленькую струю он точно нагреет.

На голову, если стоять посреди ванной комнаты, с мохнатого пятна на потолке уже распустившегося, как жухлая хри-

зантема, иногда капает вода от соседей сверху.

– Понимаете, я уже не первый месяц веду с ними переговоры, чтоб меняли трубы, но пока безуспешно. Они не хотят признавать, что это зона их ответственности, – сдерживая недовольство нехорошими соседями, достойно поясняет молодой человек. Вот такие несознательные люди попались. Поэтому под хризантемой лежит на полу тряпка, ее не надо сбивать и убирать, только выжимать иногда. Капает не всегда, кстати, а по неподдающемуся логике графику.

В углу под раковиной с зеркалом, украшенным опять же красноватыми кровавыми подсветками, стоит щупленький электронагреватель. Ого-го! Это и есть обещанное отопление. Можно пользоваться.

В общем ванна в нашем распоряжении, но здесь реально холодно, еще и форточка открыта. Лично мне, когда холодно, то в ванну, где вода не особо горячая, вообще не хочется идти. Ладно, потом опробуем.

Посетив по очереди удобства, возвращаемся в столовую, как мы уже окрестили холл. Джефф должен убежать на работу, он и так задержался с нами, поэтому чай пить не будет, выдает ключи и говорит, чтоб звонили или писали, если что. Он на связи, со всеми непонятками поможет. И убегает. Увидимся вечером. Си ю, си ююю. Бай, бай!

А мы втроем садимся, наконец, испить чайку. Это святое. Эх, как сядешь за стол напротив окна, как глянешь в бескрайний простор над крышами Мехико, так оказывается

и шевелиться неохота, и взгляд не оторвать, и умиротворение внутри, как ни банально звучит, а разливается.

Я уже понимаю, что это будет отдельный вид деятельности, пардон, бездеятельности, пока мы будем находиться в этом доме. Называется «смотреть вдаль».

Поскольку энергия от съеденных во время заброски нас в «Психозис» такосов уже была на исходе, вспоминаем, что в чемодане есть быстрорастворимая вермишелька со вкусом чего-то мясного, которой мы, как «большие», затарились в Канкуне и, тут же вытащив на свет божий, завариваем по порции в обнаруженных на кухне тарелках.

О, тарелки в этом доме — это отдельная песня! Они разнокалиберные, от ультрасовременных наклонных на ножках до старинных фарфоровых. Я выбираю древнюю тонкого фарфора, с волнистым ободочком и подстертым рисунком на дне из гобеленовой жизни пастушков. Такая милота исходит от нее. Охота забрать себе.

В такой посуде любая пища становится божественной. Люда предпочитает новенький бело-зеленый квадратный модерн, а Саня сказал, что ему все равно, и большая суповая тарелка с голубыми цветочками, наугад выдернутая Людмилой из посудницы, его вполне устраивает. Но чашку под чай наш аскет все-таки выбирает сам, самую большую с черепом и костями на белом боку.

Ах, какой запах неземной исходит от тарелок, где кружочки жира со специями плавают на поверхности «бульона».

Пусть настаивается. Блюдо от шеф-повара. Сами пока вытягиваем горячий чай. Живем! И разговариваем.

Сане, например, апартаменты очень нравятся. Спрашивает по чем взяли, я хвастаюсь, что недорого, десять долларов в сутки.

– Это реально очень демократично, – горжусь нами я, – Джеф новичок на айрбнб, репутацию только зарабатывает, поэтому и демпингует, отзывы собирает. Ну а мы тут как тут!

Саша соглашается, что да, в принципе не плохо, но можно гораздо дешевле взять.

– Да ладно??

Странно, где это он видел дешевле? Мы приличное количество вариантов «прошерстили» пока выбирали обитель в столице.

Впрочем, парень местный, наверняка знает лучше, потом расспросим, что имел ввиду, но пока я чувствую необходимость отстоять свое, подвергнутое сомнению, высокое звание «почетного скурджмакдака нашего королевства»:

– А мы думаем, что нам повезло! Мы лично такого дивного варианта вообще не ожидали.

Люда поддерживает наше мнение кивками головы, а потом с восхищением констатирует, что Джеф и по-английски говорит великолепно:

– Мальчик вообще образованный, интеллигентный и просто отлично воспитанный. Конечно, повезло!

Я с ней согласна: – Породу сразу видно.

А Саша расслаблен и улыбается. Хорошо с ним.

Всосав длинные вермишельки и разомлев от тепленького, уже не торопясь, поглядываем по сторонам окружающего пространства, и замечаем упущенные вначале детали. Помимо бизнеса, наш хост еще и художник, оказывается.

– Смотрите, вон на подставке гипсовые головы для рисования с натуры, – усматривает Пятачок.

А в зарослях «ботанического сада» позиционирует себя большущий настоящий мольберт.

Идем смотреть поближе. На деревянной плоскости прикреплен белый лист с незаконченной картиной в стиле постимпрессионизма, смешанного с кубизмом и пофигизмом, под названием: «Что чувствует девушка, когда ее целует парень».

– Название крутое, – не могу не согласиться я.

На полотне смелыми каракулями изображены два подобия взаимно пересекающихся человеческих фигур.

Чуть просвечивает примитивизм, но, черт возьми, что-то есть, в этом сюр полотне на сером фоне с красными подтеками. Мы с Людой, не торопясь и по-доброму, потому что уже неголодные и у нас есть зритель, обсуждаем творчество молодого хозяина, отмечая несомненные художественный способности и свободу изложения.

Замечаю, что Саня улыбается немного иронично, можно сказать даже чуток ржет. Мы, конечно, еще не слишком знакомы, но героические трудности при переброске ту-

ристов в означенную айрнби точку для проживания, и то что, я знаю, что этот парень в темно-зеленой вязаной шапочке, которую он предпочитает не снимать, принадлежит к той же традиции мудрости древних толтеков, а значит, много можно не объяснять, нас достаточно сблизил. И позволили мгновенно, еще на второй пересадке в метро уже перейти на «ты». Поэтому, чувствуя по хитрому блеску Санькиных глаз подвох, тут же испытываю потребность узнать в чем дело и немедленно начинаю выяснять. Тем более он этого явно ждет.

– Ты не согласен?

– Понятно, что это не Пикассо, но схвачено же, – пытаюсь защитить поставленное под сомнение наше с Людой добротное мнение по поводу Джефовых художеств.

– Схвачено, конечно, схвачено.

Саня, по-моему, вообще никогда не возражает страстно и не вцепляется в волосы, а всегда сначала соглашается. Прикольно так. А уж потом, обосновывая, гнет свою линию.

– А чего ухмыляешься? – аккуратно подбираюсь к пояснениям, крайне заинтригованная я.

– Да так. Смешной парень, – Саша потягивает чаек с конфеткой из самолета.

– Ладно тебе, колись, чего смешного нашел. И вообще мнение свое изреки нам тогда, – мне уже хочется узнать его поближе, понять, что за человек и кто он вообще.

Саша будто читает мысли:

– Я художник.

– В смысле? – изумляюсь я и тихонько переглядываюсь с Людой, типа «уже начинается интересное», – Настоящий?

Санька реально начинает хихикать:

– Настоящий, самый настоящий.

– Круто, – уважительно принимаю я новость. – Поэтому «Девушка» немного смешит? С точки зрения профессионала?

– Есть немного. Нет, картина хорошая, – искренне говорит Саня, щадя наше самолюбие, черт возьми, деликатный человек все-таки.

– Энергетически хорошая.

– Так это и главное, – не сдаюсь я.

– Да, – оппонент, как всегда, не перечит, – Но это как талантливая, сельская самодеятельность. Хобби. Любое произведение выигрывает, когда сочетается передача с профессионализмом.

Кто бы спорил.

– Например, вот здесь, – Саня показывает перспективу подобия улицы, – надо исправить построение, а здесь цвет «не при чем».

Наблюдаю за Сашей, да, профессионал просвечивает, без сомнения.

Я вижу, что он хочет все-таки немного обозначить себя, но абсолютно не имеет цели охаять другого художника и превознестись. Словно что-то сдерживает внутри, наподобие го-

речи, как будто наскучался, но не желает в этом признаваться и гонит дурацкое чувство потребности. Как девку, которая по глупости бросила, а теперь хочет вернуться.

– А ты как сейчас здесь? Не пишешь или бывает? Как вообще с этим делом, с профессией в Мексике? – Люда тоже почувствовала умерщвляемую Александром тягу.

– А никак. Не пишу. Здесь это не востребовано. Впрочем, там тоже не востребовано. Тут мне нравится туристов по каналам возить на лодке. В местечке Сочимилько, это на окраине, сеть каналов древними индейцами созданная сохранилась. Острова, лес кругом. Такое место! И деньги сразу.

– Но ты же работал после окончания училища, писал, выставлялся? – я тоже пытаюсь выяснить тропу миграции индивидуума из художников в гондольеры.

– И писал, и выставлялся, и в школе преподавал детям. И рекламой занимался. Не вышло из меня великого художника.

Я смотрю на Саню, почему-то думается, что как раз вышел, только сказать некому было в нужную минуту.

– А потом, – продолжает он, – решил свободу поискать, а где как не в Мексике это делать. И сбежал шесть лет назад. Настоящую жизнь поглядеть.

– И как? Увидел?

– Так да.

– И что в твоём понимании «настоящая жизнь», поведай, плиз, заинтриговал, если что, – прошу я.

И Саня, достаточно воодушевленно, делится, что снимает комнату в хостеле на окраине того Сочимилько. Там нет особых удобств, а спать приходится на коврик на цементном полу иногда, где очень холодно, и контингент, ...лучше все не поминать. Это вот она и стоит сто двадцать песо за неделю. То есть примерно всего четыреста наших рублей.

И именно это Саня считает настоящей жизнью. Преодоление трудностей и почти полное отсутствие личного имущества. Вот если бы у него был собственный шест, которым управляют, впиваясь в дно канала, туристической гондолой, то он бы зарабатывал больше денег, но ему хватает. Дело не в этом.

– На самом деле денег для счастья надо не много, – поясняет Александр, – Просто есть текущие проблемы, надо получить вид на мексиканское жительство, а это деньги немалые, коплю их. А иначе пока приходится по закону каждые полгода выезжать и заезжать обратно в страну.

– А куда выезжаешь?

– В Гватемале сейчас обычно пережидаю. Самая ближняя она. Удобно. Хотя по началу много, где бывал, даже до Панамы добирался автостопом.

— Ничего себе! – нам это кажется абсолютно крутяцким мероприятием, – И как там?

– В Панаме? – переспрашивает адепт настоящей жизни, – Панама дорогая, богатая.

– А где еще был? В Коста-Рике был? – жадно выпраши-

ваем мы.

– Был, конечно, – спокойно констатирует Саша, – И в Гондурасе. Это все не так далеко на самом деле, но достаточно опасно и не предсказуемо.

Саша с сомнением сканирует нас взглядом-рентгеном.

Граничащую с Мексикой Гватемалу он изучил как родную за это время, и очень ее боготворит. Подходит она ему. И нам настоятельно рекомендует.

Но на счет всей остальной нашей затеи с кругосветкой и передвижением по Латинской Америке наш новый товарищ честно признается, что, глядя на нас, сильно сомневается.

«Интересно, с чего это?.. – совсем не нравится такая оценка мне.

Как оказывается, во-первых, на Саню мы реально производим впечатление транжир, снимающих дорогое комфортное жилье. Это мы-то... С моим дотошным выжиманием чего-то из ничего в супер-эконом путешествии.

Во-вторых, Сашуля не совсем врубается насчет целесообразности самого нашего мероприятия, как явления. То есть, зачем надо тащиться в кругосветку и тратить такие деньги?

Тут он в чем-то прав, какая уж тут целесообразность, кроме приключений на свою эту..., на которой ровно не сидится. Но это не объяснить, так же как страсть к проживанию в притонах.

А в-третьих, он искренне выражает свои опасения по поводу того, что нас ждет, и выдержим ли мы путешествие вообще. Ему кажется, что нет: «Смотрите сами, тут все сурово». А мне кажется, что он пока нас не под тем «углом зрения» рассматривает или свои страхи проецирует.

Мне этот его «угол» не совсем приятен, но сейчас наш опытный гид, к сожалению, считает именно так. «Не показались мы ему».

Впрочем, Саня, как йог со стажем, мнения своего отнюдь не навязывает, не достает советами, а просто и необидно выражает, что по этому поводу думает со своей нынешней колокольни. Ознакомиться с окрестностями чужой колокольни для опыта нам тоже совсем не вредно. Какие разные колокольни бывают. И окрестности. Тем более, что реально это уже ничего не изменит. Пьем чай и слушаем дальше, не сразу принимая на веру Санины красочные описания бытия в его полупритонном гест-хаусе, где понятия «украсть» и «крутой пацан» синонимы. Аскетизм и пограничность Саниного бытия по мере проникновения, кажется, начинают впечатлять слишком сильно. У меня хорошее воображение. По-моему, это перебор.

Я немедленно озвучиваю это вслух и оказывается, что это так для меня. А для нормальных пацанов это настоящая жизнь: дешевая, суровая, полная опасностей и испытаний.

Ничего себе, похоже, Саше такой экстрим в правду нравится.

И судя по его ясным глазам, здоровому виду и спокойной улыбке, это именно то, чего он хочет. Странно, но факт, как говорится.

«Интересно на сколько хватило бы меня в таких условиях, – прикидываю я, – На цементном полу в холоде. Бррррр, что-то не хочу даже думать. Наверно, я все-таки «пацан не нормальный».

– Кесарю кесарево, а слесарю слесарево, – подвожу итог я, и мы все хихикаем.

Тут Саша изрекает, что время вышло, и он вынужден откланяться, дела зовут. На работу надо во вторую смену. Допивая чай, уточняемся, в какое время послезавтра, когда у Санечки будет выходной, он придет к нам, чтобы всем вместе сразу после завтрака пойти на разграбление города. Александр прикидывает и говорит, что в полдесятого будет.

– А завтра куда нам порекомендуешь смотаться?

– Так съездите в Сочимилько. Я завтра там тоже буду.

И как ловкий раздатчик уличной рекламы быстро вытаскивает из рюкзака листовку, ксерокопию туристического буклета с разрисованным будто детской рукой планом заповедного парка.

– Поедете?

Мы жадно вглядываемся в план, где все части и ценные места парка обозначены кружочками, пронумерованы, и подписаны по-испански, где что смотреть и как называется. Впечатляет.

– Ага. Нам пока по барабану куда ехать. А как туда добраться? Учитывая, что город мы не знаем от слова «совсем».

– А, ничего сложного, – успокаивает Александр, и начинает быстро лопотать, как добраться из нашего района.

– Блин, погоди, – торможу его я, – надо под запись. Ни хрена не запомнится.

Саша терпеливо повторяет, а я вывожу на листочке:

«Тоскинья конечная, метро синяя ветка. Оттуда Тренлихеро – другая линия до Сочимилько и тоже до конечной. И оттуда эмбаркардеро калтонга, эмбаркардера салитре – коллектива».

– Ну вот, теперь совсем другое дело. Все понятно, – пытаюсь сыронизировать я.

– Далековато, конечно, но того стоит, – заверяет Фримен, не заметив моего ехидства. А я, пытаюсь устаканить сомнения, уточняю у святого Александра: – Саш, то есть если мы это произнесем с листа вслух, то нас поймут и направят куда надо?

– Да, – не понимая моего волнения, заверяет Саша, – главное, на метро доедете, а там спросите или так дойдете. Ничего сложного.

Он так спокойно говорит, что я начинаю верить, что сложного и на самом деле ничего, все разумно, не в джунглях Амазонки и продираемся. И добавляет, что если пройти на лодочный причал внутри квартала, то мы его там можем

застать и проведать в перерывах между катанием туристов. Так почему нет. Попробуем. Всегда рады. Все-таки это здорово, когда кто-то здоровый местный есть рядом. Да еще уравновешенный.

«Это я правильно, подсуетилась, насчет „своего“ человека за границей», – по уши довольная с облегчением констатирую я.

Провожаем Сашулю, жмем руки, и наконец приступаем к размещению, согласно купленным билетам.

Нехорошая квартирка №5

Рассказ о том, как квартира проявила характер или мексиканские сюрпризы

Моя проходная комнатка представляет собой крохотное квадратное помещение, пространство которого практически полностью занимает двуспальная кровать, и где две стены грязно-зеленого цвета в тон входной двери, а боковая справа светло-бежевая. Всю четвертую слева закрывает трехсекционный, темно-темно коричневый шкаф-купе.

При более близком знакомстве с этим монстром оказалось, что пара полок освобождены для нас, а остальное нутро туго забито запасными одеялами, пледами, подушками, которыми мы решаем воспользоваться в случае необходимости, и еще, по-моему, внизу соскладировано что-то похожее на зимнюю спортивную одежду, теплые куртки, шарфы плюс какая-то обувь.

На правой стене, отражая половину втиснутого в четыре стены сексодрома, мерцает слишком огромное, опять не по комнате, прямоугольное зеркало, да еще и в массивной шикарной черной, похоже, деревянной оправе.

Три монстра в одной комнатке, это впечатляет.

Еще в угол комнаты, напольная на зеркало, запихнут комод, высокий и тоже черный, с четырьмя ящиками, частично заблокированными кроватью, и более низкая длинная тум-

бочка, напоминающая обувницу.

Все вместе смотрится, как этакий каскад прикроватной черной мебели в темной комнате с трюмо. Какая-то лампа диковинная, сто процентов Джеффом покрашенная красным лаком, на верхнем комоде прилажена, правда не горит, но что-то, типа, уюта создает.

Вроде все путем.

Мы, успев полюбить холл и кухню, начинаем с воодушевлением обживать спальню: потрошить чемоданные закрома, доставать тапочки и домашние штаны, выставлять на поверхности комодиков и тумбочек кремики, снадобья, руны в мешочке, очки с дырочками для тренировки зрения, расчески, пристраивать в ящички тумбочек зарядки от гаджетов, переходники, блокнот, ручки для письма, походную аптечку и прочую ерунду, которая может потребоваться в любую минуту.

Кричу через открытую дверь Люде, которая тоже тщательно осваивает свою просторную жилплощадь, удовлетворенно радуясь туалетному столику и паре кресел:

– Как тебе?

– Вполне, можно жить, – заверяет из-за стенки Пятачок, чем-то шурша.

В довершение я, как показатель основательности, шлепаю на черную тумбочку брикет электронной книжки в черных кожаных корочках с монеткой, прилипшей к магнитной защелке. Все!

— Люда! А похоже, мы точно собираемся остаться тут надолго, — уточняю я из своей половины у невидимой Люды, — То есть дольше, чем четыре дня, которые оплатили. Как думаешь?

Собственно, это понятно, что Мехико и его умопомрачительные окрестности мы хотели бы впитывать недели две, как минимум, но бронировать за весь срок с предоплатой, как в этом сервисе положено, не примерившись, чего-то не рискнули.

— Думаю, это разумно.

— Тогда завтра с Джеффом переговорим, — предлагаю я.

— Давай. Интернет хороший, места много, — мой товарищ в первую очередь сверяется по этим параметрам, так как ей ответственно уроки онлайн вести, деньги зарабатывать, — Ночь переночуем и решим.

«Вот что мне нравится в Пятачке, так его интуиция и здравие. С моей порывистостью, похоже, это неплохо сочетается», — понимаю я и, закрыв обе двери, завалившись на кровать в качестве пробы, тут же растекаюсь.

Об истинных особенностях мексиканских и, в частности, именно этих апартаментов под странным названием «Психозис», я еще не просто не подозреваю, и пока по мере растекания на поверхности постельки не могу отделаться от ощущения, что на моих простынях кто-то спал.

В Мексике редко используют пододеяльники. Нет такой

традиции. Спят сразу под одеялами и стирают сразу полностью все одеяло после употребления. Так у них принято.

Непонятно, почему они считают, что стирать одеяла легче, чем пододеяльники, но именно таким образом это практикуется в частных домах, по каким-то причинам это кажется им гигиеничнее. Одеяло у меня белое с голубыми волнами. Мягкое, уютное, но тоже мятое какое-то. Вроде даже с запашком. Пытаюсь убедить себя, что это мерещится, «не могут они дойти до такого безобразия» — грязное белье гостям оставлять. На всякий случай выползаю из постельки, заглядываю в хоромы Пятачка и озабоченно втягиваю в свои сомнения друга:

– Люда! Слушай, у тебя как с бельем? Свежее?

– Так вроде нормально, – Пятачок явно не напрягся по этому поводу.

– А у меня чего-то не то. По-моему, забыли сменить. Дай твое посмотреть.

Мы вскрываем Людмилину постель с коралловыми простынями. Нет, мне тоже не нравится.

– И у тебя забыли, – делаю вывод я.

— Да? Думаешь?.. – мой друг, похоже, об этом не догадывался, но я ему открыла глаза.

– Да! – преисполненная решимостью бороться с разгильдяйством я грожу: – Вот придет Джефф, все спрошу, и скажу – пусть меняют.

Наш юный друг, однако, как почувствовав, домой сегодня

еще не возвращался, видимо по молодому делу просто загулял. Потому как завтра выходной. И что он, дурак, что ли?

Тогда решив оставить выяснение до утра, я говорю:

— Спокойной ночи, приятных снов!

— Спокойной ночи!

— Но если все поменяют, то остаемся.

— Само собой.

Вспомнив канкунский опыт, и что в Мексике, «где бы вы не спали, даже в приличном отеле за приличные деньги, все равно будет шумно или очень шумно» я вновь проверяю обе двери на предмет плотности закрытия. Затем подстилаю свой флисовый плед под общее одеяло вместо пододеяльника, а голубенький застиранный палантин вместо простыни и немного поерзав, прекращаю приниматься, решав, что одну ночь как-нибудь перетерплю. И начинаю основательно знакомиться с очень удобной, не очень чистой кроватью, которая, не смотря на мою некоторую брезгливость, вполне дружелюбно принимает меня в свои объятия.

Немного понаслаждавшись полусонным расслаблением от принятия горизонтального положения, я предполагаю, что надо немного почитать что-нибудь наше, эзотерическое. При тускловатом свете настольной лампы хватает меня минуты на три, после чего морфей начинает недвусмысленно заявлять свои права, путая буквы и накладывая строчки.

Спать, спать. Я сладко потягиваюсь, одновременно заме-

чая свое шевеление в черном боковом зеркале. Темное отраженное пространство комнаты за стеклом мерцает глубокой и немного пугает. Мне неуютно смотреть туда. Повинуясь неожиданному импульсу, вскакиваю и быстро набрасываю на зеркало свой огромный тонкой шерсти платок, с черными кистями по краям, вытасченный на всякий случай вместе с пледиком про запас для перестилки постели.

– Вот совсем другое дело, – удовлетворенно думаю я, – Зачем мне виртуальное помещение.

И, вырубив свет, утрамбовываюсь в мягком нутре матраса. Сон приходит моментально. Правда, как оказывается, на несколько минут.

Через очень короткое время я очухиваюсь, почувствовав легкую вибрацию, как будто слабые потоки электричества начинают проходить через меня. Не очень приятное ощущение. Ерзаю, морщусь, потираю руки и виски, напрягаю-расслабляю мышцы. Вроде подотпустило. Хрень какая-то.

Поскольку после марш-бросковая усталость была приличной, я все равно решаю усиленно спать дальше – мало ли чего с устатку покажется, и намереваюсь проснуться утром в здравии и отдохнувшей.

Выныриваю из сна я примерно через час. От сильной дрожи. Меня тупо трясет. Твою мать! Это что такое?

Ночь, кажется, имеет намерение превратиться в кошмар наяву, причину которого я понять пока не в состоянии. Нор-

мальное сознание, ничего не болит, но по телу идут вибрации. Их отчетливо видно по трясущимся пальцам рук, когда я смотрю время на телефоне.

Причем спросонья кажется, что эти ночные спазмы разной интенсивности, и они то сжимают, то перекатываются, то отпускают. Будто кто-то меня к разнополярному источнику подключил и балуется, сволочь, над пленным русским, пропуская электрический ток. Чего выпытать-то хотят? Где партизаны? Так я не скажу.

Пытаюсь идентифицировать состояние: ощущение крайне противное, будто твое тело испугано, и ты не можешь с этим совладать.

«Психопатический приступ? Или посторонняя сила оказывает воздействие, – пытаюсь здраво рассуждать я, – Нет... какая здесь может быть посторонняя сила, чушь. Это просто перенапряжение. Спи, завтра елка! К утру все пройдет.»

Усилием воли я заставляю себя закрыть глаза и продолжать спать, назло всем немцам, потому что спать хочу реально. И у меня получается, я втягиваюсь в забытие.

Кошмар возвращается, но теперь я уже не могу проснуться. Я и сплю, и не сплю. Смутно улавливается шуршание теней, доносится глухой разговор с обрывками быстрых фраз, какие-то возгласы и вскрик. Концентрация тревоги в воздухе мизерного пространства нарастает с бешеной скоростью. Трясущееся состояние усиливается, и кажется, начинает сводить с ума. Что это?

Дыхание становится рваным, изнутри и снаружи хлещет метание, метание меня, метание электрического жужжания прямо над моей тушкой, корчащейся в судорогах на кровати. Мне кажется, я вижу себя сверху. Смертельный ужас накрывает все тело и с дикой неумолимостью внедряется в каждую клетку. Я хочу убежать и не могу, я цепляюсь обеими руками за край кровати, хочу сбросить одеяло, чтобы уползти, но бордовый ужас настигает меня и втягивает обратно за ноги. Кажется, я беззвучно кричу, не слушаются руки, я ничего не могу сделать, потому что панический страх перед надвигающимся ужасом, заливший грудь и живот, съел мои силы, я медленно лечу куда-то вниз и знаю, что липкая тень сейчас меня сожрет.

Тонкий вопль последнего усилия выходит из меня, и, ухватившись за него, я остатками воли успеваю «зацепить» здравую мысль, что все-таки это сон, пусть реальный, но сон! И не пошли бы все эти кошмары подальше! Я вспоминаю, что просто нужно дать команду, чтоб это прекратилось, громко послать все на мороз или к монаху.

Собравшись с силой, я, разъярившись на себя и на этих, непонятно кого, кто нагло влез в мою долгожданную ночь, оглушительным, как мне кажется, голосом кричу: «Убирайтесь вон! Да сколько-можно-то! Вон!». На самом деле мой отчаянный вопль был едва слышным свистящим хрипом, вырвавшимся из горла, но он меня умудряется реально разбудить, чем дает возможность вырваться из лап морока,

и несмотря на то, что трясучка не прекращается, оторваться от ложа, рвануть дверь и вывалиться, не разбирая дороги, с одеялом на серые плитки холла.

Наверно, около пяти. Еще не рассвело. Еще потряхивает.

«Ни хрена себе, это ж сколько я в плену была? Чего делать будем?» – спрашиваю я возвращающегося, ура, сознания.

Помоечный с пятнами на обивке диван, тот что под окном справа, и который был побольше, чем слева, и на который днем не особо тянуло садиться, сейчас кажется мне оазисом, обещающем защиту и спасение измученному и перепуганному путнику. Степень его пригодности неизмеримо возрастает в моих глазах по сравнению с предыдущими сутками, особенно если постелить сначала пледик, а потом, завернувшись в одеяло, пусть полусидя, но спать. Такой мягкий и вместительный.

Вот ведь интересный момент. Трясучка была обратно пропорциональна расстоянию от комнаты. Чем дальше от комнаты отходишь, тем ее амплитуда сужается.

«Это хорошо, – думаю я, засыпая, – Надеюсь, что не кажется».

Утром, проснувшись, чувствую себя почти совсем нормально. Вспоминаю ночную круговерть: «Мама, что это было?»

Правда остатки паники пытаются помешать сосредото-

читься на придумывании здоровой причины ночных приключений, но не сильно. Поэтому я настороженно, но иду в комнату, типа, за телефоном, а на самом деле смотреть в глаза действительности.

С опаской, что сейчас опять «начнется», я просачиваюсь в комнату. Никакой действительности не наблюдаю, только утренний свет из холла освещает перевернутую вдрызг постель и валяющийся на тумбочке, похоже, автоматически сдернутый мною перед бегством Павлово-Посадский темный платок.

Трясучка не начинается, в обморок со страху не заваливаюсь... Тогда я решаю, что пока надо умыться и обрадовать утренней встречей горшок.

Потопав через Людмилину комнату в туалет, я аж при- тормаживаю, обнаружив друга под грудой одеял, увенчан- ных поверх ее собственной теплой курткой, с головой, завязанной шарфом, в общем, напоминающего бегемотика в берлоге. Несчастливая уже не спит, и, по-видимому, делает безуспешные попытки определить, где она, кто она и сколько времени.

На мой изумленный: «Ты как?» – она не отвечает, а помотав головой в попытке освободиться от шарфа, вытаскивает из ушей беруши.

– Чего? Доброе утро.

– Ты как, говорю? Привет! – переспрашиваю я, хотя в об-

щем, все понятно и так.

Люда, для полного впечатления добавляет, что помимо редкого «поморозника», который посреди ночи заставил собраться на себя все что было под рукой, с пяти утра автомашины, включая мусорные грузовики, с наглой ухмылкой психологического превосходства упорно дефилировали аккуратно через ее спальню, иногда сигналив, чтобы уж точно со страху заставить написать в постель.

После того, как немного приходим в себя и, совершенно нормально с аппетитом завтракаем, заправляясь кофейком с кукурузными лепешками в дивной столовой, залитой утренним солнечным светом, мы вполне уже здраво решаем, что пока убегать не будем. Посмотрим-потерпим еще одну ночь. Вроде обещали потепление.

Мои кошмары мы объясняем приступом клаустрофобии на фоне усталости, порекомендовав мне не закрывать дверь в холл.

«Еще, – деловито решаем мы, – Для профилактики ночных кошмаров сменим белье и зажжем свечи».

Кто его знает. Вдруг поможет. Уезжать так быстро отсюда все равно не хочется. Почему-то.

Когда мы начинаем собираться на первую вылазку в гигантский мегаполис, то, наконец, имеем счастье пересечься с отоспавшимся к десяти утра Джеффом, у которого я тут же

радостно вопрошаю про свежесть постельного белья, недвусмысленно озвучив с помощью переводчика Людмилы сомнения, что я у него «первая». О ночном происшествии отчего-то не упоминаю совсем, как рот заклеили. Скотчем.

Наш юный хозяин крайне удивлен, что мы посчитали постельные принадлежности не свежими, «такого быть не может», но активно спорить не намерен, выражает сочувствие, что доставил неудобства и, заметив подлинное страдание в наших лицах, обещает, что вечером придут мама и тетя, сестры и няньки, которые в тот же миг нам отмоют квартиру и заменят все что можно на кроватях.

– Вот спасибо, хорошо! – дружно благодарим хоста и немного озадаченно переглядываемся, – Забавная организация бизнеса.

– Похоже, Джефф в семье на вес золота. Такая скорая помощь организована, – кумекает Людмила.

– Младшенький, наверное.

Так и выходит, вечером помимо предоставленной генеральной уборки нас еще выучивают пить текилу, одев заранее всем присутствующим на головы цветные праздничные колпачки, а ля «к нам приехал цирк».

– *Ой, кажется я еще больше начинаю уважать сервис Airbnb, дарящий такие потрясающие встречи!* – громко провозглашаю я, будучи переполненной огромной любовью ко всем присутствующим, это когда после текилы в ход пошел

волишебный мескаль, – Класс! За дружбу между народами!

Впрочем, про общение с мексиканской семьей это отдельная поэма. Особенно понравилась сдержанная и улыбочивая прабабушка, которая тоже пришла со всеми учить русских туристов местным обычаям.

Джефффуля оказался не младшеньким, а просто единственным мальчиком в этом женском царстве, так вышло. Поэтому на любой вопрос о том, как он ведет хозяйство, о готовке пищи, уборке, стирке мы периодически слышим изумительную фразу: «Придут мама с тетей и все сделают. Говорите, если что надо».

На эти слова Люда неизменно выдыхает, закатив глаза к небесам: – Шоб я так жил!

После знакомства с мексиканскими родственниками и после текильного и не только, возлияния, все вообще стало молниеносно налаживаться, в том числе и сон, который привычно хотелось определить категорией «как у младенца».

– Вот, а говорят, что алкоголь вреден... Ерунда, – хихикает Люда.

– Конечно! В маленьких дозах он полезен в любом количестве.

...После уборки я больше не завешивала зеркало – чувствовала, что этого не надо делать. Вернее, не то что, чувствовала, а как-то смутно поясняла себе, что «лениво возить»

ся, и так хорошо». И больше меня оно не смущало. Мерцает и мерцает рядом. Комнату больше делает.

Кстати, при смене постельного мне случайно выдали рыжее одеяло с изображением ягуара, моего животного силы. И я восхитилась этим событием, как добрым знаком. Под ним было тепло и защищенно. Во всяком случае больше никаких ночных приходов не наблюдалось.

Так бы я и считала себя клаустрофобичкой, если бы за день до отъезда во время вечерних, уже всеми любимых посиделок с нашим хостом Джеффом не выяснилось, что когда он переехал сюда, то первое время тоже не мог спать, чувствовал жуткие приступы тревоги и просто психоз. Кстати, название студии от этого и пошло. Психозиз 109, где 109 номер дома.

В тот вечер, после моего абсолютно случайного упоминания о ночном приходе в первую ночь, молодой человек с удивлением обращает на меня свой ясный взор, и кивает, по-моему, даже обрадованно. Интересно, чему, неужели..

– Кто-то еще чувствовал всю прелесть этого местечка?

Джефф вновь кивает.

И тут я тоже с изумлением начинаю понимать, что, кажется, я не одна. И, главное, что я не клаустрофобичка.

– Ой, так что здесь такое?! Просвети!

Загадочно улыбаясь, черноволосый юноша говорит: «Хо-

рошо. Сейчас я расскажу тебе сказочку, дружок». И сверкая очами, начинает быстро делиться странной историей, явно получая удовольствие от представившейся возможности произвести впечатление. Людочка, моя дорогая, быстро переводит с круглыми от возбуждения глазами.

Оказалось, что молодой человек, как натура, выросшая в Мексике, поэтому более привычная ко всяким потусторонним «прибамбасам», меньше всего забеспокоился, что случилось что-то с его психическим здоровьем, а просто попытался выяснить про энергетику места, то есть кто здесь жил и что было раньше. Надо же разобраться, какого хрена. Тоже спать хотел спокойно. Без трясучки и кошмаров.

После длительных выяснений и расспросов соседи и полиция все-таки поведали новому хозяину, что лет десять тому назад в этих апартаментах с дивным видом и огромной террасой жила-была одна женщина. Женщина как женщина, не первой молодости, вроде такая как все. С соседями здоровалась, за квартиру платила, мужчины похаживали, друзья-подруги.

Все бы ничего, только была она серийной убийцей. Нормальной серийной мексиканской убийцей. С кем не бывает. Трупы множились, полиция искала страшного злодея, по этому району и близлежащим люди боялись ходить. Но никак найти не могли. До тех пор, пока в этой квартире, в той комнате, где я имела счастье жить, она не замочила

свою подругу. Что там не поделили, или просто ломка была – не известно, но факт, что именно здесь это и произошло. Зарезала. Ужас, лужи крови, вопли. Не знает подробностей, но после этого ее и повязали.

В квартире последующие владельцы менялись часто, никак не могли прижиться, пока, купив по дешевке, сюда не заехал нынешний прогрессивный владелец, который не испугался, а разобрался с историей, заявив, что никуда от кантервильского привидения не свалит. Заодно по случаю приобрел черный спальный гарнитурчик, с огромным стильным зеркалом, тоже «случайно» разместил в моей комнате. Особо, говорит, не думал над этим, просто так захотелось сделать, будто подсказал кто-то, но стало спокойнее. И славно. После таких встреч чуйка растет как на дрожжах.

С призраком они нашли консенсус. И все было ничего, пока я не перекрыла своим платком зеркало-портал.

Джефф предполагает, что, скорее всего, «жиличка» вышла и не могла зайти обратно. Но главное, что я это сделала тоже не просто так, кто-то или что-то хотело обратить на призрак мое внимание.

«Возможно», – прикидываю я.

Но на всякий случай заявляю, что это преувеличение. Чур меня.

Женщина больше активно не вмешивалась, хотя шорохи я

слышала постоянно. Лишь пару раз я уловила какие-то слова или названия, из которых мало что смогла идентифицировать. Но если честно, я все-таки вздохнула чуток с облегчением, когда время нашего пребывания в Мехико закончилось, и мы «выписались» из нехорошей квартирки. Очень это хлопотно иметь дело с привидениями.

Первый выход в город

После всех утренних согласований и разборок, утоливши жажду из колодца интернета, мы, как и собирались, решили последовать совету Фримена и сгонять в Сочимилько, как большие. С чего-то надо все равно начинать.

Сочимилько или Xochimilco, «цветочное место» – один из шестнадцати районов города Мехико, столицы Мексики, расположенный в восемнадцати километрах от центра города. На севере граничит с районами Койоакан, Тлальпан, Истапалапа, на западе – с районом Тлауак, на юго-западе – с Мильпа Альта. Занимает площадь в сто двадцать два километра, таким образом, является третьим по величине районом Мехико.

Сочимилько известен по всему миру благодаря древним каналам ацтеков – чинампас, напоминающих об остатках озера Тескоко, на котором стоит город Мехико. Здесь можно покататься на гондолах трахинера по старинным каналам, познакомиться с главным промыслом этой зоны – выращиванием цветов и растений, и послушать традиционную мексиканскую музыку в исполнении ансамблей мариачи и маримба. Это одно из наиболее посещаемых туристических мест. В 1987 г. каналы Сочимилько были объявлены объектом всемирного наследия ЮНЕСКО.

— Ну, да, все понятно, — соглашаемся мы с изложенным в умных сетях и окончательно уясняем, где именно Саня живет и работает, как раз тем самым перевозчиком по каналам. И что он восторге от ацтекского места.

План-листовка, выданная гондольером, у нас с собой, как самое ценное, потому что там Саша еще показал, где его самого можно найти на причале. В смысле, если все ж приедем, то здорово свидеться.

Сашунино вчерашнее письменное напутствие в виде абракадабры, как доехать малой кровью до Сочимилько действительно помогает. Как бы то ни было, но мы туда добраемся. И если учитывать, что многие названия просто производим впервые, то весьма неплохо. Ура.

А до «ура», у нас приобрелся первый опыт самостоятельного проезда в метро. Для получения этого очередного «сына ошибок» нам потребовалось: купить билет за шестнадцать рублей на наши деньги, освоить проход через турникеты именно этой ветки метрополитена, снять на видео прибытие красного поезда на почти бесшумном резиновом ходу, то есть на резиновых толстых колесах, идущих по специальным желобам вместо рельсов. Влезть в вагон и предпринять слабоумные попытки запомнить название станции и цветовые обозначения веток на карте метро. Затем начать осознавать, что это не Москва с ее сверх понятным аккуратным метрополитеном и что лучше почаще спрашивать «как

пройти в библиотеку».

Впрочем, мексиканское метро на самом деле очень-очень рационально раскинутое по мегаполису, безопасное и толковое. Просто очень большое. И временами душегубное — то, когда поезд без причины останавливается минут на пятнадцать, а, говорят, иногда и тридцать в туннеле, в час тесный пик, и в просто открытые окна вагонов, ничего с наличием кислорода не задувает.

Забавно, после пары пересадок видим, что на станциях отведено место ожидания и посадки только для женщин, в женские вагоны. Они обычно в начале состава. Как потом оказалось такие огороженные пространства не на всех станциях, на некоторых практикуется общий доступ ко всему составу, поэтому в женские вагоны изредка попадают и мужчины, я думаю, возможно у них не было другого выбора, как скакнуть в женское царство. Но их никто не бьет и с воплями, как из женской бани, из вагонов не выбрасывают. Едут и едут. Скромно сжавшись в уголке или пытаясь спрятаться за перекладину, в телефончики смотрят пристально.

Сегодня первый раз... и мы перемещаемся в подземке почти наобум, незнамо куда и как, на каждом шагу мучая бедных мексиканцев приставаниями, «а когда выйти, чтобы попасть на пересадку вот сюда» или «где этот чертов переход на синюю линию, причем на правую сторону платформы».

Стеснение разговаривать с испаноговорящими в абсолютном большинстве пассажирами с помощью эмоциональ-

ной пантомимы, плюс приставать, взывать и тыкать пальцем в карту метро, объясняя, что «надо вон туда» абсолютно искоренилось, когда поняли, что непозволительно теряем драгоценное время на самостоятельные поиски с освоением логики метрополитена методом «авось повезет». Это после того, как два раза промахнувшись при переходе на очередную нужную станцию, просто выходим наружу, хотя шли по стрелкам «точно-точно». Твою мать! Слава те, что, увидев наши квадратные глаза и услышав кучу изумленных объяснений и отечественных слов, направленных на идентификацию самих себя как парнокопытных из семейства вислоухих, служащая в форме на контроле промежуточной станции нас жалеет, и запускает обратно в недра через боковую дверцу без повторной оплаты.

Мексиканцы – они вообще нормальные.

Потом, через пару дней по мере освоения я начинаю шарить в структуре местного метрополитена и любить мексиканское метро, и собой гордиться, что освоила вполне, и радостно разрабатывать сложные маршруты, чтоб добраться хоть к черту на кулички в пределах столицы, площадь которой можно сравнить с небольшой областью.

«Оказывается, просто люблю знать «как». Овладевать. Подчинять трехмерное пространство! – радостно формулирую я себе и Люде новые понимания собственной природы. Мой товарищ, конечно, тоже здорово за нас рад: «Да, да! Вот что путешествие дает! А так бы и не знали». Но это немного по-

том. А пока, выбравшись из подземки и проехав еще минут десять на каком-то коллективном транспорте, типа автобус, мы добраемся, наконец, до этого разрекламированного Сочимилько, где нам, к общей радости водителя и пассажиров, предлагают выйти.

Кстати, в дороге мы веселили себя муссируя название райончика, и прикалывались над сходством с нашим Сочи, из-за чего название быстро врезалось в память и, автоматически настроило на встречу с прекрасным и душистым. Поэтому, выползая из транспорта, мы были готовы благоговейно вдохнуть аромат и сказочность места цветов и насладиться прекрасными видами.

Видов не было. Улицы, кварталы, блоки. Хм, прошли немного вперед, повертели головами, улица как улицы, дома как дома, колоритные, но ободранные.

Ни че не понимаем.

– Это Сочимилько? – хором спрашиваем друг у друга.

– Да, – подтверждаю я нам, – Это он.

Навигатор у меня нынче пашет.

– А где красоты древних инков?

– Ээээ... , а давай ближе к парку с каналами подойдем, что Саша указал. Наверно, райские кущи там.

Сразу в кущи мы не попадаем, потому что, немного пройдя по улице, набредаем на какую-то ярмарку местную! Ну, вы что! Как же можно мимо!

Она на площади, под натянутый гигантский шатер вся

не вошла и наружу вывалилась в виде цветных прилавков под самодельными крышами. Это как праздник. Под яркими лучами светила осеннего. Зависаем, прям против воли.

Всякую ерунду продают и не ерунду, но больше ерунду. Но затягивает колорит и запахи. И любопытство.

Первый раз ведь. Припарки, притирки, травы упакованные и развес, сувениры, трещетки, промтовары от трусов до курток, духи французские, шампуни, а уж мыла-то разного не сосчитать. Меды и вкусности, украшения индейские и современные, кольца, часы и целая куча специй в мешках и мешочках.

Ух, как хочется что-нибудь купить! Люда клюет на какой-то бледножелтый воск-бальзам для губ, понятно, чудодейственный, я покупаю расписной тульский пряник. Мексиканский.

Потом не можем уйти, потому что обомлеваем у рядов с фруктами и овощами. Мамадя!

– На Кубе такого в помине не было.

— В Канкуне тоже видели только в магазине и не все. А здесь...

– О, это же горы папайи, дынь, ананасов, личи, драконовых малиновых фруктов, – опознает красоту Люда, – А это, смотри, какие-то красные мохнатые. Не знаешь, что это такое? А вон зеленые гладенькие такие, с ребрышками в пупырышек и без, шишки кактуса! И все свежайшее.

– Авокадо! Любимый! Ой, отожрусь им тут! О, господи,

...нет!

— Что?

— Ты посмотри на цену яблок. Абзац... Дорогушие, твою же мать, как у нас арбузы зимой!

— Ничего, главное гуава и маракуйя в изобилии и недорого!

— Это точно! Ура. Гуава, говоришь?

Раньше я считала, что самое любимое мое, это маракуйя. И это правда, очень люблю, и когда прочла, что для нервных это лучший транквилизатор, то поняла, откуда у меня такая страсть. Но оказалось, что я никогда не пробовала гуавы. Не понятно, почему судьба не свела. Даже в Египте, где ее завалили было на шведском столе в отеле, никак не удосужилась попробовать новое. Не впечатляло, что ли.

Короче здесь, наконец осторожно вкусив эту штуку с розовым нутром и мелкими семечками, с запахом лучше даже, чем, ну, не знаю «чем», просто умопомрачительным, самым желанным для моего нутра запахом, через день не понимаю, как могла без нее жить всю предыдущую жизнь. Свершилось, блин!

Хочется на покупать дешевого всего, но вначале другие задачи и таскаться с грузом не хочется. Решаем, что на обратной дороге затаримся овощами на борщ, и фруктами на десерт. Потом, все потом. Сначала дело.

Честно начинаем пробираться к выходу, но по ходу еще пялимся на все необычное, назначение чего мы даже

и не представляем. Какая-то женщина-травница интригующе приглашает нас попробовать на палочке свое варено в виде серо-зеленой патоки, судя по пантомиме, вроде как это снадобье от всех болезней, пахнет терпко, вкус оказывается, как у варенья из сосны, только с горчинкой. Облизываем палочки, решив, что «будет, что будет», и причмокиваем в знак одобрения. Ах, как хорошо, божественно просто, только дорого и сладко.

Покупать не спешим, от греха подальше. Микродоза – это микродоза, а вдруг потом усы вырастут.

— Спасибо, но нам пора, не за этим сюда пришли, – усилием воли сваливаем мы, и «наостряем лыжи» к тому самому загадочному парку с каналами.

В воображении давно акварелью набросана и ждет нас картина тенистого парка, с речками, скамеечками и, конечно, кафешками, где мы, погуляв, будем сидеть и внимать в тени вековых деревьев красоту и кофе.

Идем, идем, а все улицы и улицы. Ищем-ищем это оформленное в виртуальной реальности место. Но, однако, какая-то незадача – его нет.

Кое-как, поспрашивав у людей, сидящих небольшими тузовками прямо на улице, находим проход, как улочку между небогатыми двухэтажными домами к пристани, откуда отправляют «пароходы». Товарищи еще, пока мы не успели отойти, сразу поясняют нам вслед, что сегодня там выходной и группы не набирают, только если индивидуально.

А нам, кажется, уже вообще здесь ничего не надо.

Пробираемся узеньким закоулком к точке отправки гондол, раз намечено к выполнению. Фиксируем на сетчатке глаза цветные причалы из досок с деревянными перилами, покачивающиеся вдаль раскрашенные во все цвета лодочки и рядки пузатеньких баркасов. На них никого нет. Народу действительно мало. И никакого намека на «посидеть и расслабиться» тоже нет.

– Ну, как так-то...

Завидя нас, вновь прибывших, к нам откуда-то выходит сияющая мексиканской улыбкой стройненькая женщина в брючках, интересуется чего хотим, и поясняет чего можем получить индивидуально, и за сколько. Мы мгновенно понимаем, что получать ничего не хотим. А за такие суммы каналы можем пройти вплавь на ручной тяге. Если бы вода в них внушала доверие, а по берегам не портили бы вид красно-бело-зеленые вкрапления бытового мусора в когда-то девственную природу.

Подумав, что раз сегодня выходной, то Саня может работает с индивидуалами, или уже вообще не работает, не стали про него спрашивать.

Между прочим, не так-то это легко – спрашивать.

Кстати, как потом оказалось, в некоторых странах, таких как Перу, Мексика, Гватемала человек ни за что не признается, что чего-то не знает. Это вопиюще неприлично, и будет плести небылицы и отправлять туриста, куда ему подсказы-

вает сердце, причем не потому, что он поиздеваться хочет или время твое сожрать, а вот принято так. И если это еще на испанском происходит, туши свет, кидай гранату.

В итоге время тратится коварно, а ты после двух-трех «попадаловых», учишься по глазам за шесть секунд определять, сочиняет отвечающий или нет. И самое главное, учишься решительно и одновременно доброжелательно сразу сваливать из разговора, не изображая воспитанного человека. Тот же опыт. Иначе мы бы проехали Боливию только к марту. Причем здесь Боливия? Не знаю.

Поскольку вовнутрь территории древнего места, похоже, без лодки не попасть, мы начинаем обходить ее по периметру, периодически пытаюсь протолкнуться поближе к воде, и лицезреть хоть немного из обещанных чудес. Не удается. Оно поворачивалось то одним, то другим грязным и неприветливым боком. Подобно бесноватому глухонемому, который, почувствовав в тебе что-то ему весьма ненравящееся, теперь корчит рожи и дразнится, потрясая вонючим старьем, демонстрируя, что доступ к контакту с ним закрыт от слова «совсем».

– Место не пускает? – озадаченно спрашивает Людмила

– Да. Не наше. Инки нас не любят. Или мы их.

— Ацтеки.

— Ой. Перепутала. Точно же.

— Поэтому и не любят.

— Елки-метелки...

Пришедшее понимание, а следом и нежелание искать контакт и прорываться в систему каналов, уводит нас внутрь района и заставляет шествовать по типичным ничем не примечательным улицам, периодически подкидывая отрезвляющие мысли: «А что мы тут делаем?».

Еще одним сюрпризом оказывается почти полное отсутствие в этом районе каких-либо съестных заведений.

А голод не тетка, и нам приходится пробежать километра два, прежде чем мы упираемся в какое-то заведение со столиками и официантами, и под крышей. Потому что мы мечтали в нормальном месте пообедать, не на улице. Уличной еды мы еще немного опасаемся. Впрочем, уличных забегаловок в этой части Сочимилько мы тоже, в общем, не увидели ни одной.

Честно, я даже напряглась и очень неприятно привыкала к непривычной ситуации, когда реально поняла, что Мехико не изобилует кафе. Вот хотите верьте, хотите нет. В центре и то не густо. Там, конечно, множество такосных забегаловок на вынос, но вот приличные кафе и рестораны встречаются только в прихорошившейся центральной части. И не во всей.

Зато в найденном кафе, где решаем принять по кофейку и десертку, потому что основных блюд здесь не производят, нам приносят, пока ожидаем заказ, целую менажницу закусок: чипсы, хлебцы, орешки. В общем, зачем нам обед? Этим отлично можно насытиться. Что мы и делаем, хрумкая за обе щеки.

– Оказывается, здесь традиция такая – обильные предзакуски давать! Я не знала, – мурлычет Пятачок, подцепляя следующую чипсу.

– Хорошая такая традиция. На этом на крайняк, можно жить, – прикидываю я, – Если что.

В общем, этой традиции плюс кофеек с незнакомым, но вкусным ягодным десертом, хватает, чтобы, погуляв еще часик в тени очень старых деревьев, по какому-то наконец встретившемуся на пути парку. Без травы, но с тренажерами. Потом, обойдя колхозный цветочный рынок с миллионами цветов всех цветов радуги, срезанных и в горшочках, с наваленными в отсеках черенками ягодных кустов и плодовых деревцев, добраться обратно до ярмарки, быстро затариться ингредиентами на борщ, который периодически уже навязчиво снится, включая косточку на бульон.

Однако во время закупа фруктов запас калорий окончательно иссякает, поэтому загрузившись от жадности тонной дешевого авокадо и гуавы, мы смело и целенаправленно шаркаем до открытой забегаловки, подающей такосы на воздухе, и которая вроде находится, по нашим подсчетам, недалеко от остановки автобуса.

– Почему-то устала, – удивляется Пятачок.

– Так всегда бывает, когда место не принимает, – хмуро соглашаюсь, немного недовольна ацтеками я, – В общем, стопор для энергии. Нам пора подкрепиться, Пятачок!

– Почти дошли. Заворачиваем.

Учуяв запах горячей еды, становится понятно, что если не поедим сейчас поплотнее, то назад, лично мне, в здравии будет не добраться. Да и окружающий ландшафт на голодный желудок уж совсем удручает.

Клеенчатый стол в голубую клетку, мухи, приправы и соус в бутылке. Небольшая витрина сбоку. Жаровня с мясом. Мы тут собрались трапезничать не одни. Еще семья какая-то уместилась с маленьким ребенком и коляской.

Мы в таком месте, без рекомендаций еще не ели, но читали много. Всякого. Но трупы вроде здесь не валяются. Руки есть где помыть с мылом, и туалет есть с ведром. Прицеливаемся, что сделаем это сейчас, в смысле поедим здесь. Надо начинать. Запах жареного мяска с овощами нейтрализует остатки дурацких предубеждений, вынося их вместе с осторожностью.

Люда выдвигает веский поддерживающий аргумент, показывая подбородком под стол:

– Вон собака ест остатки. Значит нормально.

Мне ее аргумент кажется очень убедительным. И мы говорим: «Нам два больших».

После вполне вкусного и обильного чревоугодия мы никак не можем найти остановку автобуса, который идет назад.

«Ну, начинается, – почему-то думается мне, – сейчас замучит».

Кто замучит, что замучит. Позвоночником знаю, что остановку мы не найдем. Но я еще пытаюсь избежать расходов

на такси, потому что я экономная. Спрашиваем, уточняем. Перебегаем с улицы на улицу, куда пошлют, со одной стороны дороги на другую сторону.

Вроде ждем на остановке, где сказано, а транспорта нет, оказывается это не здесь, а вон там за углом. И сейчас он не ходит.

Солнце и всеобъемлющий шум начинают давить на голову, заражая ее бестолковостью.

Господи, как же они орут-то, эти мексиканцы, и беспрерывно бибикают, прессуя эти звуки в один бесконечный пульсирующий гул. Я устала от звуков. Мне хочется соскрести это давление, сунуть куда-нибудь глаза в прохладу и тишину. Но стены облезлых зданий шлепают по лицу и наваливаются на спину, дуруют и поглощают, и хочется быстрее оказаться дома, спрятаться и немного отдохнуть от внешней нагрузки, которая вдруг стала раздражающей и зудящей. Прямо сейчас. Сегодня экономия не экономна.

Скоренько ищем и, кстати, довольно удачно всего с третьей попытки находим дешевое такси, придирчиво выясняя у шоферов, «по чем будет?» Скорее отсюда, скорее – в знакомое пространство. Хватило для первого раза.

Вот с этой поездки узнаем, что свой навигатор при дальних поездках в столицах Латинской Америки сурово необходим. Потому что наш добродушный пожилой шофер азиат знает, на юго-восток ехать, а чего там и как лучше, нет.

Уж, не говоря о подъезде к нашему дому.

Наблюдать по навигатору, как едет и куда, конечно, интересно, но в окно смотреть еще интереснее. Телефон в руке надоедает держать. Поэтому иногда водитель дергает меня как штурмана, и велит свериться с маршрутом. Да, пожалуйста! Полет протекает нормально. Сколько интересно-го на улицах за окном! Пытаюсь по названиям и координатам чуток запомнить, чтоб потом вернуться и рассмотреть воочию. Из окна так все вкусно и величественно. Через весь город ведь пилим. Экскурсия!

Доезжаем прям замечательно. Не промахиваемся. Эх, вот так бы всегда. Восемьсот рублей на наши деньги – это нормально для спасения рассудка при такой дальности.

Наши окна в холле выходят на юго-восток. Поэтому просто ужас, что здесь начинается с десяти часов.

Солнце захлестывает окна, оно еще не так высоко, поэтому втекает ровно в сетчатку глаз, пытаюсь ее отслоить. Спиной сесть неудобно, потому что диван низкий и сидеть неудобно за компом.

А работать надо. Людмила у нас свои курсы онлайн все ведет, хотя уже, кажется, начинает мечтать о времени, когда они закончатся, а это только в декабре. Я на ведение блога подписалась. Тоже ...заботушка оказалась.

Короче, когда подписывалась и народ зазывала, никак не могла предположить, что это столько сил отнимает и времени. Я думала, что это, типа, «захочу попишу, захочу не буду – слово мое царское, хочу даю, хочу назад забираю». А ничего подобного. И когда я три дня закосила при переездах в Мехико и знакомстве с местными призраками, мне начали потихоньку вставлять и администратор наш опытный, и не ожидавший такого вероломного непонимания текущего момента, и сами читатели. И чего-то я как-то приуныла и начала в животе и скулах свое привычное сопротивление к любым обязанностям недвусмысленно ощущать. Не свобода, понимаешь ли.

Все-таки большое счастье, что Пятачок обладает уравновешенным характером и дальновидностью, и опытом в ведении блога.

Когда я вскинулась: «А почему, собственно! Кому я должен всем прощаю! И просто не х о ч у».

Люсек спокойно посмотрела в глаза и сказала: «А придется». Так, с пониманием бывалого. Я даже осела немного в предчувствии неизбежного.

– Ты же хотела освещать? Хотела.

– Тык... я хотела, когда хочу.., – попыталась защитить свои свободы я.

– А надо каждый день.

– Да не успеть все, нереально, – сдвигая брови, чувствую, что попала, – Я раньше не дооценивала затрат.

– Втянешься.

И тут я чего-то неожиданно вспомнила, как это же слово сказал педиатр, дядька, который пришел на дом к новорожденному нашему ребенку сам, как тогда было принято.

И вот он, видимо, увидев расширенные наши с папой глаза, обеспокоенные и выражающие неприкрытый ужас перед новыми, наполненными беззаветной отдачей условиями существования, абсолютно перечеркнувшими прежнюю эгоистичную жизнь, спокойно объяснил: «Ничего. Это сейчас кажется много и трудно, а потом втянетесь, привыкнете, и все встанет на свои места. Втянетесь».

Я потом его несколько раз вспоминала. Сначала, когда дочке четыре месяца было. Думаю, вот втянулись или нет? Наверно еще нет. Потом в год, но тоже не понятно было. Потом, когда в школу пошла. Думаю, интересно, как процесс втяжки идет? Конец виден? Но точно идентифицировать не смогла. И лишь к концу института опять озаботилась на счет втяжки. Может уже все, а я не заметила?

Короче, ждала, ждала, когда осознается, пока не дождалась. Может, так и не втянулась?

– Твою мать! – сердито констатирую я, отогнав воспоминания, уже понимая, что новая работа ждет меня в путеше-

ствии.

И бурчу, смиряясь: – Ладно. Попробую. Может быть, это даст необходимую дисциплину.

– Еще как даст, – обнадеживает добрый Пятачок.

Вот поэтому мы и сидим с утра с Людой за столом лицом к окну, пытаемся работать, а платиновое солнце нещадно давит на глаза и не дает сосредоточиться. И надо что-то делать. И тут мы замечаем у дверей подставку для зонтов, это тоже модно в Мексике, и самое главное, в нее воткнуты два прекрасных огромных серо-жемчужных стильных зонтика с деревянными изогнутыми ручками, типа, трость. Кстати, потом оказалось, что это приспособления для фотостудии Джеффа, и еще там всякие экраны есть, отражатели.

О! Эврика! И радостно схватив принятые вначале за противодождевые атрибуты, мы с треском быстро раскрываем их и переделываем в противосолнечные, загородившись как щитом от белого сияния. Ах, как уютно под ними, сквозь туго натянутую ткань проскальзывают крошечные блики, и мы вытягиваемся в работу. Понятно, что мои писания занимают меньше времени, чем Людины уроки. У нее и подготовка, и проведение.

Плохо, что с утра она часто занята и не может идти на захват города. Привыкаю ходить одна, собственно, я люблю ходить одна. Свои плюсы, свои минусы. Хотя в незнакомом городе, именно в мега полисе, и по началу путешествия, вдво-

ем, чего уж там, гораздо веселее. Ум хорошо, а полтора лучше.

На другой день, с обеда, мы идем вместе и элегантно, как бывалые, уже опознавая что-то в метро, добираемся до центра. Центр – это площадь Сокало. Такое самое историческое место этого гигантского города, который раньше назывался Теночтитлан. И сваяли его ацтеки, прямо на острове посреди вулканического озера Тескоко, там, где знак был от верхнего божества построить. Орел на кактус сел, там и пришпилился.

Кстати, не такой уж он и древний этот город, в начале четырнадцатого века заложили всего лишь. Красоту навели, каналы прорыли, дамбы установили, воду по акведукам в сортиры подавали, экосистему поддерживали в балансе, прям на уровне современной инженерной мысли. Демографический взрыв устроили в отдельно взятом цивилизованном государстве. Но недолго музыка играла, недолго фраер танцевал.

Как бы там ни было, а в начале шестнадцатого века европейцы про Америку пронюхали окончательно и, конечно, сказали: «Нада». «Точно не знаем зачем, но, нам очень надо. Мы не жадные, ну что вы! Какое золото? Честное слово, просто очень хотим нести доброе и вечное этим недоразвитым язычникам, неграмотным индейцам».

– Мы приведем их к правильному пониманию жизни и выведем из заблудшего и темного состояния, – понимая благородство и нелегкость предстоящей задачи, нахмурившись и вдохновенно посмотрев в светлую даль, изрек испанский товарищ Э. Кортес, – Даже ценой собственных жизней.

Привели, конечно. Правда назначения и принципа действия сооружений для сепарирования пресной воды притоков для подачи абонентам питьевой водопроводной сети от солоноватой воды озера и дамбового каркаса для защиты города от наводнений они не поняли, подивились только, зачем тут наворочено столько ерунды, и на всякий случай снесли, чтобы не отвлекали от благородной миссии просвещения. Заодно, чтоб и от жажды сдохли. А кому легко? Просвещение с объяснением, кто тут главный, тянулось с переменным успехом несколько лет, пока слишком умные и обожающие свободу ацтеки не поняли, что «революция, о которой так много говорили вооруженные конкистадоры, свершилась».

Город назвали Мехико. С проблемами наводнений справились только к 1960 году. О том, что здесь было озеро, помнят только по легендам и неустойчивым почвам озерного дна, которые иногда начинают оседать, превращая подвернувшиеся строения в пизанские башни.

Но надо сказать, кое-что от истории Теночтитлана, сохранилось в центре Мехико. Просто на удивление. Например, раскопали нижнюю часть Темпло Майора. То есть большо-

го храма, где жертвоприношения делали и богам молились. Впечатляет по масштабу, даже за заборчиком. Спасибо товарищу Эрнану Кортесу за то, что снес только верхнюю.

А колониальные постройки, дворцы, дома, почти все красные и здесь в изобилии. Сколько читала, а вижу своими глазами в первый раз.

Гуляем по площади Эль Сокало, ныне это площадь Конституции. И правда, громадина, но Красной поменьше.

Штырит от того, что именно здесь и был центр древней столицы ацтеков. Этих красных, отделанных, как оказалось, туфом, на мой взгляд, мрачных зданий тогда не было. А что было, как?..

– Смотри! Очередь в бесплатный музей Национальный дворец. Может сходим? – переглядываемся мы при обнаружении, и синхронно чувствуем, что не тянет, – Стоять неохота, ну его. Лучше походим. Столько всего тут...

Меня завораживает медленное переливание в непредсказуемых потоках воздуха гигантского национального красно-бело-зеленого флага Мексики, укрепленного на флагштоке прямо посреди площади. Зрелище еще то, невесомое полотно то наполняется ветром, трансформируется, взлетает, зависает, накрывая полнеба, и начинает неторопливое обратное движение по скользящей одному ему ведомой траектории.

– До чего же это диалог внутренний тормозит, прям новое средство для созерцания, – восхищаюсь я и загораюсь иде-

ей коллекционировать на видео колыхания флагов разных стран. Я на Кубе успела какой-то, правда поменьше, заснять. Решено. Ловлю момент, запечатлеваю величественное.

Нет, не очень... величественно.

Как всегда, самого лучшего порыва ветра дожждаться не могу. Хочется заснять, как герб в середине флага, изображающий орла со змеей в когтях, который как раз и являлся тем самым знаком для строительства Теночтитлана, если этого орла увидят на кактусе, разворачивается в полную картинку.

Не получается. Ладно, не в фильм и вставлять. Хотя собственно, для чего я это снимаю тогда? И делаю еще одну попытку и, ура, флаг как живой организм слушается меня и немного подрожав, принимает в себя волну ветра, развернувшись полной грудью.

– Бесподобно, – беззвучно как флаг шлепаю губами удовлетворенная я.

Пока я мучаюсь со съемками, мой Пятачок уже зацепил какую-то туристку, чернявую девушку в модных очках с темной оправой. Оказалось, это девушка заловила Люду, услышав русскую речь. «Ах, как люблю русский язык и Россию».

Она переходит на неуверенный, но все-таки русский и говорит, что обучалась русскому и литературе девятнадцатого века в университете в Америке. Мы ее уважаем за это. И за язык, и за Америку. Дстойненько.

Это потом на протяжении путешествия мы узнаем, что главным хвостовством, которым никогда не забудут козырнуть мексиканцы и жители Центральной Америки, является пусть косвенная, но принадлежность к США. Или они там учились, или работали немного, или там родственники, этакий почти не скрываемый дифирамб Штатам. Преклоняются. Все понимаю, но не скажу, что мне это нравится. Этот критерий собственной ценности. Мексика, по-моему, самодостаточна и прекрасна.

Нам еще нравится изображать из себя туристов, нравится собственная востребованность и ожидание судьбоносных знакомств, и мы широко, твою мать! именно по-американски, улыбаемся.

Люда берет у новой знакомой интервью для своих студентов. Фотографируется со всеми пятью, стоящими неподалеку, милыми друзьями этой девушки, такие все довольные, радостные. И Люда счастлива, что так все удачно движется в ее работе. Ах, как мы нужны, как все интересно.

Я не очень верю в при бескорыстные подгрребания посторонних людей, и, глядя на общение Людмилы с активной незнакомкой, все жду, когда вылезет настоящая суть такого теплого общения.

Ждать оказывается недолго, через какое-то время девушка объясняет, что она принадлежит к баптистской церкви и она будет рада, если и мы дружными рядами придем к ее богу, по адресу такому-то. Она скоро уезжает, поэтому

не стоит затягивать. Люду тоже немного коробит такой переход, но она не хочет расставаться с красивой обложкой для студентов, которую она нарисовала уже для себя и для блога, поэтому пытается интеллигентно, но быстро закончить разговор, не дав поломать придуманный образ. Это удастся не сразу, но в конце концов мы отделяемся от новых друзей. Сохранив приличные лица.

И продолжаем обследование исторического центра.

А именно, смотрим на старинные фасады. Читаем вывески, насколько позволяет грамотность, и покупаем какую-то мелочевку чуть дальше от площади, у продавцов, бесконечных разложенных на дороге и низеньких прилавках торговых развалов. Я, например, без труда нахожу давно искомые, прозрачные мягкие кофры на розовых молниях, которые, будут занимать гораздо меньше места в чемодане, если переложить туда хозяйственную мелочь в виде мыл, фонариков, зажигалок, переходников и прочего нужного из громоздких пластиковых боксов, которые я, считая отличным решением, приобрела дома, и которые уже частично даже треснули от передавливания. Местные цены радуют, какие-то сто рублей за оба несессора! Я люблю Мексику.

Темнеет, пора забираться домой. Скачем в метро.

– У нас две пересадки до Такубайи, – важно сообщаю я, – Уже что-то петрим!

– Вот все-таки интересно, – Люда вглядывается в назва-

ние станции на остановке, – А для чего на каждой остановке рядом с названием еще криптограмма какая-то нарисована, рисунок такой абстрактный.

– Ща. Гугл в помощь, сама приглядываюсь...

О, оказывается всеми этими «цветочками», «тараканчиками», «кузнечиками», «параходиками», «фонтанчиками» названия станций оснащаются для неграмотных!

– Да здравствует интернет, спросил – получил, и ликвидировал собственную, – радуюсь я скорости набора знаний, – Но вообще, я удивлена! Ни хрена себе, уровень неграмотности в стране, если в метро на такие ухищрения идут.

– Тем не менее – факт, – почему-то не так буйно осуждает сей факт Пятачок, – Главное, что о них заботятся.

– В общем, да, – быстренько смиряюсь с мексиканской неграмотностью я, и мы с Людой начинаем извращаться, придумывая как можно построить наш путь домой, если сесть на «шарике с волнами», то потом на красно-синих «ступеньках с обрезанной колонной» надо перейти на розовую линию, пересесть на поезд до Обсерватории, и, проехав «бабочку» и «саранчу», выйти на «бомбочке с орнаментом». Приколно так. Смеемся, как малолетки.

Из ПЗ. Здесь ходить нельзя

Доехали до своей остановки метро сегодня грамотно и не промахнулись нигде. И будучи уже умными, делаем

по прибытию последний тоже грамотный длиннющий переход с розовой Такубайи на коричневую Такубайю и уже с нее поднимаемся наверх. Отсюда знаем, как идти. Молодцы, девчонки. Гордимся.

Когда вышли и оглянулись в темноте, то как-то поняли, что загордились рановато, так как куда дальше идти понимаем не особо. То есть совсем не понимаем. Потому что в темноте все по-другому!

И сомнения... Хреново, с одного раза запомнить не удалось.

Перешли на другую сторону запруженного мелкими торговцами тротуара. Головами поворачивали в надежде что-то опознать. Какие-то машины снуют и пытаются переехать. Люди непонятные спешат, по норам наверно тоже. Навигатор показывает, что «туда», а ум никак не соглашается, потому что там шлагбаум и перекопано.

– И чего тут так рано темнеет не по делу?

Вечерний Мехико радостно приветствует нас. Че-то предполагаем, что лучше спросить. Быстрее будет.

И мексиканский товарищ, который после улыбчивого обращения к нему около метро: «Как пройти в библиотеку?», и поняв, что мы намерены идти пешком, аж полтора километра по темных улицам, просто не отпускает одних, настоятельно заявив, что доведет до дома. Говорит, ночью очень криминально все. И в трёх кварталах от нас «The Place of loss» – то есть «убей» – городок или «Было ваше – стало

наше». И границы этого пятачка вовсе не закрыты для выхода криминальных алиментов. О, боже, и это практически центр.

Наш добровольный провожатый, которого зовут, а Людочка уже успела познакомиться, Даниель, настаивает на проходах до самого подъезда. Вид у него вроде приличного человека, лицо открытое.

Я, конечно, не очень горю желанием тащиться в сопровождении незнакомого мужика, тем более, что опасности от ночного вояжа я не чую, нам бы только азимут.

Провожающий мужик мексиканский так-то сам может большую проблему привнести. И, ко всему прочему, я абсолютно уверена, что в последствии мы все равно будем здесь ходить ночью. И одна я буду ходить. Чего зря утруждать человека. Впрочем, чем-то товарищ Даниэль нас располагает, и глядя на умоляющие интервьюерские Людины глаза, я его не прогоняю, и думаю, пусть идет. Если чего, справимся вдвоем с одним, нападём и сами ограбим. В случае экстренной необходимости.

И в правду, все спокойно, Люда трещит с ним обо всем, мужик с английским, слава тебе. Все-таки он еще раза три предупреждает, что надо предохраняться, не ходить поздно, прятать вещи и прочая. В принципе, все правильно, бережного бог бережет. Но хоть тресни, несмотря на свою природную восприимчивость к «пугалкам», я не боюсь. Зато отлич-

но запоминаю дорогу – больше путать не будем. Если только с розовой ветки сдуру не выскочим. Ночью. С третьего выхода. А так не, больше не будем плутать.

До дома, в общем, недалеко, минут пятнадцать максимум. С Даниеэлем тепло-тепло прощаемся у нашего дома, его поступок реально бескорыстный, спокойный светлый взгляд действительно интеллигентного, образованного и порядочного, что еще приписать, человека отсвечивает в прожекторах волейбольной площадки, что напротив нашего дома. Обнимашки, пожелашки, благодашки, прощашки. Спасибо. И вам счастливо.

Это как в анекдоте про изнасилованную монашку: «Завтра снова пойду».

Глава 5 С САНЕЙ ПО НАСТОЯЩЕЙ ЖИЗНИ

Саня заявляется с утра и спрашивает, чего делали вчера. Удивляется, что позавчера не нашли его в Сочимилько, он там был и работал, и нас поглядывал. Удивительно, как не совпало. «Действительно», – соглашаемся мы.

Спрашивает, чего хотели бы посмотреть сегодня. Вопрос риторический, потому что хотим всё, и желательно без хлеба. А что это такое «всё» понятия не имеем. Ждем сюрпризов, готовы на все.

Тогда Саня немного подумал, и изрек, что история историей, музеи музеями, и сами посмотрим потом, а вот настоящий Мехико никто нам не покажет. Что такое «настоящая» жизнь в устах Сани мы уже примерно понимали. И ...если мы хотим, то... вперед!

Мы хотели.

Доехали до настоящей жизни на метро, причем переместившись ближе к центру, к Сокало, значит к центру. Ни че си, а я думала, что будем шариться и дышать воздухом окраин.

Александр вдохновенно объясняет, что Мехико – это город контрастов, и когда-то прослойки кварталов бедных трущобных районов, появившись по периметру центра, закре-

пились, и их обитатели больше не отдали своих прав на территорию, а сунуться туда теперь уже никто не смеет, просто опасно, это как государство в государстве со своими понятиями.

И город сравним с зеброй, где криминальный район соседствует с фешенебельным, а затем опять перетекает непонятно во что, куда не надо ходить без спецзнаний или пистолета. Зайти можно случайно. Днем в принципе более безопасно, а вот вечером ни-ни, упаси бог.

Из советов по безопасности посещения Мехико:

«Не ходите по центру без знания районов и колоний города Мехико. В центре Мехико есть такие колонии, как Тепито (наркоторговля), Герреро, Перавийя, где вы можете растаться не только с вашим тугим кошельком, но и жизнью (особенно опасно Тепито – 99% риск) »...

Путь по периметру «настоящей жизни» протекал исключительно по базарным рядам мелких торговцев, с соответствующими товару ароматами и беспрестанным шумом. Продают все: от побрякушек, пряностей и сладостей до детенышей всяческих животных, включая козочек, щенят и мышек. Там, где продают козлят и прочие живые организмы, запах стоит... необыкновенный по силе, особенно, если учесть, что ветерок в торговые сплошные ряды практически не залетает, то концентрация его по мере протекания рабочего дня усиливается. На прелестных детенышей смотреть уже не хочется, а хочется быстрее выскочить на поверхность

за глотком кислорода.

Весь маршрут, как, собственно, и вся жизнь в Мексике, обильно приправлен шумом, он равномерным гулом висит в воздухе, и каждые две секунды перемежается вкраплениями визгливых человеческих выкриков, гудками автомобилей, ультразвуками свистулек, завываниями игрушек-пугалок, имитирующих рев леопарда, охраняющего законную добычу, и обрывками мелодий мексиканских песен, которые проигрывают все и на всем.

Народ готовится к Празднику мертвых, он в начале ноября, но подготовка, похоже, ранняя и радуется всех больше, чем праздник.

Вообще использование подобной атрибутики у них налажено на широкую ногу: во всех лавках развешаны зацепленные ключицами друг за друга скелеты и скелетики, гроздьями свисают, игриво подмигивая ошарашенным туристам, черепа всех цветов радуги и разрезов глаз, маски жуткой наружности и прочая дребедень.

– «У нас уже бы пять раз открестились и сплюнули, через левое плечо. На всякий случай. А тут пачками все висит и ухмыляется.

– Прямо никакого суеверия. Как так и надо, – еще не привыкли, православные мы.

В Мексике вообще отношение к смерти своеобразное. Чтобы вспомнить всякие хорошие моменты, в День мертвых

в домах выставляют эти развеселые скелеты, которые, типа, символизируют умерших. Вроде как на пару часиков заглянувших к близким, на огонек, чтобы вместе попраздновать.

Нормально, а че? Грустить не принято. С чего? Вообще, сначала жутко, а потом привыкаешь. И чем больше наблюдаешь, тем больше чувствуешь, что в привычно привитом нам, русским, отношении намечаются изменения, и мне даже нравится примерить другой подход в отношении к смерти. Не так патетично, с юмором. Достоинно. Без трагедии.

Может поэтому не так страшно становится не соблюдать приметы, и не так важно, что будет. И когда. Просто приходит какое-то тонкое прозрение, что от соблюдения ритуалов этот момент, оказывается, не зависит.

День близится к полудню, и Саня бежит впереди, оглядывается периодически, успеваем ли. Я еще усилием воли держусь на его пятках, а маленький Пятачок в розовом спортивном костюме уже выбивается из сил. В конце концов объясняем, что темп надо сбавлять, если он хочет, чтобы мы слышали его экскурсионную программу.

После некоторых попыток Сашуле удается смирить свои застоявшиеся подпорки, и наконец узнаем, что в данный момент дефилируем по району Мерсед, который издревле славится как место стоянки женщин легкого поведения.

Сашка потихоньку указывает на некоторых интересно накрашенных девушек и говорит, что это вот они, дневно-ночные красотки. Через пару минут мы и сами начинаем их раз-

личать по более яркой одежде и томному взгляду.

Ой, как интересно, они еще выделяются большей стройностью, профессия требует, впрочем, и здесь параметры сто двадцать-сто-сто двадцать препятствием, как мы видим, к освоению профессиональных высот не является, нормально это для этой страны. Мексика вообще страна толстых и упругих женщин. Полных и очень полных, абсолютно некомплексующих, приравненных к большой ценности, женщин.

По началу мне глаза раскрыл Пятачок. После первых выходов в свет оглядевшись и понаблюдав, она с изумлением констатировала: «Вот ты смотри! Идет маленькая квадратная страшенькая девушка, по бокам два ухоженных красавца, и ведь наперебой пытаются угодить, заглянуть в глаза, да еще и развеселить, оказавшую такое внимание им, даму».

Пригляделась, точно. Как же мужики вьются вокруг представительниц прекрасного и «не очень»! Юноши вообще глаз не сводят, чуть не кланяются. Рост, вес и возраст значения не имеют.

Не знаю, как там дальше, в тесных отношениях, они себя ведут, в семейных или наедине, возможно, все как у всех, и измены, и скандалы, но по первоначальному вассальное отношение бросается в глаза, потому как мы к этому совсем непривычные.

Сначала смотрим недоверчиво, немного завидуем, посмеиваемся над их любовью к мучному и шугаемся, когда муж-

ская помощь приходит ниоткуда. И никто голоса не повышает в раздражении, и в автобусе место уступают. Впрочем, привыкается быстро. К хорошему всегда быстро привыкается.

Идем дальше, улица – это один сплошной базар и в прямом и в переносном смысле этого слова, с засильем товаров и слов. Улицы ничем не отличаются друг от друга, перетекают одна в другую, по обеим сторонам тротуаров ассимилировались бесконечные прилавки, загруженные тоннами кроссовок, футболками всех цветов, шортами, лотки, усыпанные носками и трусами, с привязанными цепочками или приклеенными скотчем к уличным столбам женскими полуманекенами «от талии и ниже», с натянутыми на круглые попки цветными леггинсами, или просто разложенные на земле на полиэтиленовых мешках спортивные товары, в виде каких-нибудь стеганных пуховых жилеток или шапочек с шарфиками.

Очень нравятся попки манекенов, но подходящих субъектов для их носки мы просто не видим, хотя вон идет одна стройная, но ...оказалась китайкой-туристкой.

Спрашиваем Фримена, почему такие толстые дамы здесь? Причем поголовно.

Тот ржет и отвечает, что это действие мексиканского витамина Три Т: такос, торталес и томалес.

Мы с Людой, поцокав языками, немного пообсасывав

непривычную расстановку, делаем вывод, что поскольку у местных дам нет конкуренции между собой, так как мужчин в достатке, то отсутствует необходимость слишком стараться быть привлекательными для мужчин, потому что и так востребованы и обласканы, и королевны, так чего зря себя удовольствия от еды лишать. И когда все толстые, то ... может быть, это и норма?

Санька по ходу рассказывает, что к мексиканкам так просто «на переспать» не подъедешь, надо обхаживать долго, общаться. А общаться не интересно, потому что грубоваты они, и в общем «ни о чем».

Интересно, что в последствии Джефф на наших вечерних посиделках за чайком повторял примерно то же самое. Будучи образованным и начитанным мальчиком, с хорошим воспитанием и языками наш все ищет в девушках глубину, эрудицию, нетривиальность и самобытность. И не находит. В мексиканских девушках это, говорит, редкость, слишком прагматичны и «не тонкие». Не тонкие это и в переносном смысле тоже.

Поэтому хотел бы с русской познакомиться или со славянской, потому что читал и знает, и уверен, что они ... и так далее и тому подобное. Вроде и песня одна и та же про русских женщин, но, ведь именно одна и та же.

Мы с Людой вполне эти взгляды разделяем. Наши лучшие. – Может, брачное агентство организовать, заняться поставкой русских дам, вымуштрованных когда-то акту-

альным, послевоенным гендерным дисбалансом, приоритеты которого, к сожалению, уже генетически засели в русских мужских головах, в Латинскую Америку? – воодушевленно хватаю за хвост идею выгодного бизнеса я.

– Ага. Навстречу собственному счастью. Много таких было. Агентств. Но почему бы и нет, – не обрубает крылья шутке с лету Людочка, – Главное с душой.

– Ну да! Правильно, – не сдаюсь я, правда тут же призадумываюсь, – Хотя, например, Джефффу, после его замечательной фразы «придут мамки и тетки, и все приберут», емейл дочери я бы давать не стала. Тоже знаете, все должно быть в разумных пределах.

– Вот-вот, критерии подхода надо четко определить.

А меж тем, как говорится, наш вояж продолжается. И, как оказалось, Александру не терпелось завести нас в ...Тепито!

В сам этот притчевоязыщевский райончик, из которого, по его словам, и живыми-то не все выходят.

Конечно, в самое географическое начало колонии, и ясным днем, но и это, по его словам, «ого-го», событие мирового масштаба.

Поскольку Санина защита, возможно, даже против его желания в данной ситуации, вот реально, чувствовалась как броня, то на нас изначально эти страшилки не произвели должного впечатления.

Поэтому на вопрос: «Пойдете?».

Мы ответили просто: «Пошли».

Что не совсем понравилось Саше.

Поэтому на подходе к вожделенному месту он уже красочно расписывал нам, как в начале своего пребывания в столице зашел по незнанию в этот район, где ему была назначена одним шутником несостоявшаяся в конце концов деловая встреча, и прождал там до темноты, а потом выбирался оттуда, и это было крайне паршиво, на волоске для его жизни, потому что ночные наркодельцы шутить не любят.

Как бы ни было, но на меня, как человека крайне впечатлительного, «пугалки» к Саниному удовлетворению начали потихоньку воздействовать, не то что бы очень, но я стала прислушиваться к нашему пионервожатому. Смотрю, Пятачок тоже ухом водит, хотя она – как раз не робкого десятка.

А Саня приступает к точным инструкциям:

– Если подойдут, говорить буду я. Скажу, что вы русская мафия и интересуетесь культом Santa Muerte – Святая Смерть, чтобы рассказать об этом в России. Ваше дело изображать солидность и кивать иногда головой.

Короче, главное для матерей русской мафии «надувать щеки и делать умный вид». Ладно, слышали, надуем, чего там.

Немного странно, что границы района оцеплены полицейскими. Машины не пропускают по залитой солнцем улице, а прохожих, после беглого взгляда, пожалуйста.

— Это чего? Всегда так? Или мероприятие какое? – ин-

тересуюсь я у гида Сани.

– А фиг его знает, – отвечает он, – раньше такого не было. Может и правда, праздник какой или митинг.

Просочившись через кордон, начинаем углубляться в колонию.

Зашли.

И вот ведь, удивительное дело, по мере продвижения в глубь стихает гул мегаполиса и безмерной благодатью втекает тишина. Прямо как отрезано после той границы, где оцепление полицейскими на дороге.

Уши начинают разворачиваться из трубочек. Спокой на районе!

Самое опасное место начинает стремительно нравиться.

На входе встречает полуразвалившийся кирпичный дом с покрашенным в темно-коричневый цвет вторым верхним этажом и полуразвалившимся, когда-то синим, сгнившим прилавком перед заколоченным входом. Дальше какие-то задернутые рольставнями гаражи или, возможно, маленькие магазины. Немного проходим дальше, а вот и сами кварталы.

Вглядываемся вдаль прямых почти пустынных улиц. Поперек них, как на Первое мая, густо в вышине развешаны, куда видит глаз, сотни гирлянд из разноцветных тряпичных треугольных флажков, ветерок перекачивает легкий мусор. Никого, за редким исключением, нет в обозреваемом пространстве. По бокам стоят припаркованные автомобили.

Кварталы будто спят. Будто вчера был всенародный

праздник. А сейчас там спящее царство.

Тогда мы удачно зашли.

Следуя Саниным инструкциям, не привлекая внимания и придерживая на лице благожелательную улыбку, добираемся до импровизированной, будто самодельной, часовни-павильона, сотворенной из полупрозрачных плексиглазовых листов с металлической дверью из профлиста. Дверь настежь распахнута.

Значит, приглашает во внутрь. Еще на подходе к сооружению выставлены целые шеренги безумно красивых свежайших живых цветов в вазах и подставках. Ближе к церквушке эти цветы уже сплетены в погребальные венки, тоже дивной композиционной красоты и благоухания. Смотрится почему-то жутко.

Спрашиваем Сашу, можно ли фотографировать, говорит, да, но аккуратно, с уважением типа.

Подбираемся к церквушке этой, куда ведет всего одна большая ступенька, облицованная белой, как и весь остальной пол в помещении, крупной, немного обколотой от частого запинания ступеньке, плиткой.

Чистенько.

Заглядываем с любопытством, но без какого-то восторга. Осторожно просачиваемся внутрь небольшого помещения.

Пока никого нет.

Алтарь с Санта Муертой, который мы уже издалека заприметили, стоит прямо напротив входа и обнесен стеклом, как

витриной. За ним она и стоит. Собственно, Санта Муэрта это скелет женщины с черепом вместо лица, одетый в желтые длинные одеяния, как балахон, и сверху украшенный париком с длинными черными распущенными космами и короной.

Вокруг на задней и боковой стенке много всего блестящего, изображающего драгоценности.

А внизу у ног божества расставлена целая куча статуэток этих самых, безносых с косами в руках, на все лады напоминающих о самом главном. Горят свечи и зажженные сигареты, таким вот образом здесь отдается святая дань.

Сверху витрины прилажен большущий портрет в раме, изображающий очень милостивую женщину, обнимающую, как ребенка, прижатый к сердцу скелет.

И цветы, восхитительной свежести цветы у подножия и по бокам. В них все утопает.

Собственно, культ Санта Муэрте, существует уже больше трехсот лет и распространен по всей Мексике. Но не активно. Набирает обороты только в последнее время.

Что вычитали в умных сетях:

«Первые упоминания о культе относятся ещё к XVII столетию. Он возник в результате сплава католичества с остатками местной ацтекской религии, в которой поклонялись Венере (планете) как могущественному божеству смерти. Как считается, она охраняет от мучительной или

преждевременной кончины и особо почитаема среди представителей мексиканских наркокартелей».

Саша говорит, что это «работает» и для представителей остальных опасных профессий, связанных с ночью.

Судя по Тепито, где вроде как оказалось, что мессы проводят каждый месяц по полной программе, помимо полицейских и таксистов, поклоняются ей те, кому стандартные привычные боги уже не помогли, или как их называют, разнообразные асоциальные личности.

«Муерта очень справедлива и одинаковой мерой всех оделяет равноправно: богатых и нищих, тех кто прозябает и тех, кто стоит на вершине власти, больных и здоровых, умных и глупых».

Ну, понятно. Справедливо, как при коммунизме, и равноправно. Да, эти мечтания у всех у нас внутри неискоренимы.

«Дядя, милый дядя, увидим жизнь светлую, прекрасную, изящную, мы обрадуемся и на теперешние наши несчастья оглянемся с умилением, с улыбкой – и отдохнем.

Мы услышим ангелов, мы увидим все небо в алмазах, мы увидим, как все зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир, и наша жизнь станет тихой, нежной, сладкою, как ласка.

Я верую, верую... (Вытирает ему платком слезы). Бедный, бедный дядя Ваня, ты плачешь... (Сквозь

слезы)».

Чехов А. П. Дядя Ваня

– Знаете, – мне вдруг хочется высказаться, – Если честно, то с самой сутью культа, которую я бы охарактеризовала, как «memento mori»..., то есть «помни о смерти», я согласна. Просто не люблю излишне показного поклонения. Знание приходит тихо. И добавляю: – Иначе, как показывает жизнь, будет не небо в алмазах, а очередной передел власти и материальных благ. Да?

Никто не отвечает. Взгляд цепляется за надпись LIMOSNA на белом ящике с дыркой подле витрины. Спрашиваю у Саши, что такое LIMOSNA, оказывается «милостыня», что в общем я и так подозревала.

Учитывая, что самые значимые «talantы» Санта Муерты, это способность даровать просящему деньги и удачу в любви, немного расплачиваемся за визит, оказывая помощь наркоторговцам, проституткам и людям, которые с ними борются, и потихоньку выходим, чтобы не мешать двум зашедшим посетительницам, скрестившим руки в молебне перед алтарем.

Еще немного глазеем по сторонам. Невдалеке потихоньку начинают выкристаллизовываться проспавшиеся к обеду субъекты.

Никто пока не пристает.

Через пару минут Sunny, который ведет эту экскурсию по запретной территории и явно чувствует ответственность

за нас, тихо произносит: «Уходим», и мы аккуратно сматываемся.

Оказавшись за пределами досягаемости своеобразного райончика, наш предводитель улыбается и резюмирует: «Теперь можете гордиться. Вы побывали в Тепито».

Таки, конечно... ..а то.

Я не такая

Если бы мне кто ранее сказал, что я буду бегать по местам в Мехико, где Кастанеда гулял с доном Хуаном, со своим индейским учителем, тем самым, что поведал ему о наследии древних толтеков в виде их умопомрачительных знаний, я бы сильно обиделась. Не уважаю я это, по чужим следам бегать.

Всегда была уверена, что это стремление поднять свою значимость таким дешевым способом, вызвано отсутствием собственного достоинства. Я не такая.

Я совершенно не напоминаю нашему проводнику о такой возможности, и даже уверена, что обойдусь – мне это не особо интересно. Но, когда Саня говорит, что может показать святое место, историческую скамейку, где сидел Кастанеда с доном Хуаном, с возможностью опробовать ее своими чреслами, я почему-то думаю, что, наверно, такую возможность упускать нельзя.

Не, не то что бы я фанатею, нет, конечно, как вы могли подумать... но просто побывать, на месте силы, где все происходило, наверно, интересно. Почему нет, все равно гуляю?

«А может я тоже чего увижу, – затаенно мечтаю я, и, выдержав мою доброкачественную паузу, символизирующую, что «не больно-то и хотелось», мы дружной толпой направляемся к метро.

Симпатичный парк Аламеда, симпатичная аллея с коваными скамейками. Марево летнего вечера над дорожками.

– Наверно, это здесь, – говорит Саня, – указывая на одну из них.

– А ты что, точно не знаешь? – изумляюсь я.

– Так что мне говорили, то и я.

Никто ничего не знает в точности. Но вот видишь напротив церковь, и скамейка лицом туда направлена. Значит, это здесь. А вон там, похоже, – машет рукой немного влево на бордюр дороги, – тот парень умирал, чью смерть как энергетического тела они наблюдали.

Помнишь?

Помню, помню этот момент в книге.

– Так это здесь было?

Пусть так. Собственно, действительно совсем точное место не важно. Так просто, как есть.

Короче, и на скамейку я взгромождаюсь, и задумчивый вид отрешенного воина принимаю, о вечном думаю. Хорошо. Не упустила. Хочется больше, прошу сфотографировать, меня на лавке, наверно доказательство хочу. Непонятно кому только, самой себе?

Я тем временем чувствую умиротворение, и, кажется, осознаю непреодолимое желание продолжить путешествие по местам литературных героев.

Причем, когда я слышу свой вопрос, а не знает ли Саша, где тут тот знаменитый ресторан Такуба, куда Кастанеда с до-

ном Хуаном ходил, вдруг начинаю понимать, что мое истинное желание все это лично посетить и надышаться сказкой настолько мощное, что непонятно, как я умудрялась так тщательно скрывать его под толщей праведных суждений о том, как неприлично вестись на такие дешевые уловки собственной значимости.

Ведусь, даже не то что ведусь, а скачу вприпрыжку, когда Саня объявляет, что искомое место недалеко.

Понятно, мы направляемся туда, тем более уже и перекусить охота. По дороге я еще раз, уже более проникновенно, пытаюсь объяснить «не очень» находящемуся в теме толтекских практик Пятачку, в каком уникальном месте он сейчас находится, и на какой он скамейке посидел! И что это значит для человечества. Пятачок не спорит, потому что это бесполезно, находясь рядом с двумя древними последователями древнеиндейских знаний, пытается делать уважительный и глубокомысленный вид, но понятно, что это не более, чем дань вежливости интеллигентного человека и желание сохранить здоровье.

Тогда я прекращаю изливать свое возбуждение и говорю историческую, как я надеюсь, фразу: «Вот потом, когда ты будешь этим заниматься и читать, вспомнишь эти места!»

Люда смотрит на меня, как на человека с легкой степенью придурковатости. А я знаю, что это так и выглядит. Поэтому продолжаю формулировать свое веселое понимание момента:

– Прикольно, кто-то читает «папирус» Кастанеды, практикует и мечтает попасть сюда, ищет встречи, и когда попадает, то благоговеет от сопричастности. А у тебя наоборот! Сначала все дадено, а потом придет понимание. Главное впитывай.

Люда говорит, что «да-да, все крайне забавно» и «конечно, придет». И мне перестает хотеться еще что-то говорить, потому что действительно, нужно время. И что-то еще. Может быть, удача.

«На самом деле никто не должен так яростно хотеть заниматься именно этим, просто потому, что толтекский Путь воина выбрала для себя я, — пытаюсь быть объективной я, но чую, что толерантность сегодня „не моё“ и бросаю врать себе, потому что на этот момент я абсолютно уверена, что более достойного занятия нету, — А Люда обязательно к этому придет, потому как нам еще год вместе тереться. И притереться должно по определению. Деться-то ей некуда».

Точек приличного общепита в деловом центре города мало, поэтому Такуба переполнена. И не производит ровно никакого сказочного книжного впечатления. Какой-то прямоугольный тесный зал начала двадцатого века, с двумя рядами поставленных ромбами столов под синими и белыми скатертями, разукрашенные лепниной богатые стены, добротная обстановка, но нету того изысканного шарма, который ожидаешь от описаний ресторана. Наши ожидания сильнее нас.

Из-за тесноты и обилия проголодавшихся нам выделяют место где-то в дальнем закутке, практически под лестни-

цей на второй этаж. Подниматься по белоступенной пологой лестнице нельзя, на нижней ступеньке стоит табличка с переречкнутым человечком – не работает, значит, верхний зал.

Изучаем меню, цены оказываются такими не хилыми, что обедать по полной здесь почему-то уже не хочется, и мы решаем ограничиться кофе, который, впрочем, оказался великолепен.

Саша говорит, что возможно здесь и сидел Сам дон Хуан, и мы с любопытством рассматриваем интерьер, «рококошную» атрибутику ресторана, изящную сервировку столов, картины в массивных рамах на стенах и довольных посетителей. Собственно, по-правильному, это кафе.

На столе желто-коричневая стильная табличка-подставка возвещает, что это есть «Cafe de Tacuba fundado en 1912». Значит, не ошиблась насчет начала века. Но подобный роскошный вид не всякому ресторану под силу. И в то же время, черт возьми, кофе кофеем, но удовлетворения нет.

Значимость события не удовлетворена. Какой-то он тесный этот ресторан. Впрочем, тут есть второй этаж, куда нельзя.

Но после Сашиних разглагольствований, что, возможно, великие литературные персонажи обедали на втором этаже, и вообще второй этаж хорош и просторен, мы решаем туда прорваться.

Собственно, никаких препон, оказывается, нам никто и не чинит. Хм.

– Моно?

– Да, пожалуйста, конечно, полицезрейте.

И мы, аккуратно перешагнув табличку с перечеркнутым туристом, благоговейно поднимаемся на второй этаж.

И вот тут случился «ах». Пройдя по нависающему над нижним залом и заставленному цветочными горшками балкончику-переходу, мы попадаем в потрясающий роскошью и стильностью зал, вымощенный светлой плиткой с коричневым обрамлением по периметру, и фигурами святых во весь рост в дальних овальных нишах, картинами на стенах и люстрами необыкновенной красоты. Столы сдвинуты в один угол, освобождая для чего-то пространство, окна, выводящие на балкончики с ажурными решетками, распахнуты, впуская ветерок и пение птиц.

Я не великий знаток дизайнеровских штучек, стилей и направлений, и определения их с научной точки зрения, но пространство, куда мы шагнули, завораживало тишиной и совершенством. Да бог с ними с этими определениями, если умиротворение касается тебя нежно каждым кубическим сантиметром. За этим наверно сюда и ходят.

– Другой мир, сказка – выдыхает Людовик.

– Ничего так, красиво, – по-хозяйски, довольно констатирует Саша.

– Нет, по-любому, они здесь и обедали, нам показали присутствие духа, – призываю я всех согласиться с важностью момента.

Все соглашаются, что произошло что-то необычное. И хотя мы не знаем «что», но здорово. Спасибо, прикоснули нас.

И еще раз запечатлив внутри себя и на фото отдельную реальность, немного ошарашенные, мы тихо покидаем это место.

Погода переменная, то солнце, то польет обильно. Двигаемся какими-то улицами в районе центра и в дождь пытаемся забегать в магазинчики. Санька рассказывает, что здесь странное устройство торговли. На улице располагаются магазины одного вида товара. Допустим, есть улица, где продают запчасти к компьютерам и оргтехнику, а есть улицы с ювелирной торговлей, даже целая улица свадебных нарядов. Как раз к ней мы сейчас и подходим, поэтому и вспомнил, наверное.

И правда. Непонятно как выживают в условиях такой конкуренции, а может у них один хозяин, и это маркетинговый ход. Проходим через ряды сказочных платьев, сверкающих за витринами, но именно они закрыты, сиеста. Она тут тоже бывает.

Поскольку Такубанского кофейка хватает ненадолго, начинаем водить носами и приглядываться в поисках чего-нибудь съестного и места, куда можно уронить уставшие тельца.

И Саня продолжает посвящать нас в премудрости общепита Мехико. С хитроумным видом заводит нас в просторное простецкое помещение, на пороге которого красуется

вывеска о том, что если взять три, то можно заплатить за два, и значок проценты, и цена 35 песо.

В этой столовке мы и обедаем.

Понятно, что чего-то поняли не так, мы так вообще пока только цифры и значок процентов понимаем, а Сашуня, оказывается, что-то не так выяснил, и нас все равно покормили более дорогим обедом, и он чего-то переживал по этому поводу, что не заметил коварной приписки внизу, что скидка не на все комплексы. А чего переживать, если и дорогой обед сто двадцать всего рублей стоит.

Вообще тут принято, собирать разные типы комплексных обедов, нескольких видов с большим или меньшим набором блюд. Называется все это устройство Комида Коррида. Что значит «еда по-быстрому». Наш командор говорит, чтоб мы и потом искали Комиду Корриду, потому что и вкусно, и недорого.

Кормим гида, лопаем сами, к обеду кучу всяких сухих хрустяшек выдают и компотик какой-то еще приносят сверху, ну нах, как соцреализм.

А Санек тем делом вещает все, что вспоминается, про нравы и законы Мексики и потихоньку учит нас всяким испанским словечкам. Например, спрашиваем, как сказать, что было очень вкусно, потому что, насытив середку тела, мы благодушно хотим излить благодарность обслуживающему персоналу, в виде сдержанной, но приветливой девушки в передничке.

– Можно сказать *muu sabroso*, муи сабросо, – говорит Саша, – но лучше, если полный восторг, сказать «ке рико».

Мы благодарим девушку «мучас грациас, ке рико!», девушка улыбается, Саня смеется и поясняет, что «*que rico*», еще также употребляется и после бурных плотских утех в знак одобрения, типа как все вкусненько было. О, боже!

– Вот так поведешься на что-нибудь, а потом окажется, что сказал «с Новым годом, пошел на фиг», ...этак и в лицо схлопотать недолго, – сердито насупливаюсь я. И мы хором ржем, обсасывая перспективку.

По дороге домой вновь заходит разговор о том, как прилично одеваться женщине, чтобы не привлекать похотливых латиносов, особенно в сомнительных кварталах, куда можешь случайно забрести. А Сашуля опять только что указал на миленький центральный скверик у белой церкви, который как-то раз, когда он проходил, был заполнен сотней бомжей. И ему прямо было страшно проходить.

– Вот они, контрасты Мехико! И все они будут к вам приставать или как минимум разглядывать.

В свете вышесказанного я из любопытства задаю вопрос и из-за него неожиданно попадаю под Санину раздачу.

А спросила я, без тени мысли о сомнительности собственного наряда из черных хлопковых лосин, длинной футболки и жилетки сверху, который лично мне кажется более, чем консервативным и удобным:

– Тогда в чем тут безопаснее ходить, если такие контрасты?

– Не стоит ходить в слишком обтягивающем, – не смотря в мою сторону, отвечает Саня.

Ну, да я с ним согласна, вон некоторые мексиканские молодухи как обтянут себя белыми или розовыми лосинами блестящими, жуть, особенно в плане эстетики.

– Ага, точно! – говорю я, скромно чувствуя, что вот мы – то «точно не такие», а гораздо лучше, – Как коровы ведь переваливаются в них и переливаются.

– Кто? – уточняет Александр.

– Ну, мексиканки вон ваши. Жирные.

– Да я про тебя! – не желая молчать, сурово делает замечание главный.

– Чего про меня? – недоумеваю я поначалу, – Корова?

– Про твои обтягивающие лосины, – рубит знаток местных традиций, Саша

– У меня?? – я испытываю настоящий шок, – Как? У меня же черные и просто спортивные!

– Это кажется, – убежденно парирует Александр.

И думаю, что ничего себе мы с Людой попали в наших спортивных штанах. Да, она еще и в розовых.

Додумать не успеваю, потому что Саня добавляет:

– Вот у Люды нормально. Спортивный костюм. Как брючки.

– Вроде на попе спортвики у Люды тоже не болтают-

ся, а наоборот. В чем разница? Почему у Люды прилично, а у меня нет?.., – я все-таки возмущенно пытаюсь понять за что «выговор»?

– Там материал плотнее, а у тебя тонкий трикотаж, – опять недовольно, что приходится вдаваться в подробности, объясняет Саша.

Я бурчу, что не такой уж и тонкий. И не так уж и обтягивает. Неужели все так плохо...? Но понимаю, что Сашка, скорее всего, прав.

Не надо привлекать лишнего внимания. Наверно, это и есть соблюдение безопасности. Профилактика. Хотя я не знала, что привлекаю. В России на такой стиль и внимания никто не обратит, хоть того больше обтянись, а здесь ты же женщина, девушка даже. Да еще и туристическая, значит не бедная. Со всеми вытекающими.

Я вообще человек мнительный. Теперь уже и мне кажется, что меня сканируют подозрительно-похотливые взгляды страстных и небогатых мексиканских мачо. Фух, Саня зараза. Ну ладно, поняла. Исправлюсь.

Больше я в одних лосинах не засекаю нигде. Придумала, подсмотрев в Европе моду, надевать поверх тонких хлопчатобумажных леггинсов шорты. Как вратари на футбольном поле или сами игроки. Это ведь год мундиала. Мне еще предыдущим летом понравился такой стиль у итальянских парней. На заметку взяла, оказывается. Правда девушки так не носят. Но я же спортивная девушка, мне можно.

И очень-очень, по-моему, идет. К немного перекачаным рельефным икрам ног. Такая прямо вся мундиальная, мундиальная. И обтянутой задницей не сверкаю.

И так это удобно оказалось, что из подобного наряда я не вылезая вплоть до самых жарких стран, где из одежды можно терпеть только шорты и майку.

До дому добрались уже поздновато. Еще и из метро под руководством нашего пионервожатого на поверхность вышли со станции Такубайя розовой ветки, а не коричневой, которая чуть ближе к нашим апартаментам. Решили не переходить под землей, а пройти поверху. Ну и плутанули чуток.

Саша, правда, быстро сориентировался, всего один кружок нарезали километра полтора, пока на след вышли, причем я вообще не понимала, где находимся, и вприпрыжку просто бежала за локомотивом, который решительно, как всегда, поскакал с лосиным напором туда, куда ему казалось правильным, только чтоб не потерять его из виду.

Правда он все равно убежал, пока я выискивала взглядом и ждала загнанного Пятачка, который справедливо не понимал зачем нужен такой долбанутый галоп.

Потом Саша вернулся и нас нашел, быстро так в принципе нашел, и опять возглавил змейку бегущих к дому. Удивительно, как за эти пять минут пока мы были потеряны, при-

шла целая куча нового понимания, в частности: «надо всегда брать с собой пауэрбанку», лучше «знать свой адрес наизусть или вытатуировать на предплечье», и самое главное, «телефон всегда разряжается неожиданно».

Дома славно, дома отлично. Дома еда, в виде гениального Людиного борща. Мы мычим от удовольствия, восседая все вместе на старинных креслах за нашим столищем в столовой, и наполняя пространство дробным бряканьем ложек о дно старинных тарелок, зачерпываем и смачно засасываем ароматное бордовое варево со сметаной, чесноком и зеленью прямо в душу. Борщ струится по венам и достигает сердца. Фантастика.

Еще чай с сыром и печеньем.

За витринным окном темно, только светятся мелкие окошки далеких высоток. Уютный свет подсветок оттеняет холл, и эти тени загадочно потягиваются и качаются по углам. Сане не хочется тащиться обратно в Сочимилько, и он прикидывает, можно ли остаться у нас.

Мы считаем, что можно и нужно, места хватает. Правда не знаем, как к этому отнесется Джеф, которого опять нет дома, надо бы заручиться разрешением. Но Джефа пока нет. Поэтому решаем, что Саня остается, а уж если чего, будем объясняться, или, типа, уедет на крайняк на такси. Хотя прекрасно понимаем, что никто никуда не уедет.

На столе светятся экраны ноутбуков и тихонько, в качестве фона, шуршат слова последних новостей по ТВ онлайн

с первого канала, но мы их не слушаем, все там в порядке, и все это очень далеко, и, как оказалось, менее интересно, чем мы предполагали.

Саня пользуется моментом и звонит по скайпу маме, которая до сих пор, как и все мамы, считает сына ребенком и беспокоится о том, чтобы он не простудил ноги и не вошел с подозрительными мальчиками. Мама скучает, мама не смирилась с этим перебазированием на другой конец света, мама хочет дотронуться до него, или просто покормить горячим блудного сына.

«Как ты питаешься? Ты здоров?» – стандартные быстрые вопросы, как попытка зацепить ускользающего ребенка, приблизить, иметь иллюзию контроля, как такую же иллюзорную гарантию безопасности своему чаду, – «А у нас сейчас утро, сегодня тепло и солнечно», и, конечно: «Ты редко звонишь, сынок!».

И подавляемое нарочито рубленной речью Сани тепло, все равно выдавливается на поверхность слов и летит по эфемерному каналу туда в Рязань, к маме: «Да все нормально. Просто пока не позвонить, ноут в ремонте. Все хорошо у меня. Да чего ты? Я сыт и здоров. Обнимаю».

Не комментируем. Не влезает.

Саня быстро заканчивает сеанс связи. И возвращается к нам в повседневную реальность на третьем этаже серого панельного дома в Мехико.

Опять продолжается неспешный сытый разговор. Болта-

ем обо всем и смеемся, потому что всем интересно. Сашура прикалывается над малиновой бутафорской головой, запихнутой в изящную птичью клетку и подвешенную к центральному столбу, как элемент декора: «Какая аллегория замкнутого в тюрьму социумных ограничений сознания!». С его места, на облюбованном Саньком диване, этот шедевр хорошо видно. Согласны, конечно.

А с моего места видно странное предписание «THC – *DENTRO*, TABACO – *TERAZA*» на табличке с перечеркнутой сигаретой, повешенной заботливым хозяином справа от выхода на террасу, видимо для гостей. Имею неосторожность поинтересоваться.

Тут же получаю ответ от Сани, поддерживаемого Людьми, которые, брызнув на меня сдержанным хихиканьем, как самому неграмотному, поясняют для закрытия пробелов в воспитании, что это значит «курить в помещении нельзя». Только на террасе. И ухмыляются оба дальше.

Я говорю, что этот момент как раз поняла. А что такое THC? Который можно внутри.

И тут, под полный ржач, наконец, мое белое пятно в отношении местных развлечений и пристрастий закрывается, потому что Саня поясняет, что это и есть тетрагидроканнабинол, то самое, что содержится в листьях конопли и запрещено во многих странах, как наркотик. Вот оно что...

— Про это и есть, что ли, «травку курят»?

— Ага.

— Ну вот, докатилась. Разбираюсь в травах... Ботаник, — изображаю осуждение я.

И тут Санечка говорит свою знаменитую фразу, которую я позже идентифицирую как основную, о том, чем хороша Мексика. А тем что с потреблением ТНС никто не борется, продается практически легально, недорого, и что ради одного этого стоило бы приехать в Мексику на пожить. Саша считает это благом.

Теперь понятно. Джеф в последствии тоже поведал, что это неотъемлемая часть их времяпровождения в молодежной тусовке, все обыденно, бытово. Вот девушка его приходит в гости, так сначала покурят обязательно, потом общаются. Как так и надо. А курение табака, кстати, как и почти везде нынче в мире не приветствуется, потому что очень вредно для здоровья. И поэтому курящим ТАВАСО — вон из помещения, на балкон, бессовестным.

Разговор опять переходит на темы искусства. После Джеффова творчества вспоминаем картины Модильяни и Пикассо. Ах, Саня купается в теме.

И Люде никак не дает покоя мысль, что Саня закапывает свой талант, и тонко улавливая его все-таки тоску по любимому делу, пытается придумывать варианты, которыми Сашка мог бы зарабатывать и здесь, реализовав свое предназначение.

Но дело, похоже, в другом. Саня без сомнения отмеча-

ет варианты и предпосылки, типа онлайн обучения, создания курсов для детей и взрослых абсолютно, утверждая, что здесь это все не востребовано, и он пытался, но убедился в бесполезности.

Его большое сопротивление будто прикрывает раздражение, непонятно на что. Саня опять начинает говорить о настоящей жизни, которая в его «фильме» включает в себя спартанские условия существования бок о бок с полукриминальными элементами, где хозяева дешевых хостелов сами воруют, и даже не скрывают это, короче героические трудности и праведные лишения.

Впрочем, каждый волен выбирать, чего ему не хватает. И я лично не берусь слету распознать, где тут собака порылась, и почему, даже уже жалуясь на ухудшающееся из-за поганых условий здоровье, образ такой настоящей жизни все равно привлекает его немеряно.

– А что касается искусства..., – Саня задумывается, надо ли это формулировать, но потом решается и рассказывает, что его учитель, очень хороший преподаватель из суриковского института, умудрился донести до него самое главное, что он усвоил как художник, и что в общем перевернуло его мир. Это определение, что такое непосредственно живопись.

Фраза о живописи звучала примерно так: когда мы копируем трехмерное пространство на двухмерное пространство бумаги, в реальности, мы имеем дело с набором пятен, которые отличаются по интенсивности тона (темнее-светлее).

Любое пятно в своей подробности доходит до точки. Если речь идёт о живописи, эти же пятна ещё и отличаются по своей тепло-холодности.

В действительности – это всё.

По какой-то причине, это производит на меня ошеломляющее впечатление. Макромир, сведенный до точки, и точка, содержащая Вселенную. И всё.

– Да, весь мир вокруг нас набор пятен, отличающихся интенсивностью тона и тепло-холодности, – повторяет Саша.

Говорить больше не хочется, и поздно уже.

Саня просит дать ему залезть в ноут, Люда дает ему свою машину, и Саня утопает в просторах интернета, по которому, как я его понимаю, у него тоже легкая ломка.

Пришедший заполночь Джеффуля, у которого все-таки с некоторым сомнением, испрашиваем разрешения для нашего гостя переночевать, не возражает. Как здорово иметь дело с молодыми людьми, которые редко бывают занудами. Говорим, что если надо доплатить, то решим, а ночлежнику выдадим наш спальный мешок и пледик, чтобы мероприятие было беззатратным в плане стирки постельного белья. Кто ж его знает, как тут принято, а деньги все считают. К счастью, никаких проблем не возникает, и наш хозяин говорит «забейте» и просто больше не возвращается к этому вопросу и сваливает спать.

Выделяем Александру спальник, он говорит, что достаточно будет, но мы чего-то решаем его дополнительно утеп-

лить, поскольку сами окочуриваемся ночью, и скидываемся двумя пледиками, моим черным из Декатлона и Людиным пятнистым, кем-то когда-то задаренным и так ныне приходящимся в пути, что она его даже далеко и не запихивает во время переездов, как самую необходимую вещь.

Когда я из своей каморки выношу Санечке дополнительные одеяла, то неожиданно застаю его уже быстро свернувшись, с голым торсом. Упсс, немного не ожидала, но все закономерно, человек спать собирается.

Не особо глаза, мельком отмечаю подкачанные формы и гладкую кожу, но больше всего поражает, что под вязанной шапочкой, которую он наконец снял, были забраны длинные, потрясающей мелкой кудрявости волосы. И которые теперь, наконец получив свободу, рассыпались по плечам. Художник, ну чистый художник.

Я улыбаюсь и покачиваю головой, дескать «ни фига себе, как классно». Саша доволен произведенным впечатлением, а я убеждаюсь, как мы обожаем сами дорисовывать облик человека, и как это может не соответствовать тому, что есть на самом деле. Особенно если на этом самом деле есть чего показать.

Санек у нас впоследствии остается ночевать в столовой, с позволения хозяина, еще пару раз. Похоже, что все-таки «настоящая» жизнь в условиях наличия душа, мягкого дивана и теплого индивидуального сортира все-таки иногда больше притягивает, чем «совсем настоящая» с матрасиком

на цементном полу и ночной поножовщиной.

Глава 6

Меня блазнит

Как бы ни было, а привыкается ко всему. И к мегаполисам, и к шуму, и к высоте над уровнем моря, переменчивой сырой погоде, отсутствию отопления и иногда горячей воды. В общем не суть. Бытовуха.

Нет, все-таки не люблю начальный период в освоении новых земель, пока еще свободно не ориентируюсь в пространстве, то есть пока не выходилась, не запомнила равнинную или пересеченную местность со всем, что на ней установлено зодчими, бизнесменами или природой.

Вообще, в нашем кругу считается, что я хорошо ориентируюсь, и я всячески поддерживаю это мнение. Но сегодня честно признаюсь себе, что ни фига не лучшая в этом деле. Не тупарь, конечно, полный, но и не луч света в темном царстве. Дело в том, что я очередной раз промахиваюсь с выходом на зоопарк, свернувши на улицу с милым названием 508. «Хрен знает, что за путаница в мозгах. А может и не в мозгах. А может просто день такой. Вроде четко по азимуту иду», – уже ощущаю лимонную оскомину я, глядя в телефон.

Самое коварное, что навигатор, мой во всяком случае, имеет особенность шараться по плоскости маршрута с ам-

плитудой в полтора километра и сменой направления на противоположное. Шалун этакой. Накушается магнитных коварных излучений и давай радостно колобродить. Со мной впридачу. Пока не протрезвеет.

А, да, о чем это я? О топографическом кретинизме.

«Не, я не блондинка», – надеюсь, по крайней мере я, после того, как выйдя на станции «Sevilla», что на розовой ветке метро второй раз пытаюсь вырваться из замкнутого круга, по которому я, как блудливая коровка, нарезаю, но словно в дурном сне снова обнаруживаю себя в исходном месте на выходе из метро. От которого я полчаса назад и стартовала. В общем, я понимаю, что с ума не сошла, а сон был просто странный, а не дурной.

Дело в том в предыдущую ночь в мое сновидение аккуратно вмешалась укукошенная жиличка. Не показываясь сама, она заставила меня во сне взглянуть в зеркало, которое почему-то оказалось надо мной на потолке, как большой телевизор. Мне казалось, что мои глаза широко открыты, и я наблюдаю картину залитой солнцем улицы. Хихикающий женский голос произнес: «Смотри. Ты хотела туда», и что-то еще пробулькал.

Я не успела, а может, и не смогла возразить, что кроме антропологического музея сама точно не знаю, куда бы хотела в Мехико, как оказываюсь погруженной в видение белой оживленной авеню со снующим транспортом, витринами магазинчиков и кафе, утопающими в зелени и цветах. Вдалеке

различимы два, расположенные друг на против друга, портала метро, я не могу прочесть название станции, но место мне смутно знакомо. По-моему, я здесь уже бывала пару дней назад. Мое внимание неожиданно привлекает затонированная витрина кондитерской с эмблемой заведения в виде кренделя на колесиках. За бликом эмблемы отчетливо просвечивает неспешное перемещение покупателей вдоль длинной стойки, а затем я зацепляюсь взглядом за похожий на круглые советские уличные часы, объемный двухсторонний указатель, сообщающий, что рядом где-то «фармация», то есть аптека. «Часы» зеленые с белым крестом посередине. Собственно, никто ничего не рекомендует, но как это бывает в сновидении я знаю, что просто там нахожусь. Трудно объяснить. Вроде как пометила.

И что? А ничего. Все равно не понятно, что это и где это. Сон незаметно, но устойчиво перешел в обычную неосознанную фазу, где было место летающим метлам и диковинным зеленым зарослям спиралевидной формы из параллельной реальности. Высыпаться и отдохнуть теперь на своей кровати я стала просто феноменально, поэтому париться по утрам по поводу призрачных видений не стала, мало ли чего померещится, а плотно заправившись, желая применить прилив сил, оставляю Пятачка работать и просто скачу куда глаза глядят. Понятно, на метро и поближе к центру, ведь там столько интересного.

Короче, сегодня я уже реально слегка матюкаюсь, и пыта-

уюсь здраво рассуждать почему меня периодически в это место затягивает: «Нравится, что ли, организму эта широченная авенида Чапутельпек?»

Конечно, в этом районе и зоопарк недалеко, и музей современного искусства. Неплохо бы посетить. Но мест в городе непознанных миллион. Во все хочется. И вот ведь! Если целенаправленно едешь – чаще все в порядке, доедешь. Но как только безвекторная вылазка, наугад – результат один. Ты оказываешься в окрестностях станции «Sevilla». Позавчера, например, как ни старалась узнать новое, даже сливаться с городом умышленно вышла на следующей за точкой коварного притяжения станции метро и даже пошла в другую сторону, рабочая версия «искать сад Пушкина», он, кстати, реально так и называется Jardin Pushkin и нашему великому посвящен, да только через сорок минут, радостно уперлась в табличку av. Chapultepec на стене серого неприметного дома.

«Твою мать», – подумала я, и в первый раз решила почитать потом в интернете о признаках прогрессирующего слабоумия. Не успела.

Поэтому сегодня, когда в попытках вырваться из аномальной зоны в третий раз прохожу мимо аптеки с открытой передней стенкой, как тут принято, и заведения с тонким ароматом пирожных, то все-таки обреченно допускаю: «Похоже, блазнит... Может, на погоде? ... Или с ума сошла».

Ведь все понятно вокруг, не первый раз тут шастаю, а пе-

ремкнуло и все. Не могу сориентироваться. Ноги неудержимо топают по их желанию.

Продавец аптеки, опять завидев меня, озабоченно шествующую мимо его заведения, уже улыбается с сочувственным пониманием. Я начинаю подозревать, что я не первая тут такая. А может, это сон?

«Пожалуй, настало время просто спросить, где дорога в зоопарк», – взгляд фармацевта в очках и белом халате был добрым и приглашающим, поэтому, поддаваясь внутреннему порыву, я заворачиваю к его наполненному всякой медицинской всячиной стеклянному прилавку.

На пороге я оглядываюсь, вырабатываю привычку просто запомнить пространство, чтоб не уйти потом в другую сторону, на четвертый круг.

Не так далеко за деревьями виднеются два портала входов в метро с надписями ярко сиреневыми буквами «Sevilla», а над соседним кафе прибит круглый, как старинные советские уличные часы, объемный зеленый указатель с крестом, сообщающий, что здесь рядом аптека. Несмотря на близость оживленной трассы тишина окутывает уши, как будто случается некий пробел между двумя накатами шума.

Это было место из сна.

Проскользив пару шагов по глади аптечного пола, я отправляю в тишину приветствие:

– Buen dia!

Доброжелательное: «Hola», доносится в ответ и что-то

учтиво добавляется еще. Желудком понимаю, что он спрашивает, чем может помочь.

С какого-то перепуга говорю, что мне нужен музей антропологии. Тот самый национальный, о котором мечтает всякий порядочный практикующий, читавший Кастанеду. Конец фразы со слов «о котором мечтает» я не озвучиваю в связи со скудными познаниями иноземных речей, но подразумеваю.

Продавец четко понимает смесь моего, того еще, английского и никакого испанского и примерно на такой же смеси отвечает, что сегодня уже поздно и туда идти не надо, потому что у меня будет мало времени для знакомства с этим грандиозным хранилищем, туда лучше с утра и в будний день. Мое тело неожиданно расслабляется, потому что я отсекаю, что на диво полноценно понимаю мягкую речь незнакомца.

«Esta cerca, – поясняет он, что значит „это недалеко“, – Мимо парка Chapultepec, потом по улице Paseo de la Reforma, и там рукой подать».

Благодарю, что еще можно сделать в такой ситуации, он прав. На тот вожденный музеище надо часов шесть закладывать. Хотя я сегодня туда и не намеревалась. Впрочем, зоопарк меня тоже больше не интересуют, я наполнена легким счастьем от отсутствия целей и от того, что хорошо поговорила с мужиком. И все правильно.

Я собираюсь покинуть заведение, но из вежливости оглядываю товары на прилавках, лекарства – дело хорошее, и тут

мой взгляд привлекает рекламная листовка с изображением странной зеленой круглой пирамиды, панорамно снятой откуда-то сверху. Там, по-моему, что-то прописано про живительную силу каких-то трав, произрастающих рядом с жирными кактусами. И что пирамида древняя и считалась долгое время потерянной, даты указаны.

Погоди, погоди. Ах, да. Да, я знаю! Точно, это же и есть то место, которое нам полгода назад показывали как-то на онлайн занятия – относительно недавно откопанная редкая пирамида круглой формы, что теперь находится уже прямо в черте города, потому что он до нее расширился и потек расползаться дальше.

И мы созерцали вид этой пирамиды на фото, будто зависали над ним мысленно. Это Место силы. Я хотела сюда.

«Как же я о нем забыла?»

Проницательный, в белом халате, как будто невзначай говорит мне, что я могу поехать туда *ahora mismo*, то есть прямо сейчас. Это очень интересное место. Мне очень понравится. Куикуилько называется. А я, собственно, уже прочла и сама, тут же вспомнила это название. Куикуилько. Смешное такое.

– Мучас грациас! Премного благодарна, дяденька. Хорошего вам дня.

Я собираюсь выйти на улицу, чтобы приютиться на какой-нибудь лавке и спокойно ознакомиться с маршрутом по доставке моего брэнного до нестерпимо желанного теперь

Куикуилько, одновременно думаю добропорядочную мысль: «А не позвонить ли Люде, вдруг у нее уже уроки закончились».

– Только ты должна сходить туда одна, – слышу я за спиной мужской голос и, подпрыгнув, разворачиваюсь обратно в сторону прилавка, потому что я дословно понимаю, что мне сказано.

«Как это может быть, ведь не на русском же это звучало». Или... на русском.?» – и вливаюсь в продавца за прояснением, надеясь, что его бабушка была москвичкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.